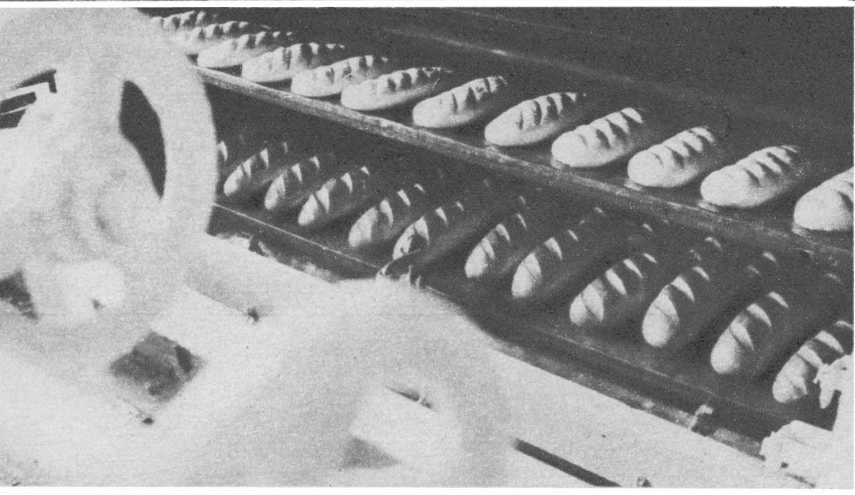

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 43 ОКТЯБРЬ 1982

«МЫ СЧАСТЛИВЫ В АРТЕКЕ!» — ГОВОРИТ ЮНЫЙ ПАЛЕСТИНЕЦ АБДЕЛЬ-КАДЕР ЗАКАРИЯ

Перед началом смены...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 43 (2884)

23 ОКТЯБРЯ 1982

НЕГРОМК

Коломна — город древний и новый.

ОБРАЗ ЖИЗНИ — СОВЕТСКИЙ

Трудящиеся Советского Союза! Выше знамя социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение плана 1982 года, заданий XI пятилетки!
Пусть еще сильнее, богаче и краше станет наша великая многонациональная Родина!

Из Призывов ЦК КПСС к 65-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

К. КОСТИН,
И. РОМАНОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Второй завод еще не пустили — он должен был выпекать булки и батоны, а Пантюхина уже пришла к директору, просилась: «Переведите!» Так истосковалась по белому хлебу... Думалось ей, вот пойдут батоны и сайки — значит, жизнь наладилась, вошла в русло. Было это сразу после войны, о пшеничном хлебе только

Окончание см. на стр. 8.

Мария Ивановна Пантюхина.

АЯ ПРОФЕССИЯ

Вся семья в сборе: дочь Наташа, Мария Ивановна, муж Иван Степанович и сын Володя.

У парикмахера.

Во время переговоров.

В ДУХЕ ДРУЖБЫ И ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с 12 по 16 октября 1982 года в Советском Союзе с рабочим дружественным визитом находился Председатель Временного военного административного совета (ВВАС) и Комиссии по организации партии трудящихся Эфиопии (КОПТЭ), главнокомандующий Революционной армией Социалистической Эфиопии Менгисту Хайле Мариам.

Между Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым и Председателем Временного военного административного совета и Комиссии по организации партии трудящихся Эфиопии Менгисту Хайле Мариамом состоялись переговоры по вопросам двусторонних отношений и сотрудничества, а также по актуальным международным проблемам, представляющим взаимный интерес. Переговоры проходили в сердечной атмосфере, в духе дружбы и взаимопонимания.

В переговорах приняли участие:

с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, член ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, кандидат в члены ЦК КПСС, посол СССР в Социалистической Эфиопии К. Е. Фомиченко.

С эфиопской стороны — член ПК ВВАС и Исполкома КОПТЭ, заведующий международным отделом ЦК КОПТЭ Берхану Байе, член ПК ВВАС и Исполкома КОПТЭ, заместитель Председателя высшего совета по проведению общенациональной революционной кампании развития и центрального планирования Аддис Тедла, член ЦК КОПТЭ, министр общественной и государственной безопасности Тесфайе Вольде-Селассие, член ЦК КОПТЭ, первый заместитель заведующего организационным отделом ЦК КОПТЭ Алему Абебе, член ЦК КОПТЭ, первый заместитель заведующего идеологическим отделом ЦК КОПТЭ Фасика Сиделиль, член ЦК КОПТЭ, заведующий отделом ЦК КОПТЭ по вопросам юстиции, безопасности, внутренних дел и обороны бригадный генерал Сейюм Меконын, член ЦК КОПТЭ, посол Социалистической Эфиопии в СССР Несибу Тайе, член ЦК КОПТЭ, специальный помощник Председателя ВВАС и КОПТЭ Менгисту Гемечу, постоянный секретарь МИД Эфиопии Тибебу Бекеле.

В ходе состоявшегося во время визита обмена мнениями стороны выразили удовлетворение все более углубляющимися узами дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Социалистической Эфиопией. Стороны приветствовали укрепление отношений между КПСС и КОПТЭ, крупным вкладом в развитие которых являются соглашение о сотрудничестве между КПСС и КОПТЭ, подписанное в ходе визита Л. И. Брежневым и Менгисту Хайле Мариамом, а также принятый план связей между КПСС и КОПТЭ на 1983—1984 годы.

Оценивая современную международную обстановку, Советский Союз и Социалистическая Эфиопия с глубокой озабоченностью отметили серьезное осложнение политической атмосферы в мире в результате агрессивной политики, проводимой империалистическими державами, и в первую очередь Соединенными Штатами, которые, как отмечают обе стороны, проводят политику конфронтации, взвинчивают гонку вооружений, пытаясь добиться военного превосходства. Советский Союз и Социалистическая Эфиопия осуждают такую политику балансирования на грани войны и призывают к совместным усилиям всех миролюбивых стран для предотвращения дальнейшего ухудшения международного положения.

Эфиопская сторона выразила свое полное одобрение советских мирных инициатив, особенно обязательства СССР не применять ядерного оружия первым.

Стороны выразили глубокое удовлетворение итогами визита в Советский Союз Менгисту Хайле Мариама. По их мнению, состоявшиеся переговоры, подписанные соглашение и документы явились новым крупным вкладом в укрепление дружбы и всестороннего сотрудничества между Советским Союзом и Социалистической Эфиопией, между КПСС и КОПТЭ.

Подписание советско-эфиопского соглашения.

Фото А. ГОСТЕВА

НАШ ВЗГЛЯД

НЕДЕЛЯ ДЕЙСТВИЙ ЗА РАЗОРУЖЕНИЕ

Сергей ЛОСЕВ

Возобновление в Женеве советско-американских переговоров об ограничении и сокращении стратегических вооружений Белый дом сопроводил необузданными нападками на тех, кто выступает против политики, приближающей термоядерную катастрофу. В своих речах в ходе предвыборной поездки по стране президент Р. Рейган пытался изобразить американских сторонников замораживания ядерных вооружений «предателями», «неискренними и бесчестными людьми».

По существу, беспрецедентные нападки президента затрагивают каждого четвертого американца, если учесть, что каждый четвертый американец в день предстоящих выборов 2 ноября будет участвовать в референдумах по вопросам замораживания ядерных арсеналов, которые состоятся в 8 штатах и десятках американских городов, включая Чикаго, Вашингтон и Филадельфию. Один из соавторов внесенного в сенат проекта резолюции о немедленном замораживании ядерных вооружений, сенатор Эдвард Кеннеди, отметил, что миллионы американцев, представителей всех слоев общества, выступают за предотвращение ядерной катастрофы и прекращение гонки вооружений. Как нехотя признает газета «Вашингтон пост», движение за замораживание ядерных вооружений выросло в Соединенных Штатах из разрозненных протестов в общенациональную кампанию, становящуюся мощной политической силой.

По-видимому, как раз это обстоятельство и выводит из равновесия хозяина Белого дома, прибегающего к тактике запугивания инакомыслящих, шельмования и угроз, характерной для разгула маккартизма 50-х годов.

Видимо, ближайшие советники президента не учли, что циничный курс администрации на взвинчивание гонки ракетно-ядерных вооружений и достижение военного превосходства и новая стратегия так называемого «прямого противоборства», обострившая все крайности прежних милитаристских установок, вызовут такую тревогу за будущее в самих Соединенных Штатах и окажутся политическим бумерангом.

Как указал товарищ Л. И. Брежнев в своем ответе на обращение политических и общественных деятелей Венесуэлы, со своей стороны Советский Союз делал и делает все от него зависящее, чтобы пресечь прежде всего ядерную опасность. Ради этого Советский Союз в одностороннем порядке взял на себя обязательство не применять первым ядерное оружие. Этим актом исторического значения мы вновь заверили все государства в незыблемости наших мирных намерений, в сугубо оборонительной направленности своей военной доктрины, в отсутствии стремления к какому-либо военному превосходству.

Массовое антивоенное движение, несмотря на неоднородный состав его участников, ныне в состоянии активно противодействовать авантюристическим милитаристским доктринам и действиям США и НАТО.

Именно поэтому империалистические державы и их агентура предпринимают сейчас коварные маневры, направленные на раскол антивоенного движения, на навязывание ему неприемлемых лозунгов и требований.

Эти изощренные маневры нацелены прежде всего против Европы: ведь именно отсюда массовые антивоенные настроения перекинулись теперь на Соединенные Штаты.

С 24 до 31 октября в мире отмечается Неделя действий за разоружение. В ходе ее сотни миллионов людей выразят свою непоколебимую решимость предпринять коллективные действия независимо от их идеологических воззрений и политических убеждений для того, чтобы предотвратить опасность новой мировой войны, добиться укрепления разрядки, распространения ее на все континенты нашей планеты.

В Советском Союзе Неделя действий за разоружение станет сгустком страстного стремления советских людей к сохранению мира на земле. Наш народ не нужно убеждать в преимуществах мира. Можно без преувеличения сказать, что никогда еще движение в защиту мира в Советском Союзе не носило столь массового и динамичного характера. Советский народ энергично поддерживает последовательную внешнеполитическую линию СССР на нормализацию международной обстановки, укрепление разрядки и сотрудничества между государствами.

Укрепляя экономическое и оборонное могущество нашей Родины, советские трудящиеся вносят неоценимый вклад в укрепление мира.

Уместно еще раз напомнить суровое предупреждение товарища Л. И. Брежнева о том, что «начинать ядерную войну в надежде выйти из нее победителем может только тот, кто решил совершить самоубийство. Какой бы мощью нападающий ни обладал, какой бы способ развязывания ядерной войны ни избрал, он не добьется своих целей. Возмездие последует неотвратимо».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ДЕТИ ВОЙНЫ

Хорошо отдохнули в Артеке палестинские дети. Много друзей приобрели среди советских ребят. Расставаться было жаль. Незадолго до отъезда возложили цветы к памятнику Ленину у Дворца пионеров.

О пребывании во всесоюзной пионерской здравнице сказал несколько слов юный палестинец Абдель-Кадер Закария:

— В Артеке жили дети со всех концов Советского Союза. Мы каждый день с ними играли, купались, загорали, устраивали разные конкурсы, танцевали, пели песни — наши и советские. Много беседовали через переводчиков. Мне кажется, будто я во всех республиках вашей страны побывал. Все дети, которых я встречал в Артеке, очень отзывчивы, добры к нам, солидарны с нашим народом. Я счастлив, что целый месяц находился в СССР, самой миролюбивой стране. Деды и прадеды советских детей в упорной борьбе отстаивали свою свободу и независимость. Наш народ сражается за справедливость, за то, чтобы вернуть себе родину. Сражаются не только наши отцы и старшие братья, но и дети. Многие мои ровесники участвуют в подпольной борьбе. Я сам в этом году начал изучать оружие, могу владеть автоматом. Мы с мамой бежали из Бейрута, живем в Сирии.

Палестинских ребят называют арабским словом «ашбаль». Это означает «львята». Львята же вырастают во львов. Этого и боятся сионисты.

Марат ЦЕБОЕВ

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА БОРЬБЫ

РЕПОРТАЖ С XI ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ОРГАНИЗАЦИИ СОЛИДАРНОСТИ НАРОДОВ АЗИИ И АФРИКИ (ОСНАА) В ТАШКЕНТЕ

Владимир КОВАЛЕВ, фото Игоря ГАВРИЛОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

Город обласкал гостей жаркими еще лучами октябрьского солнца и приветствовал: «Хуш келибсис!» — «Добро пожаловать!»

Одни приехали сюда, покинув ненадолго штаб-квартиры или рабочие кабинеты, другие—сняв на время с плеча автомат и крепко пожав руку товарищу-партизану, уходящему завтра в бой.

Путь некоторых из них в Ташкент был длиною в четверть века — ровно столько исполнится в текущем году Организации солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА).

Здесь встретились писатель и боец, политик и религиозный деятель. Объединила их общая идея борьбы за право человека на жизнь и труд, на счастливое будущее — свое и своих детей.

Борьба не обходится без жертв. Минута молчания — в память бойцов Организации освобождения Палестины, других патриотов из стран Азии, Африки и Латинской Америки, павших в борьбе против империализма, за свободу своих народов...

Уже первая учредительная конференция ОСНАА, созванная в Каире в конце 1957 года, вскоре после позорного провала военной авантюры западных стран и Израиля против Египта, продемонстрировала мощную поддержку общественностью азиатского и африканского континентов, социалистических стран, борьбы арабских народов, мужественно противостоявших тройственной империалистической агрессии. Тогда, двадцать пять лет назад, прозвучал призыв к миролюбивым и демократическим силам мира решительно выступить против преступных милитаристских планов империализма на Ближнем Востоке.

Ташкентский форум открыл вице-президент ОСНАА, председатель Советского комитета солидарности стран Азии и Африки писатель Мирза Ибрагимов.

С речью к участникам заседания обратился кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов.

Мне доставляет особое удовольствие, сказал он, сообщить, что сердечный привет и самые добрые пожелания плодотворной работы участникам нашей встречи просил передать Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев.

...Когда страна гордится развязанной войной — это уже преступление. Правители Израиля гордятся нынешней войной в Ливане, их четвертым крестовым походом против арабов. Походом, цинично названным воинствующими сионистами поиском «мира для Галилеи». Не сумасшествие ли — гордиться террором и геноцидом в отношении изгнанного со своей родины народа Палестины? Но льющаяся кровь невинных стариков, детей, женщин доводит безумцев с автоматами в руках до животного исступления, и в Ташкенте мощно и решительно прозвучало «нет!» варварам XX века. В этом вопросе единодушны были представители национально-освободительного движения, революционно-демократических партий, массовых общественных и религиозных организаций из 64 стран Азии и Европы, Африки и Латинской Америки, 15 международных и региональных организаций.

— Как и чем можно объяснить такую жестокость сейчас, на пороге третьего тысячелетия? — говорил со слезами на глазах по поводу резни в лагерях беженцев

Президиум заседания.

Космонавт-2 Герман Титов беседует с Рональдом Стивенсоном (США).

Зухейр Машарка, заместитель генерального секретаря Партии арабского социалистического возрождения (Сирия) (с л е в а), перед началом пленарного заседания.

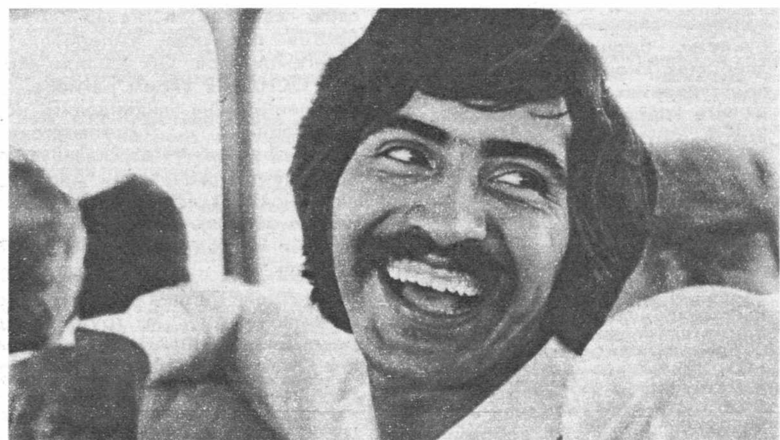
Ипполит Кимбембе (Конго), Дитер Вагнер и Ахим Рейхардт (ГДР) в перерыве пленарных заседаний.

Заместитель председателя духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана Юсуп-хан Шакиров обменивается впечатлениями с шейхом Абдаллой Халидом ас-Салехом (Общеарабский народный конгресс).

В зале заседаний.

Эдуардо Перес, председатель Никарагуанского комитета солидарности с народами.

Радушный прием на узбекской земле.

До новых встреч!

Сабра и Шатила глава делегации Организации освобождения Палестины, член палестинского национального совета Абдулла Хаурани.— Я свято верю: наши жертвы не напрасны! Да, мы ушли из Бейрута во имя спасения гражданского населения ливанской столицы. Однако борьба не прекращена, наша военная и политическая структура не нарушена, мировое общественное мнение на стороне ООП, и как никогда крепко ее единство. Мы вернемся на свою родину!..

Вглядываемся в лица европейцев и азиатов, африканцев и латиноамериканцев. О каждом из этих людей можно писать книги. Вот Тони Гилберт. Много лет назад он сражался в составе интербригады против фашизма в Испании. Ужасы тех дней запомнил навсегда. Любая захватническая война — величайшее зло и преступление, вот почему он здесь, в Ташкенте, на этой представительной встрече.

— Рядовые англичане были обмануты средствами массовой информации, которые оправдывали Израиль с таким же усердием, с каким доныне нагнетают милитаристский и псевдопатриотический угар на почве пирровой победы в Южной Атлантике,— говорит он.— Сионистское лобби сильно, в его руках ведущие газеты и журналы, радио и телевидение капиталистического мира. Факты о любой войне или агрессии, выгодной империализму, фальсифицируются, правда превращается в ложь и грязным потоком обрушивается на обывателя. Британская общественная организация «Освобождение», генеральным секретарем которой я являюсь, издает книги, буклеты, брошюры с правдой о зверствах сионистов в Ливане, о преступлениях режима апартеида на юге Африки. Мы сражаемся с врагом оружием правды.

По-деловому, конкретно проходили пленарные заседания. На одном из них обсуждались практические действия ОСНАА, направленные на консолидацию борьбы народов Южной Африки, Намибии и прифронтовых государств против расизма и апартеида. Генеральному секретарю ООН направлено послание с требованием предпринять твердые шаги для освобождения политических заключенных, томящихся в тюрьмах ЮАР и Намибии.

— Мы всегда говорили и повторяем это вновь: за свободу надо сражаться с оружием, только тогда придет победа. Победят, мы верим, партизаны Сальвадора, народ Палестины. Станет свободной Южная Африка и Намибия — тех, кто сейчас в рядах борцов, на подвиги вдохновляют победившие патриоты Кубы и Вьетнама, Анголы и Никарагуа! — Эти слова представителя Африканского национального конгресса Антони Монгало и заместителя политического комиссара Народной освободительной армии Намибии Уильяма Амагулу отражают истинное положение вещей.

На эмблеме организации НАИМСАЛ — Национального антиимпериалистического движения солидарности за освобождение Африки — крепкое рукопожатие, символизирующее единство черного населения США и их африканских собратьев. В нью-йоркском районе Бруклин живет Рональд Стивенсон, национальный координатор движения. Четырехчасовая беседа с ним оставила в памяти впечатление о человеке замечательном, убежденном и стойком борце.

— «Единство надо беречь, как глазное яблоко» — таков девиз НАИМСАЛ, — говорит Стивенсон.— Сейчас я, как никогда, понимаю слова президента Брежнева: «Мы... верим в разум человека...» Но все знают, как нелегко в Соединенных Штатах, особенно сейчас, быть оптимистом. Я прошел путь от рабочего-дорожника до политического деятеля и знаю чаяния американского народа намного лучше наших правителей-банкиров. Ближайшая цель движения — собрать 40 миллионов подписей под документом, осуждающим действия расистов ЮАР, и направить его в адрес проходящей в Нью-Йорке сессии Генеральной Ассамблеи ООН. И мы соберем эти подписи, я верю. Ведь с нами солидарны советские люди, десятки миллионов которых участвуют в мероприятиях всемирной антивоенной кампании.

На пресс-конференции, посвященной насущным проблемам современной Азии, Генеральный секретарь Кампучийского комитета солидарности народов Азии и Африки Чум Бун Ронг показал цветные и черно-белые фотографии. На них нельзя смотреть без содрогания. В одном из районов страны крестьяне готовились к полевым работам и обнаружили новое место захоронения убитых полпотовцами граждан собственной страны. В который раз мы такое видим! И сколько еще будет обнаружено безымянных могил с прахом почти трех миллионов ни в чем не повинных людей?..

У истории хорошая память. Тщетно надеяться преступникам, будто быстротекущее время скроет их злодеяния.

Крепко единство народов азиатского континента в борьбе за свою свободу и независимость, против происков империалистов и гегемонистов. Об усилиях отрядов ОСНАА в своем регионе, направленных на ликвидацию конфронтации и противостояния стран друг другу, рассказал вице-президент Организации мира, солидарности и дружбы Афганистана, заместитель председателя Совета министров ДРА Маджид Сарбиланд.

...Позади неделя напряженной работы, встреч с трудящимися республики, митингов солидарности. Участники XI заседания президиума ОСНАА беседовали с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидовым. От имени руководства Узбекской ССР и трудящихся республики он поздравил всех с успешным завершением работы и принятием ряда важных документов.

В числе документов, принятых юбилейным заседанием президиума,— Генеральная декларация, заявление по Палестине и Ливану, резолюции по Ближнему Востоку, Азии, Африке, Латинской Америке, Индийскому океану, обращение к движению неприсоединения, резолюция по проблемам разоружения и антивоенному движению. Единогласно принимается послание советскому народу и обращение в связи с 25-летием Организации солидарности народов Азии и Африки.

— Четверть века нашей деятельности показали всему миру великую силу солидарности, — сказал генеральный секретарь ОСНАА Нури Абдель Раззак. — И она, я уверен, будет крепнуть из года в год.

Ташкент.

И ВНОВЬ БЕЗ

Неудачной получилась поездка из Ростова в Москву у жителя Кургана А. И. Муреева. Инженер-механик локомотивного хозяйства, ветеран труда, отдавший транспорту 42 года и наездивший, как сам подсчитал, по железным дорогам страны более трехсот пятидесяти тысяч километров, он с понятным возмущением рассказывает в своем письме в редакцию о «заботе», которой окружили его в вагоне № 4 (заводской № 4587) поезда № 335.

«Поезд отправился из Ростова поздно вечером, хотелось спать. Но белье выдали мокрое, непростиранное. Пассажиры не знали, что делать. Проводник (фамилию свою назвать он отказался) объяснил, что чистого белья им не дали, вагон неисправен, он его вообще не хотел принимать, но начальство заставило. В четвертом купе, где мы ехали, разоборудован выключатель электроосвещения и, как и в некоторых других купе, испорчен дверной замок. Окна в коридоре не открывались, зато одно вылетело вместе с рамой во время нашей поездки. Когда легли спать, то не успели проехать и ста километров, как были разбужены треском и шумом от разбитой посуды. Оказывается, упал на пол стол, на котором все это стояло. Упал из-за того, что трубчатый кронштейн стола когда-то был сломан, но не починен как положено, а наскоро соединен и обвязан... тряпкой. При движении поезда тряпка перетерлась, и все разрушилось. Стали мы искать бригадира поезда, чтобы разрешил перебраться в другой вагон, не нашли, сказали: заболел. Проводница вагона № 6 заявила, что она замещает бригадира, но фамилию свою назвать тоже отказалась».

Тем не менее, как следует далее из письма, в результате долгих уговоров пассажиров из разваливавшегося на ходу вагона в конце концов перевели в соседний, более исправный, в коем они и завершили свою поездку.

Но злоключения самого ветерана-железнодорожника на этом, увы, не кончились. Имея на руках закомпостированный билет на поезд № 32 Москва — Караганда, Муреев прибыл на Казанский вокзал в твердой уверенности, что покинет столицу в 23.35, как обещало расписание. Но ни в означенный, ни в ближайший затем час состав под посадку не подали. Пришлось ночевать на вокзале, поверив очередному радиообъявлению, что отправление переносится... на семь утра. А ночевать в привычном всем смысле этого слова было негде — из зала ожидания волею неведомой руководящей силы были убраны все диваны. И пожилому, вовсе не богатырского здоровья человеку пришлось провести ночь на ступеньке лестницы, ведущей в соседний зал: на полу, ввиду обилия пассажиров, негде было даже ногу поставить. Впрочем, не зря говорится, что нет худа без добра. Заночуй А. И. Муреев в более комфортабельных условиях, он, чего доброго, так и не попал бы на карагандинский поезд, отправившийся не в гарантированные семь утра, а малость пораньше...

Эта невеселая история — одна из многих, описанных в читательских письмах-откликах на статью «Путешествие без романтики» («Огонек» № 21 за нынешний год) — путевые заметки командированного человека, поделившегося своими впечатлениями и размышлениями о состоянии нашего железнодорожного сервиса.

Опубликована она была в мае, в канун железнодорожного часа «пик» — времени летних массовых пассажирских перевозок. И, судя по заинтересованной реакции читателей, не осталась без внимания. Однако обзор этих писем редакция умышленно отложила на осень, надеясь, что к концу самого горячего для железной дороги квартала будет располагать более оптимистическими фактами, свидетельствующими о явном прогрессе в сфере обслуживания пассажиров.

С сожалением приходится констатировать, что у автора статьи нашелся единственный оппонент — Владимир Титович Шайдуров из Лабинска Краснодарского края. Его мнение категорично: «Везде в вагонах хорошо!» Но, как выяснилось из того же письма, попасть-то в это «хорошее место» совсем не просто: на станциях (автор приводит длинный перечень городов, в которых он побывал) очень трудно купить билет в проходящие поезда.

«Так, в Новосибирске мы сели во второй вагон «кроликами» — деньги уплатили проводнику, а ехали без билета. А другие ехали и вовсе «зайцами», то есть никому не платили. А вагоны полупустые».

Жалобы на неудовлетворительную организацию продажи билетов есть в большинстве писем. Л. И. Демешко из города Турсунзаде Таджикской ССР приходится часто ездить по маршруту Душанбе — Волгоград — Ворошиловград. Она сообщает: «В Волгограде ввели новое правило: билеты компостируются за час-полтора до отхода поезда. Чушь какая-то. Кто же это отправится гулять по городу, не позаботившись о билете? Вот и приходится целый день выстаивать у касс. А в зале для транзитных пассажиров, где располагаются кассы, нет ни одной скамьи. Неудобно жаловаться людям на недомогание, радикулит, больные ноги, а стоять нужно не 1—2 часа, а намного больше. Выход один — компостировать билеты в пути, разгрузить вокзалы, улучшить обеспечение прямыми плацкартами».

Кстати, заметьте, что и в этом произвольно взятом из общей пачки письме упоминается об отсутствии в зале скамеек. Отчего же любое наше путешествие по железной дороге все чаще оставляет на душе не столько добрые воспоминания, сколько горечь из-за подобных «мелочей»?

Количество их фантастически велико, они удивительно разнообразны. Но из письма в письмо повторяются жалобы на грязь, въевшуюся во все вагонные углы, несвежее белье, поломанные полки, разбитые стекла, бездействующую вентиляцию, неисправное электро- и прочее оборудование. Многие пассажиры сетуют... на очередь в туалет, упоминая об этом санитарно-гигиеническом объекте в единственном числе, поскольку второй, расположенный возле служебного купе, как правило, числится неисправным, а по сути, используется для нужд проводников. Представьте, каково приходится восьмидесяти пассажирам общего вагона! Но самая большая неприятность, подчеркивают читатели,— это жизнерадост-

—ПУТЕШЕСТВИЕ РОМАНТИКИ

ный «двойник», уютно расположившийся на том самом месте, которое, если верить билету, должно принадлежать вам. А поскольку и он, двойник, является обладателем аналогичного документа, только пришел раньше, то вы скорее докажете проводнику свое право на английский престол, нежели на данную, законно оплаченную вами полку...

Мрачная получается картинка. К счастью, в полном объеме столь колоритный набор железнодорожных неприятностей отдельно взятому пассажиру выпадает редко. Как правило, перечисленные выше недостатки портят нам настроение порознь или в умеренном объеме. Однако и малой дозы их вполне хватает, чтобы испортить человеку настроение, а то и напрочь отбить охоту к перемене мест с помощью самого массового вида транспорта.

Невероятными кажутся воспоминания пассажиров-ветеранов о ковровых дорожках, цветах на столике купе, накрахмаленных занавесках, наконец, санитарных врачах, инспектировавших состояние вагонов на каждой (!) узловой станции. Но ведь было же, было все это. Куда оно кануло? И что мы имеем взамен?

Взамен — многолетние разговоры о повсеместной модернизации с помощью электроники существующей архаичной системы продажи билетов; туманные обещания порадовать рядового пассажира проектируемыми вагонами с повышенным набором удобств, потешить его стосковавшуюся по быстрой езде душеньку суперэкспрессом «Русская тройка» и т. д. Но обещания остаются обещаниями, а личный опыт и факты, приводимые в письмах, наводят на грустные размышления о том, что колесница технического прогресса явно заплутала, затерялась где-то на дальних, заросших бурьяном запасных путях обширного хозяйства МПС. В чем же дело?

Причины подобного отставания старший инженер Ровенского отделения С. Данильчук объясняет следующим образом:

«За последние 25 лет многие отрасли народного хозяйства получили развитие в десять — пятнадцать раз, а железнодорожный транспорт, наоборот, уменьшил свои провозные способности. Образовались «ножницы» между потребностями хозяйства и возможностями транспорта. Это случилось потому, что, планируя семилетку, а за ней и последующие пятилетки, работники Госплана наивно полагали, что дорога — железная и потому все вытерпит. По этой причине не было спланировано опережающее развитие железнодорожного транспорта. Теперь это уже ясно всем, но и сейчас железным дорогам не выделяется в достаточном количестве лес, металл и другие необходимые материалы, не выполняются мизерные планы строительства вагонов».

Это мнение человека, видящего проблему, так сказать, изнутри железнодорожного хозяйства. В официальном ответе редакции, подписанном заместителем министра МПС В. Ф. Сосниным, об этих проблемах ни слова. Как будто их совсем не существует, а пассажирам осталось потерпеть совсем чуть-чуть, поскольку:

«МПС совместно с Минтяжмашем работают над совершенствованием пассажирских вагонов. В настоящее время основными типами строящихся пассажирских вагонов являются купейные вагоны с кондиционированием воздуха и принудительной вентиляцией и открытые (плацкартные) вагоны. Эти вагоны строятся с комбинированным отоплением, с люминесцентным освещением, улучшенной отделкой интерьера и повышенными теплотехническими и эксплуатационными показателями. Разработан и будет строиться новый, 40-местный мягкий вагон, в котором предусмотрено больше удобств для пассажиров. Начато строительство новых вагонов-ресторанов. К сожалению, в настоящее время не разработана еще конструкция двухэтажного спального вагона, соответствующего требованиям обеспечения необходимых удобств пассажирам. При разработке перспективы развития пассажирских перевозок на железнодорожном транспорте Министерством путей сообщения принимаются во внимание предложения по повышению комфорта в поездах и на вокзалах и обеспечению высокого уровня сервиса».

Оптимизма Министерству путей сообщения, как видите, не занимать. Но вот выдержка из куда более реалистичного письма, подписанного заместителем министра тяжелого и транспортного машиностроения Е. С. Матвеевым:

«В настоящее время в нашей стране купейные вагоны не строятся. Министерство путей сообщения получает их по импорту. Минтяжмашем выпускаются только пассажирские вагоны открытого типа (плацкартные). Применение вагонов такой планировки обусловлено необходимостью обеспечить перевозки всевозрастающего пассажиропотока. В условиях практически полного использования пропускной способности железных дорог эта проблема решается применением в составах поездов некупейных вагонов, имеющих большую вместимость.

Существующие на вагонозаводах мощности по производству пассажирских вагонов не покрывают потребности в них МПС. Этим объясняется столь продолжительный установленный срок службы вагонов — 41 год...

Что касается двухэтажного пассажирского вагона с куполом для обозрения, опытные образцы таких вагонов были изготовлены на вагоностроительном заводе имени Егорова и переданы в эксплуатацию. Заказа на серийное производство этих вагонов от МПС не поступило в связи с их малой пассажировместимостью, большой трудоемкостью и металлоемкостью».

Сравниваешь ответы и диву даешься: так что же следует считать «основными типами строящихся пассажирских вагонов» — купейные или плацкартные? Будут или не будут выпускаться комфортабельные двухэтажные вагоны, давно и отлично зарекомендовавшие себя на дорогах многих стран мира?

Впрочем, до будущего еще надо дожить. Ну, а как быть сейчас, неужели и в нынешних условиях нельзя путешествовать получше и попристойнее? Что этому мешает?

«Фактический уровень комфорта в поездах, как правило, значительно ниже уровня, который обеспечивается конструкцией вагонов,— отмечает в своем письме заместитель министра тов. Матвеев.— В эксплуатации обслуживающим персоналом практически никогда не включается механическая вентиляция, не функционируют системы горячего водоснабжения и охлаждения питьевой воды, которыми оборудуются все вагоны, зачастую в вагонах не работают кипятильники и люминесцентное освещение. Между тем полное использование уже существующих в вагоне устройств значительно повысит уровень комфорта и обеспечит необходимые удобства для пассажиров».

Замечено совершенно справедливо. Не только техника, но в первую очередь люди, ее обслуживающие, определяют тот уровень сервиса, который мы вправе требовать от МПС согласно купленным билетам. И министерство заслуженно гордится своими передовиками, обеспечивающими должный комфорт в поездах «Красная стрела», «Украина», «Киев» и некоторых других, о которых рассказали в своих письмах читатели. Но эти жизнерадостные примеры — капля в море. Скорее они повод для недоуменных вопросов: неужели нельзя и везде так, неужели у столь могучего министерства хватило сил всего на пятьшесть подлинно фирменных поездов?

О том, как померкла слава одного из них — омского «Иртыша»,— рассказала в своем коллективном (семнадцать подписей) письме комсомольская бригада, обслуживающая один из таких составов. Обстоятельно проанализировали причины происшедшего на их глазах падения престижа профессии проводник М. Гладких, работающая на транспорте с 1947 года, ее коллеги Л. Пугин, Д. Ежов и другие. А инженер из Харькова И. Я. Годин бросил вызов МПС, Минтяжмашу, представив в редакцию объемистый труд. В нем доказывается (и, надо заметить, весьма убедительно!) возможность и экономическая целесообразность строительства и эксплуатации в нашей стране двухэтажных вагонов.

Примечательна общая уверенность авторов в том, что при заинтересованном, добросовестном отношении к делу большая часть упомянутых недостатков вполне устранима и может быть найден разумный выход из создавшегося, прямо скажем, нетерпимого положения.

О. ПЕТРИЧЕНКО

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

«Ждет поле новые машины»

Под этим заголовком в «Огоньке» № 24 за 1982 год была опубликована статья, посвященная проблемам производства машин для возделывания и уборки картофеля.

Внедрение высокопроизводительной техники — путь к созданию специализированных зон производства картофеля на промышленной основе, о чем говорится в Продовольственной программе. Уровень механизации в картофелеводстве недостаточно высок, вот почему с нетерпением ждут на поле новые машины, такие, как восьмирядная картофелесажалка, разработанная на производственном объединении «Рязсельмаш». Об этой машине хорошо отзываются механизаторы. В конструкторском бюро и цехах объединения создаются и другие виды новой техники.

В статье рассказывалось о трудностях, мешающих наладить на полную мощь выпуск этих машин.

Заместитель министра тракторного и сельскохозяйственного машиностроения В. М. Шабанов по этому поводу сообщает редакции:

«Минсельхозмаш внимательно рассмотрел вопросы организации производства новых машин для возделывания и уборки картофеля по индустриальной технологии, высказанные в статье «Ждет поле новые машины».

В настоящее время объединением «Рязсельмаш» разработан и начат серийный выпуск модификации самоходного четырехрядного картофелеуборочного комбайна для легких и средних почв КСК-4-1. В 1982 году будет выпущено сто штук комбайнов КСК-4-1.

В целях комплексного решения вопросов по разработке, подготовке производства и созданию мощностей по выпуску самоходных картофелеуборочных комбайнов министерством разработана и утверждена «Отраслевая целевая комплексная программа», ход выполнения которой два раза в год рассматривается на коллегии.

Учитывая важность выпуска высокопроизводительной картофелеуборочной техники и стационарных картофелесортировальных пунктов производительностью 25 тонн в час, Минсельхозмаш выделяет на 1983—1984 годы капитальные вложения для строительства корпуса площадью 17,6 тысячи квадратных метров, предусматривает реконструкцию объединения «Рязсельмаш» с тем, чтобы с 1983 года увеличить выпуск комбайнов до 500 штук».

●

НЕГРОМКАЯ ПРОФЕССИЯ

На свадьбе у племянника.

Начало см. на стр. 1.

память сохранилась, отвыкли от него, а тут целый завод!

— Потом поняла: русский ржаной — главный хлеб. Прежде так и говорили: пшеничка по верхосытку, а ржануха — на закладуху. Значит, основательная, надежная еда. Вот и Пушкин про это написал: дорого бы я дал за кусок русского черного хлеба.

...С Марией Ивановной Пантюхиной, бригадиром пекарей Коломенского хлебокомбината, мы беседуем на ходу. Хлеб идет, забот много. Где что не заладилось, Пантюхина тут как тут. Да и мука сегодня подкачала. Пока-то тесто подошло, пока вызрело — наволновались. К коломенскому хлебу покупатель привык — отменный хлеб. И спрос не с муки, а с хлеба. А еще больше — с пекаря. Все так считают в Марьиванниной бригаде. Все — и ветераны и молодые.

— Это у Горького двадцать шесть и одна. А у нас — двадцать шесть и один. Да и тот не пекарь, а механик.— И глаза у Пантюхиной смеются.— Сегодня хлеб пекут женские руки. Конечно, работа теперь не та, полегчала: машины, механизмы, закваски добротные, ученые хорошо помогают. Но все же не постоит ночью пекарь у печи, не озаботится работой, не будет утром в булочной свежей булки. А от черствой нынешний покупатель отворачивается. Это мы хорошо знаем. Как только открылся близ комбината магазин свежего хлеба — потянулись сюда люди. Не бывает тут черствого батона, и остатков стало меньше. Это наш, можно сказать, подшефный магазин. Но продукцию сюда даем без выбора, с конвейера, что и во все другие булочные города...

Без малого сорок лет, без перерыва, день за днем трудится Мария Ивановна Пантюхина в своем цехе. Вошла, минута-вторая — и вот она уже в белом, аккуратном халате, шапочку поправляет. К деже подойдет, послушает тесто. Цех обойдет — принимает смену. Легко как-то все у нее получается, словно играючи.

Коломенский комбинат — предприятие известное и уважаемое, на хорошем счету: и в городе (в беседе с нами первый секретарь горкома партии Г. Г. Журавлев охотно подтвердил это) и в отрасли (приезжал сюда министр пищевой промышленности страны В. П. Леин, знамя вручал). Да и главный, самый требовательный контролер, покупатель, подтверждает добрую славу коломенских хлебопеков. А уж о бригаде Пантюхиной ни у кого двух мнений быть не может: всю продукцию сдают с первого предъявления, не попал отсюда в магазин ни один бракованный батон.

— А все начинается с бригадира. Как он дело поведет, так оно и пойдет,— говорит директор комбината А. П. Фильчанов.— Если работает смена Пантюхиной, мы спокойны. Все будет четко, хорошо. И спросить она умеет и сама пример показывает... И еще одно, что ни в планы, ни в обязательства не записывают: с душой работают в бригаде Пантюхиной. Что там ни говори, тесто от металла устает. Но если у печей Мария Ивановна и ее помощницы — они вовремя это почувствуют, помогут хлебу...

Слаженная, легкая на подъем бригада у Пантюхиной.

— Это потому, что мы все друг другу доверяем. И дело свое не только любим, но и знаем,— говорит Мария Ивановна.— Как-то я сказала, что профессия у меня негромкая: пекарь. Однако живу с нарастающим интересом ко всему, что вокруг делается. Напечатали в газете эти мои слова, и я задумалась: не хватила ли через край? Нет, все правильно: жить все интереснее! И сложнее, понятно. Но по хоженому далеко ли уйдешь? Так и будешь топтаться на месте. А у нас что ни день, то новое: то новый сорт хлеба, то машину невиданную смонтируют, всей бригадой ее осваиваем...

Вот отведайте. Конечно, горячий хлеб всего своего вкуса сразу не выкажет, он поостыть должен. Хлебу нужна степенность. А с пылу, с жару — какая тут степенность? Поостыл? Теперь и ешьте... Хлеб для того и пекут, чтобы его ели. Вот когда разбрасываются хлебом — беда. Значит, что-то в человеке нехорошо, если он руку на хлеб поднял. Такой и ребенка может обидеть и старому слово дерзкое скажет... Ценен хлеб не только сам по себе, как первая еда, но и как нравственное начало. И не спорьте, это всей жизнью проверено. Не только моей. Людская это правда.

Давно я наблюдаю хлеб и людей, что возле него. Интересная получается закономерность. Если есть что в человеке дурное, то возле хлеба оно долго не продержится. Пришла к нам как-то девчушка, а правильнее сказать, прислали ее. Позвонили, предупредили: и такая она и этакая. Ну, думаю, наговорили! Присмотрелась, никакого наговора: и нагрубить может, и прогулять, и дурную компанию не обходит, свой там человек. Но примечаю: искренняя она, не солжет. Если что сделает не так — ни на кого не переложит, набедокурит — скрывать не станет. Словом, выровнялась девушка, осыпалась дурная шелуха, любо-дорого смотреть. Вышла замуж за хорошего парня, уехали они, живут там, где ему военную службу определили... Да что за давним примером ходить. Марина Мохначева уж до чего несобранная была. А сейчас работает — загляденье. И все набирает мастерства, вперед идет...

Много и в бригаде нашей да и на комбинате хороших людей. Хороших людей вообще много!.. С Галиной Ивановной Гераскиной вы поговорите да и посмотрите на ее ловкость, когда она у печи. Из мастеров мастер. Я ее в партию рекомендовала: с открытой душой, с полной ответственностью. Или вот Раиса Борисовна Косачева—почти тридцать пять лет на комбинате. Прикиньте, сколько она за это время хлеба напекла, скольких людей накормила? Можно сказать, с ее работой знакомы все коломенцы. Тридцать лет у нас работает Александра Сергеевна Ивашкина и все это время так хлеб печет, что пальчики оближешь. Мы с ней прежде рядом трудились, ржаной пекли. Или — Ольга Николаевна Попова, Анастасия Сергеевна Куликова, Мария Семеновна Иванова; им хлеб давно доверяет. Совестливо трудятся. А молодежь-то у нас какая славная! И красавицы — одна к одной...

Читала, что есть где-то памятник пекарю. Жаль, что не нашему, коломенскому.

Мария Ивановна ловко снимает готовые хлебы и аккуратно кладет их на деревянный лоток. Сейчас подойдут машины, и хлеб уедет в магазин. А бригада Пантюхиной испечет еще — для другой булочной. Так он и идет час за часом — хлебный конвейер.

— Была я недавно в одной московской школе — пригласили на урок хлеба. До чего же хорошее дело затеяли ребята! Каждую осень пишут сочинения о хлебе, такую прекрасную композицию показали, растрогали до слез. А как слушали пекаря блокадного Ленинграда Лидию Ивановну Винокурову, как выспрашивали о том и о сем ученого Виталия Александровича Патта, с какой заинтересованностью говорили со мной о нашем комбинате. Вырастить хорошего человека без того, чтобы с детства не привить ему уважение к хлебу, очень трудно.

Хлеб — продукт особый, выдающийся. Ничто с ним не выдержит сравнения. Продуктов разных много — хлеб один. Была бы моя воля, делала бы хлебные магазины самыми лучшими...

Мы идем с Марией Ивановной после смены. Дом ее неподалеку от комбината. Хлебный аромат тут чувствуешь еще сильнее, чем в цехе. Идем, неторопливо беседуем. И вспоминаются слова, сказанные секретарем партркома комбината Т. В. Кургановой: «Что главное в характере Марии Ивановны? Доброта и принципиальность. Любят у нас Пантюхину. И доверяют ей. Не случайно же Мария Ивановна — первый в городе наставник молодежи».

...Такая вот биография у пекаря, Героя Социалистического Труда, члена бюро горкома партии Марии Ивановны Пантюхиной.

К. Юон. 1875—1958. УТРО ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОСКВЫ. 1949.

Художественная выставка «50 лет МОСХ»

Б. Шатилов. Род. 1905. ДЕВУШКИ МПВО. 1942.

Художественная выставка «50 лет МОСХ»

ВСТРЕТИЛИСЬ ОДНОПОЛЧАНЕ

Прочитала в № 25 «Огонька» заметку «Девушки-краснофлотцы, отзовитесь!», в которой названа моя фамилия и помещена фотография подруг. Да еще приглашение на встречу в Киеве. Смотрю журнал и не верю своему счастью. И вот теперь пишу вам я — Женя Бетеня, та самая Женя, которую, как сообщила Нина Коршунова, не удалось разыскать. Правда, я уже не Женя, а Евгения Тимофеевна Щербина. Не каждому ветерану войны удается встретиться со своими однополчанами хотя бы через сорок лет...

В мае 1942 года я добровольно ушла на фронт, получила специальность радиста и была направлена в 3-й береговой отряд Черноморского флота. Стоит ли говорить о том, как сроднили нас четыре года нелегкой военной службы. После демобилизации разъехались по всей стране. В первые послевоенные годы приходилось так много работать, что времени не хватало не только на встречи, но иногда и на воспоминания о фронтовых друзьях. Когда оглянулась назад, задумалась, найти их было невозможно. Поэтому я особенно благодарна «Огоньку» за публикацию двух маленьких заметок о радистках 3-го БРО. Помог журнал найти однополчан.

Немного о послевоенной жизни. Окончила педагогический институт, преподавала русский язык и литературу в школе, была завучем, директором. Сейчас на заслуженном отдыхе, но отдыхать не приходится. Все свободное время попрежнему отдаю ребятам: я член комиссии по делам трудновоспитуемых, член совета ветеранов войны, и, конечно же, мы, ветераны, ведем постоянно военно-патриотическую работу со школьниками и молодежью.

На встрече в Киеве.

...Красив, величествен был Киев нынешним летом, в год 1500-летнего юбилея. Мы, солидные люди, словно дети, бродили по его проспектам, бульварам, площадям. Встречу приурочили к Дню Военно-Морского Флота (мы же бывшие краснофлотцы), и на торжественном собрании в Доме офицеров нас чествовали как самых почетных гостей. Были и на водноспортивном празднике и с беседами в воинских частях. Но самое главное — встречи с однополчанами. Не успела войти в гостиницу, а ко мне бросились Нина Коршунова, Лида Косова, Надя Пинчук, Клава Откидыч, Полина Киреева. Здесь, в Киеве, живут Нила Миненко и Вася Кухтин. Они давно стали мужем и женой, вырастили прекрасных сыновей. Вместе с В. Н. Сизовым они и организовали нынешнюю встречу.

Если я скажу, что все прошло тепло и радостно, этими словами не передам состояние, которое мы испытывали. Я горжусь, что служила именно в этой части, в этом коллективе. Восхищаюсь нашими девочками и ребятами. Не знаю, поверите ли, но через сорок лет они почти не изменились, такие молодые и привлекательные, что мне не хочется называть их по имени и отчеству.

В заключение письма скажу еще хоть некоторые имена тех, с кем разделены страшное горе войны и великая радость Победы, с кем встретилась благодаря «Огоньку», — имена Розы Басс (моя напарница по вахте), Фроси Бобовоз, Тамары Матвеевой, Володи Чайковского, Симы Пономаревой, Саши Бойко, Коли Горового.

Е. Т. БЕТЕНЯ (ЩЕРБИНА)

Ст. Казанская
Краснодарского края.

«Огонек» на «Атоммаше»

ПРИЗ У БРИГАДЫ ГАЛИЦИНА

Три года назад производственная необходимость развела бригаду Анатолия Никитовича Галицина по разным цехам. Бригадир долго переживал: ведь распался коллектив, который он подбирал тщательно и долго. Но еще тогда Галицин говорил своим друзьям: «Сдается мне, что мои хлопцы все равно соберутся до кучи».

Предчувствие не обмануло Анатолия Никитовича: сегодня бригада снова полностью в старом составе. «На производстве я уже двадцать пять лет и по собственному опыту знаю, насколько успех дела зависит от сплоченности, дружбы в коллективе,— говорит Галицин.— Всегда старался набирать себе людей с одинаковыми взглядами, требованиями, запросами к жизни. Чтобы бригада была, как одна семья».

«У нас за коллектив держатся,— скажет потом один из лучших работников бригады, Петр Вилаков.— Спаянность и взаимовыручка — на первом плане».

В конце июля бригаде дали срочное задание. Его нужно было выполнить за три дня. Основная работа ложилась на сварщиков, и ясно было, что только их силами в срок не уложиться. Вот и действовали сообща всем коллективом, благо большинство владеет смежными профессиями. Работали группами посменно, по восемь часов. Электроды переходили из рук в руки... Через трое суток изделие было готово и принято с оценкой «отлично». Ведь каждый выполнял работу так, как будто он нес за нее личную ответственность.

— Да и нельзя работать иначе на «Атоммаше»,— размышляет Владимир Козлов,— уникальное оборудование, уникальная продукция... Вот сейчас мы начали делать герметичные двери для Ростовской атомной электростанции. Ответственное задание!

— Меня иногда спрашивают,— рассказывал Галицин,— как это тебе удалось сколотить бригаду, где из двадцати пяти — шестнадцать слесари-сборщики высшего, шестого разряда? Да учиться надо! — отвечаю я. Думают, все поступали в бригаду асами. Как бы не так... Приходилось направлять ребят на курсы, в училища, прикреплять к новичкам опытных... Словом, повозиться пришлось много. Зато сейчас в бригаде гвардейцы. Многие пошли дальше: учатся в техникумах, институтах. И правильно делают, заводу очень нужны сейчас кадры специалистов. И ничего, если мои хлопцы пойдут на повышение,— бригада не распадется. Новеньких, как четыре года назад, наберем и обучим трудиться грамотно, хорошо и на совесть.

И Галицин вспомнил Джуму Живанова, который приехал на «Атоммаш» с Всесоюзным комсомольским отрядом имени XIX съезда ВЛКСМ. Новичок пришелся ко двору. Бригадные мастера быстро научили его работать так, как принято у Галицина. С тех пор Живанов уже десять раз становился «Лучшим молодым рабочим цеха».

...Все это и объясняет, почему к Дню машиностроителя бригаде слесарей-сборщиков А. Н. Галицина был единодушно присужден почетный приз «Огонька» — кубок «Мирный атом». Справедливое решение. Награда по праву досталась лучшим.

А. ПОПОВ

Фото Г. Стрельникова

«Мирный атом» у бригады Анатолия Галицина.

Евдокия Павловна Ткачук привезла и яблоки...

Есть на рынке и отдел кооперативной торговли.

СТРОКА ИЗ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ

ЗАБ

Все для сада и огорода — предлагают кооператоры.

Что за рынок без такого товара...

ОТЫ ОСЕННЕГО РЫНКА

Хороши кролики...

Багажник — тоже прилавок.

Кому лук репчатый!

С покупками.

К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Максим Казимирович Гласницкий торговому делу явно не обучен. Да и откуда? В колхозе он занимает должность завхоза. Но начали наряжать машину на рынок — выбор все же пал на него: «Поддержи, Казимирович, фирму!..» Неторопливо, обстоятельно поправляет Гласницкий белые нарукавники, фартук.

— Начнем, пожалуй,— говорит Ивану Игнатовичу Дорошу, колхозному шоферу. Оба и не скрывают своего торгового неумения, но и не афишируют его. Тем более что времени на это не остается: картофель привезли — клубень к клубню, огурцы тоже неплохие, да и на муку покупатель сыщется. Своего помола мука, колхозного. Из такой пекут деревенские лепешки и караваи.

Колхозный прилавок хорош. Каждый килограмм на пятак-гривенник дешевле тех цен, что установились было с утра на рынке. Кто-то ворчит: «Приехали, цену сбивают...» Но покупатель доволен. А забота колхозных продавцов в том и состоит: пусть подешевле, но побыстрее продать, раньше домой вернешься. Ведь еще не известно, что дороже в наше время: лишняя минута или лишний гривенник.

Диктовать рынку цену пока никому не удавалось. Но управлять ценой можно. Была поутру картошка 25 копеек за килограмм, приехал посланец колхоза из Залещинского района, пустил свою — по пятнадцати; сразу изменилась рыночная конъюнктура. Пришлось и другим приноравливаться, по пятаку сбрасывать. Те, что поприжимистее, решили переждать: уедет же колхозная машина, и снова поползет вверх цена. Но из дирекции рынка уже успели позвонить руководителям других хозяйств. И не закрыли еще свою торговлю Гласницкий и Дорош, как подкатили еще два колхозных автомобиля:

— Не прогонишь, Казимирович, если мы рядом встанем?

— Конкурировать или посоревнуемся? Ну, ну, пососедствуем, места хватит...

Тернопольский рынок и впрямь просторен. Ладно, продуманно спланированный, он удобен и для покупателя и для продавца. И тянутся сюда: один привезет с приусадебного огорода какой-то редкий овощ, второй не забудет захватить ящик-второй груш или сливу — черную, крупную, налитую солнцем и сладостью. «Кушайте на здоровье»,— потчует продавец. Но рядом, похоже, слива получше... Есть выбор на рынке. И тут, во фруктовых рядах, и в картофельных, да и овощных. Гончарные ряды тоже не пустуют. Веники добротные привезли. Сита. Другой кустарный товар — деревянные поделки, солонки и шкатулочки. Умелый народ живет на Тернопольщине — что же свое умение скрывать, почему им не поделиться? Нет, не бескорыстно, но цены сходные. Так поставили дело организаторы колхозных рынков, что едет к ним продавец. А когда много всего, высокая цена сама собой не держится. Это дефицит взвинчивает цену. А достаток непременно ее снизит. Прошел день-другой, и оказалось, что мясной ряд двумя-тремя продавцами уже не обходится. Стоят добры молодцы, только успевают товар показывать. И посоветуют: для борща этот вот кусок. «Для жаркого?» Подберем и для жаркого. Сейчас цена сделалась стабильной: свинина — четыре рубля за килограмм, говядина — на двадцать—тридцать копеек меньше. Обычно мясом торгует не сам колхозник — есть на рынке бюро торговых услуг; можно приехать, оптом за хорошую цену отдать все, что привез. А работник этого бюро позаботится, чтобы товар не залежался, иначе урон. Да и репутацию тут берегут. На центральном тернопольском рынке, на других базарах этой и соседней, Хмельницкой, области сумели поставить дело с должной обстоятельностью. И с экономическим обоснованием.

Колхозный рынок становится логическим завершением конвейера «поле—прилавок». Было да и сейчас бытует пренебрежительное отношение к рынку. «Наше дело вырастить, собрать». Так-то оно так — кто спорит. Но для чего собрать-то? Не всюду достаточно хранилищ. Закручивай в банку, готовь консервы? Конечно, консервируют. Но не для банки такой вот спелый, крупный помидор. Впрямь — сеньор! Ярко-красный, подбоченившийся, звонкий. Разрежешь пополам — будто сахарный. Сам в рот просится... Нет, что ни говорите, правильная это формула: поле—прилавок—покупатель—обеденный стол. Хороший в ней смысл, экономический и социальный.

В тех колхозах, где это поняли, дело налаживают. И машины нашлись, и те, кто не чурается постоять за прилавком, есть. Руководитель объединенной областной дирекции тернопольских рынков Антон Ильич Свереда достал аккуратную папку — письма из колхозов, из райисполкомов. «Вот, для примера, от председателя Зборовского райисполкома — двадцать пять колхозов примут участие в рыночной торговле. И график выездов: кто, когда».

— Мы звоним, уточняем, подсказываем, в каком продукте особая есть нужда, какой товар пойдет бойчее. Но и инициативы не сдерживаем: везите больше. Если же перебор, есть возможность маневра — в области рынков много, а расстояния невелики. Можно быстро перебросить машину-вторую лука или капусты соседям...

Позвонили мы в Залещики, говорили с заместителем председателя райисполкома Валентином Федоровичем Громницким. «Сегодня на рынок повезут фрукты, овощи, муку, другую снедь колхозы имени Шевченко, «Золотой Колос», «Маяк». Само собой, в осеннюю пору в хозяйствах рук свободных нет, да и с транспортом не просто. Но если собранное не реализовать? Так что тут свой счет. Да и покупатель уже привык к колхозному товару. И с этим нельзя не считаться».

Издавна повелось: рынок — стихия. Что привезут, то и продают. Но теперь, когда появились, крепнут, набирают ответственность и понимание организованные, с большими возможностями продавцы, случайностей избежать оказалось не так-то и трудно. Колхозы и совхозы, с одной стороны (на том же тернопольском рынке готовы начать строительство шестнадцати колхозных павильонов, а небольшой магазинчик одного из недальних совхозов уже готов, осталось только покрасить), кооперация — с другой. На рынках кооператоры имеют свои прилавки: овощи, фрукты, мясо; три — пять сортов колбасы, сало, мед, всякое варенье. И выпечка: торты, пирожные, кексы. Рядом коробки, бумага, пакеты — можно упаковать и в дальнюю дорогу взять. Распродаст колхозник свой товар, подойдет к кооперативному отделу: кулек зефира, кекс «кольцо», домашнюю колбаску — городской, так сказать, гостинец. Тернопольский облпотребсоюз только в этом году открыл на рынках два своих магазина. Всего же их по области двадцать три. Кооператоры торгуют четко, основательно, не дают рыночной цене взлетать под потолок. Картофель ранний, лук репчатый и зеленый, капуста и огурцы свежие, редиска, помидоры, ревень, перец сладкий, чеснок, клубника, черешня и вишня, абрикосы, персики, арбузы и дыни (правда, не свои, привозные), виноград, груши и яблоки... Как только что созреет — закупили, погрузили — и на рынок. Обстоятельно в рыночных заботах и их хмельницкие коллеги.

Сильный, организованный продавец. И стихийный торговец, что привозит товар с приусадебного участка, не проигнорирует такого: и цену особую не заломит, и качество яблока или капусты ниже, чем у кооператора, позволить себе не сможет. Иначе пойдет ли товар? Нет, не теснят продавца индивидуального, но пример ему показывают. Да и заботятся о нем. Управление промышленных товаров облторга и те же кооператоры подумали о том, чтобы были на рынках и вблизи них магазины, в которых можно купить удобрения, хозяйственную мелочь, соковыжималку, инвентарь для работы на приусадебном участке. А если ты к тому же привез товар, на который на рынке спрос высок и устойчив, получишь талон, можешь с ним зайти и выбрать себе что-то нечасто встречающееся: сапожки модные, магнитофон высокого класса, дубленку самой лучшей модели или, скажем, фирменные джинсы.

Колхозник о себе заботу чувствует и охотно едет на рынок. Гончары привезли звонкие крынки; прямо из багажника «Запорожца» кто-то предлагает четырех откормленных поросят, а Евдокия Павловна Ткачук из колхоза имени Котовского — яблоки и груши: часть выращенного. Цену Евдокия Павловна запрашивает свою, рыночную, но яблоки хороши, их покупают.

А кустарь-одиночка Олег Иванович Стецюк выложил сумки. По форме все вроде бы правильно, есть на то у него разрешение. В графе «вид промысла» сказано: «сувенирные сумки из полиэтиленовой пленки». Сувенир есть сувенир — память о месте, где он сделан и продан. Но на одних сумках написано «АББА», а по черному фону других выведено — «Наполеон»; не этих, стало быть, а французских краев коньяк. Других хозяйственных сумок на рынке нет, берут эти. Разговорились. Олег Иванович пускается в длинные и путаные рассуждения о природе сувенира и психологии покупателя, и выясняется, что были в его творческой биографии дни, когда он делал местные сумки с надпечаткой «Гуцулочка».

— Сейчас же спрос на «аббу» и «наполеона»,— нетерпеливо объясняет он нам.

Похоже, что сомнительный этот тезис особых возражений у местного начальства, дающего добро на кустарный промысел, не вызывает. И если бы не вмешалась дирекция рынка, так и торговали бы на тернопольском базаре закордонного толка (но сработанными-то на Тернопольщине!) «сувенирами». Халтура — она всюду халтура. К чести организаторов рыночного дела, следует отметить, что вниманием к народным мастерам, к гончарам, скажем, или к изготовителям деревянных бочонков, они постепенно вытесняют никчемный, но очень дорогой товар — полиэтиленовый пакет, цена которому в магазине 20—30 копеек, тут стоит 80; а за «наполеоновую» сумку Олег Иванович заламывает 4 рубля.

Однако не кустари ныне определяют лицо рынка. Хорошо поработавший крестьянин везет сюда излишки выращенного им, колхоз и совхоз обзаводятся на рынках своими магазинами, кооператоры пустили на базарах корни крепкие и здоровые. Вроде бы и не сговаривались эти три добрые силы, но само собой получилось их объединение. И шумит обильным прилавком, зовет покупателя рынок, предлагает ему на выбор:

— Творожку-то отведайте...

— Яблоки не забыли купить?

Как забудешь, когда яблок — горы. И в павильонах, и с автомобиля торгуют. А тут еще кооператоры на своих прилавках выложили — в корзинах.

Вот бы к здешнему опыту присмотреться и организаторам торговли некоторых других областей и районов...

ХАБАРОВСК

НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА

Паренек стоит в музейной тишине и любопытным мальчишеским взглядом цепляется за фотографии на стенде. Зримые страницы истории, уже тронутые временем, гораздо старше его родителей. Но колдовство светописи хорошо сохранило лица людей, еще незнакомые мальчишке. «По-осты-шев, Блю-юхер, Во-ло-ча-евка»,— слагают детские губы.

...К 1921 году молодая Республика Советов очистила свои границы на юге, севере и западе. Но на восточных берегах России еще стояли полки японских интервентов. Снарядив армию владивостокского белогвардейского правительства под командованием недобитого служителя монархии генерала Молчанова, Япония со своими союзниками бросила ее «вперед к Кремлю» на малочисленные отряды ДВР.

Спустя год после этого наступления белогвардейцам крепко досталось в боях под Ином. Они закрепились под Волочаевкой, сосредоточив там свои лучшие части, укрепив позиции, окутали их проволочными заграждениями в пятьшесть рядов.

Воодушевленная победами, почувствовавшая свою силу народно-революционная армия начала сражение за Волочаевку. Потом военные историки назовут его дальневосточным Перекопом. Три дня и три ночи, в жестокие февральские морозы штурмовали народоармейцы и партизанские отряды позиции белых. Шашками, штыками, руками рвали колючую проволоку. 12 февраля 1922 года полки наступающих взяли Волочаевку. Белогвардейские части в панике бежали в сторону Хабаровска. Но вскоре были выбиты и оттуда. Потом были штурмовые ночи Спасска, а в октябре того же года освобожден и Владивосток.

...Шесть десятилетий отсчитало время от бурных волочаевских дней. Иду по склону сопки Июнь-Корань. Двести десять шагов до вершины. Двести десять секунд — и шестьдесят лет памяти. В безветренном молчании, сверкая парадными осенними мундирами, подчеркнутым караулом застыли вдоль аллеи памяти дальневосточные дубки и березки, охраняя братские могилы павших здесь воинов. Медленно идут люди. Сегодня в этом марше памяти участвуют русские и украинцы, белорусы и грузины, молдаване и казахи... Недавно поэты и писатели, посланцы всех союзных республик съехались на амурские берега, чтобы провести здесь Дни советской литературы в честь 60-летия образования СССР и 60-летия освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев. Праздник книги открылся митингом трудящихся на волочаевской земле.

Волочаевка... Крохотная частица нашей Родины. Прекрасные люди живут здесь. Они унаследовали от отцов и дедов героизм и страсть борцов. Выросли тут новые заводы и школы, в которых работают и учатся новые люди — смена тех, кто отстоял эту землю.

С высоты сопки хорошо видны подернутые дымкой дали, убранные хлебные поля. С высоты сопки глядят на этот мир два солдата: один вечный — из камня, символ героизма; второй — живой участник тех событий Александр Лукич Анойкин. Волочаевка для бывшего народоармейца и живая история и его судьба... Он как бы заново переживает былое. Встают перед глазами легендарные комиссары и командиры, встают тысячи бойцов...

Нет! Никогда не смолкнет слава тех дней, о ней всегда будут помнить люди.

В. КУЗНЕЦОВ, собкор «Огонька»

На снимке: на Волочаевской сопке участник боев за освобождение Дальнего Востока А. Л. Анойкин (в центре) с участниками Дней советской литературы.

Фото автора

КИЕВ

МОДА И АРХЕОЛОГИЯ

В этой коллекции Республиканского дома моделей одежды около ста комплектов женского и мужского платья. Но «запевом» всей коллекции, как бы ее прологом стали шесть комплектов платья, изготовленные по образцам... XI—XII веков.

Конечно, ни одна одежка той, почти тысячелетней давности, поры до наших дней не дошла. Однако сохранились богатейшие фрески и мозаичные работы времен Киевской Руси, особенно в Софийском соборе. На них обратила внимание художник-модельер Лидия Авдеева. В свое время, еще создавая модели для Всемирной выставки в Монреале, она использовала мотивы и линии одежды наших далеких предков. Художница и позже продолжала искать, изучать истоки народного костюма, пока не обратила внимание на богатые находки археологов.

В захоронениях, открытых в последние годы, были обнаружены многие детали одежды: пястья, воротники, остатки отделки и украшений. Они о многом могли рассказать модельеру, равно как и расположение пуговиц, застежек, характер шитья. А если прибавить к этому обширные знания общих линий кроя, воспроизведенных в мозаике и фресках, то можно создать на современной, конечно, основе модели одежды Древней Руси.

Эту работу и проделала Лидия Васильевна Авдеева.

— Имеют ли какое-то практическое значение эти модели? — спросил я у художницы.

— Сами по себе эти образцы,— ответила она,— конечно, выставочные, но, будучи «запевкой» коллекции, они придают ей определенный колорит. Их характерные линии, особенности кроя, отделки, узоров, комплектующих украшений можно проследить в рабочих моделях. Как и каждый выставочный образец, они должны влиять на формирование моды, а в данном случае еще пробуждать интерес к сокровищнице новых идей и направлений в развитии современной одежды — народному костюму.

С. КАЛИНИЧЕВ, собкор «Огонька»

На снимке: так выглядят модели киевской коллекции, изготовленные по образцам одежды XI—XII веков.

Фото И. Костина

БАКУ

УКРОТИТЕЛЬ ОГНЕННЫХ ФОНТАНОВ

...Огонь — это вообще стихия, весьма трудно управляемая. Но куда ему до открытого фонтана в море, сопровождающегося преждевременным выбросом нефти, газа или раствора. Бывает, что потушить пожар легче, чем заглушить фонтан. А в открытом море сделать это во сто крат труднее.

Каждый раз, когда на промыслах Азербайджана или Грузии, Казахстана или республик Средней Азии, дружественных нам зарубежных стран возникает такая опасная ситуация, специалисты обращаются к Т. Г. Восканову и его коллегам, мастерам высочайшего класса, владеющим уникальной профессией. Этому искусству не учат ни в одном техническом вузе. Это призвание человека.

Представьте гигантскую зажигалку, столб разъяренного пламени которой взвился ввысь на добрую сотню метров, грозный неуправляемый фонтан-вулкан, бешено вырывающийся из тесноты недр со скоростью звука и с силой до 500 атмосфер пластового давления, готовый уничтожить на своем пути все живое и неживое.

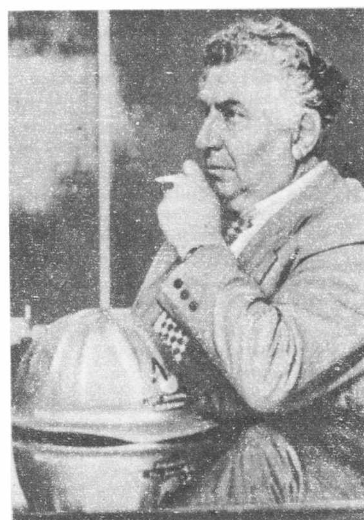
— Службе Восканова, как саперам, ошибаться нельзя,— рассказывает видный азербайджанский ученый-нефтяник, доктор технических наук, лауреат Государственных премий СССР А. Б. Сулейманов.— Малейшая оплошность может стать роковой, первой и последней в жизни тех, кто с фонтанами всегда на «ты». К счастью, в их жизни пока еще не было такого случая. За четверть века Торник Григорьевич Восканов и его товарищи укротили почти 300 фонтанов.

Облачившись в брезентовые костюмы или ватники, сапоги и защитные каски-шлемы, смельчаки уходят в объятую пламенем засаду, чтобы набросить на огненный вулкан «смирительную рубашку» — многотонную арматуру или специальное оборудование из высоколегированной стали. Но сперва надо расчистить театр пожара и устье скважины, убрать искореженный в пламени бесформенный металл, в который превращаются ажурная вышка и наземное оборудование. Атаками турбореактивных установок и стволов, водяных пушек пожарники должны «срезать» языки пламени, и лишь после этого команда Восканова идет в решительный бой с невидимым, но коварным врагом.

У Восканова, как и у его верных товарищей Надыра Исаева, Валентина Серова, Юрия Калинова, Романа Эйдельмана и других, в схватке с огнем, кажется, нет предела усталости, но всегда есть неиссякаемый запас прочности физических и духовных сил, а в экстремальных условиях в их характере особенно ощутимо проявляется чувство товарищества и взаимной выручки.

Г. ПОГОСОВ

Фото автора

Евгений АНТОШКИН

В МИР СКРЫТЫЙ ПРИСТАЛЬНЕЙ ВГЛЯДИСЬ

●

Вспоминаю жизнь свою по крохам:
Ручеек-певун
И камешек горюч...
Не заметил,
Как и вышел на дорогу,
Словно мне она сама вручила
ключ.
Словно мне сама явилась,
как награда:
Не спеши, мол,
Не гони коня...
Вот и вышел на дорогу.
Что же надо?
Постою и огляжусь на росстанях.
А она по-своему.
Да строго:
«В гору, в гору —
Значит, на поклон?..»
Вдруг взяла
И заупрямилась дорога.
И пошла,
Пошла наметом под уклон.
И опять под солнцем укачала.
И меж звезд беспечно поплыла...
Неужели у дороги есть начало?
Мне казалось,
Что она всегда была.

●

Сквозь просеки чернолесья
Рассеивая лучи,
Огни деревень,
Как созвездья,
Затерянные в ночи.
По зимнему бездорожью
Лыжни одинокой круги.
Сжимает ознобкой дрожью
Мороз ночные шаги.
Смеемся.
Злорадствуем.
Любим...
Но суетности вопреки:
— Мы люди,
мы люди,
мы люди,—
Аукаются огоньки.
То звездами темень окатит,
То стужей колючей дохнет.
Но тлеет еще на закате
Зари остывающий лед...
Все сущее вечным пребудет.
И радостно,
Без конца:
— Мы люди,
мы люди,
мы люди,—
Все будут стучать сердца.

●

Звенит сосна,
Береза стонет,
Ветла дремотная скрипит.
Скворец у липы на ладони,
Забывшись в пении, сидит.
А ты опять прожекты строишь,
Как суетливый ученик.
Свою отыскивая Трою,
Времен рассматриваешь лик.
Пора, пора остановиться,
Остепениться наконец.
И в песне зоревой забыться,
Как работящий тот скворец.
И под недремным небосводом,
Разгадывая жизни суть,
На спешно прожитые годы
Со стороны сумей взглянуть.
Взгляни на жесткие ладони...
И память снова оживит:
Звенит сосна,
Береза стонет
И мать за прялкою сидит.

●

Где в снежки мы когда-то играли
И катались на санках с горы,
Так же птичьи проносятся стаи
Над веселой толпой детворы.
Вьется тропка по склону пологого,
А казалась высокой она.
Вроде лет пролетело немного,
Но печать их повсюду видна.
Словно юности давней записка,
Сладость лет отшумевших
Горька...
Чтоб скатиться —
Гора стала низкой.
Чтоб подняться —
Уже высока.

●

— Открой мне дверь! —
У Жизни я просил.—
И одари и славой и удачей.
Всю жизнь бы я тебя
превозносил,
Считая, долг мой
Все же не оплачен.
— Открой мне дверь! —
Я у Любви молил,
Когда пора цветения настала...
За что же я ее благодарил,
За что она мне
Душу разрывала?
— Открой мне дверь! —
Я к Мудрости взывал.
Она молчала, жаждою палима.
А я, чудак,
Тогда еще не знал:
Любовь и Мудрость
Вряд ли совместимы.
Безумец,
Как я быстро жить спешил.
Спешил любить,
Всем сущим любоваться
И слишком рано мудрым стать
решил,
Чтоб с Вечностью самой
Соревноваться.
А как теперь забыть,
забыть,
забыть:
Какой ценой был каждый шаг
оплачен?
И все ж хочу,
Как раньше жил я,
Жить,
Как раньше я любил,
Хочу любить,—
Строку полувоздушную ловить,
Хотя и не всегда ждала удача.

ДАВНЕЕ

— Ну, как живется, как живется
Тебе, парнишка, в блиндаже? —
Как будто бы на дне колодца,
Здесь все в тумане, в мираже.
Здесь холодно,
Здесь вечно сыро,
Здесь голод царствует и мгла.
Хоть и подземная квартира,
Но чуть светлее быть могла б.
И стул твой самодельный сломан,
И книги брошены в углы.
Шуршат измятая солома
И скарб, запрятанный в узлы...
Телок, и тот пугливо мекал,
Когда опять начнут бомбить.
Неужто можно человека
Еще под землю глубже вбить?
Коптилка в сумраке качалась...
Но вот однажды
По весне
Капель нас звонкая встречала
И тишиной —
Осевший снег.
Чернели сгорбленные печи,
Где были школа и дома.
Еще не на мужские плечи
Я тес и бревна поднимал.
Пока мы там,
В землянке, жили.
И, как умели, как могли.
Мы выходили, выходили,
Не торопясь, из-под земли.
По вечерам читали книжки.
И мы взрослей старались быть,
Чтоб позабыть того парнишку,
Чтоб все быстрее позабыть...
А он возьмет и отзовется.
И, думы горькие гоня:
— Ну, как живется, как живется?—
Он спросит дружески меня.
Я знаю, что тогда не плакал.
И это все ушло уже:
И затхлый запах полумрака
И тот парнишка в блиндаже.

●

Жар осени —
Сиянья торжество.
Природа яркий свой наряд
роняет.
И завлекает желтою листвой —
Опять огнем обманчивым пленяет.
По всей земле зажгла она костры.
И мы спешим с надеждой
и стараньем
И собираем щедрые дары,
Любуемся ее живым сияньем.
Но вот ударят разом холода.
И лес померкнет,
Тишиной объятый.
За тот огонь,
Угасший без следа,
Притихнет вмиг,
Как в чем-то виноватый.
И ты, чудак,
Спешишь за окоем...
И все в тебе вдруг разом
встрепенется,
Когда любовь своим живым
огнем
Твоей души негаданно коснется.

●

Стосковался по местам,
Мною хоженным когда-то.
Стосковался по листам
Пробудившегося сада.
Кличу юность:
— Отзовись,
Руки положи на плечи...
Стосковался по любви,
Что от всех недугов лечит.
Словно тронутая сном,
Память прошлое листает.
Вот и вьюга за окном
Пенье птиц напоминает.
На метелях января
Зимний день с утра замешен.
Стосковался по друзьям,
Вижу их все реже, реже.

●

Не возвеличивайся всуе,
А лучше
Посчитай грехи,
Свои деяния рисуя,
Как благоденствия штрихи.
Затем ли,
Спавшее веками,
Взглянуло солнце сквозь туман,
Ожил родник,
Заплакал камень,
Очнулся грозный океан?
В слепом безмолвии,
Воочью,
У горной огненной гряды
Луна,
Блуждая звездной ночью,
Твои отметила следы;
Как будто по веленью мага,
Туда —
В неведомое мост —
Вдруг заворочался,
Как магма,
Одетый в грубый панцирь мозг;
И вехой светлою навеки
Связал пути дорог и рек,
И пробудился в человеке,
Как суть живая,
Человек?..
Ненужные оставив споры,
В мир скрытый
Пристальней вглядись.
И по его железным шорам
Рукой бестрепетной пройдись.
Тая извечной жизни завязь,
Он сам войдет в твои глаза,
Одним крылом
Земли касаясь,
Другим —
Тараня небеса.

●

Торопим беспокойную строку:
В стихах то негодуем,
То смеемся.
И каждому лесному роднику
В любви и вечной верности
клянемся.
И непременно — чтобы знал
весь свет,
Как будто это веха для успеха.
В родных местах ты не был
столько лет,
И надо же,
Не ждали,
А приехал.
Стоишь среди цветущих груш
и слив
И ворошишь дней давних
небылицы.
А твой ровесник, хмур
и молчалив,
С утра за руль грузовика садится.
И дума потаенная гнетет,
И снова возвращается, как эхо:
Хоть где-то и трудился целый год,
А все же в гости щеголем приехал.

И пусть при встречах
Друг не все сказал,
Услышишь ты в словах его
усталость...
В прищуренных обветренных
глазах
То снег летел,
То жито колыхалось.
Кто был тогда из вас двоих неправ
Или хотя бы прав наполовину?..
Прощаетесь.
Ты слышишь шелест трав,
Он —
Горечь пережженного бензина.

●

«Все поверяется любовью...»
Верь этой истине простой.
За боль
Недаром платят болью,
За ласку — вечной красотой.
Недаром солнечной пшенице,
Когда опять придет весна,
Дано цвести и колоситься,
Растить живые семена.
Так отчего в душе тревожно:
Посеял сам
И сам скосил.
Но вот шагнул неосторожно
И сразу ногу занозил.
Спешил отпраздновать пожинки,
Недаром мускулы горят.
Ты вник ли в жалобу травинки,
В гортанный клекот глухаря?..
Живое все стремится к братству,
Сумей постичь его родство...
Мне дерево сказало:
— Здравствуй! —
Я
Отшатнулся
От него.

●

Ветры севера —
От берега до берега,
Сине-черная пугает глубина
Неро-озера.
В сиянье звездном
Неринга —
Вся Вселенная в их снах отражена.
Ночи летние
Восходят над Печорою.
Лебедь белая
Над Ладогой плывет.
Словно яблоко ядреное,
Крученое,
Вмерзло солнце
В голубой полярный лед.
Кто там пляшет над речными
перекатами
Рыбой в нересте,
Чешуйками пыля?..
Вновь приветила с восходами,
С закатами
Светом севера
Поморская земля.
Как она звала, звала
За расстоянием.
Где тропа к ее безмолвию
бежит?..
Светом севера,
Как северным сиянием,
Позовет она тебя,
Заворожит.

ЛЮБОВЬ

Пусть без нее
Душой ты нищий,
Как нищ
Лишь тронутый огнем...
Не то находим мы,
Что ищем.
Не то приходит к нам,
Что ждем.
Она —
Как с тенью
Поединок,
Как в неизведанность тропа.
Все мудрецы твердят едино:
Любовь коварна и слепа.
Мелькнет звездой над облаками.
Но у прохожих на виду
Ты ловишь жадными руками
В воде горящую звезду.

РУКОЮ ГОГОЛЯ

Просматривая фонды Центрального государственного архива литературы и искусства, я обратил внимание на документ, представляющий несомненный историко-литературный интерес. В описи архива он внесен под названием «Список книг и журналов, отправляемых в Рим для Н. В. Гоголя» (ф. 2591, оп. 1, ед. хр. 385, количество листов 10). История поступления этого документа такова. До сравнительно недавнего времени он хранился в личном архиве литературоведа, собирателя автографов и писем известных литераторов П. А. Попова (1894—1943) и в 1972 году был передан вместе с другими собранными им материалами в ЦГАЛИ его вдовой А. А. Гаевской.

В подлиннике документ имеет следующее название:

«Реестр книгам
Отправленным из Москвы
в Рим.
1841 года Июля 11 дня».

На первом, титульном листе «реестра» после слов *«из Москвы в Рим»* карандашом подписано *«Гоголю»*.

В оригинале список представляет собой девять сшитых листов рукописного текста, исписанных с обеих сторон четким, убористым почерком середины прошлого столетия. В нем более четырехсот названий книг, составляющих в общей сложности около тысячи томов. На листах имеются многочисленные чернильные и карандашные пометы, приписки и исправления, сделанные другой рукой. Весь список разбит на 9 тематических разрядов. Составитель «реестра», судя по пометкам на листах, пытался систематизировать его и переносил книги из одного разряда в другой. Можно предположить, что «реестр» был переписан с учетом этих пометок и в таком упорядоченном виде отправлен вместе с книгами в Рим. Оставшийся у автора черновик, вероятно, и является тем документом, который хранится ныне в ЦГАЛИ.

Отдельный, десятый лист документа, озаглавленный «Разные дела по части Гоголя» и относящийся к более позднему времени (1844 году), непосредственного отношения к «реестру» не имеет. Записка эта, как выяснилось, написана рукой самого Гоголя. Полный текст ее гласит:

«1. У Жуковского во Франкфурте узнать, послал ли письмо Смирновой в Баден.

2. В Петербурге купить Христианское чтение за 1840 год.

3. Чрез Веневитинова попросить у Краевского за нынешний 1844-й год Отечественные Записки.

Если не случится Христианского чтения за 1840 год, то сочинения Дмитрия Ростовского в 3 частях».

Гоголевская записка предназначалась, по всей видимости, для графини Л. К. Вьельгорской, намеревавшейся быть во Франкфурте по дороге в Петербург. В письме из Баден-Бадена от 20 июня 1844 года Гоголь писал В. А. Жуковскому: «Пришлите мне, сделайте милость, письмо Смирновой, которое отправила к вам графиня Вьельгорская, но только как можно скорее, потому что оно мне очень нужно <...> Графиня Вьельгорская будет дня через два у вас во Франкфурте, проезжая в Петербург на месяц, для свидания с дочерью».

В свою очередь, Л. К. Вьельгорская извещала Гоголя в июне того же 1844 года: «Посылаю вам, почтеннейший Николай Васильевич, письмо Александры Осиповны (Смирновой.— В. В.) и уведомляю вас, что я еду в Петербург совершенно одна» («Вестник Европы», 1889, X, с. 483). Гоголь, как известно, был дружен с Вьельгорскими и нередко пользовался услугами с их стороны, в том числе и по части пересылки книг.

Речь в записке, как видим, идет главным образом о книжных делах писателя. И, видимо, именно поэтому автограф Гоголя был приложен к «Реестру книгам, отправленным из Москвы в Рим» Гоголю в июле 1841 года.

Были ли книги действительно отправлены в Рим? Кто мог летом 1841 года посылать Гоголю целую библиотеку?

Поиски целесообразно было начать среди ближайшего московского окружения писателя. Приезжая в Москву, Гоголь обычно останавливался и жил у М. П. Погодина. В результате почерковедческого исследования, проведенного старшим экспертом НТО ГУВД Мосгорисполкома В. Н. Визировой, было установлено, что приписки карандашом и чернилами на листах «реестра» сделаны рукой М. П. Погодина. Список книгам составлял, как видно, один из писцов Погодина. Сам же он, просматривая «реестр», вносил изменения в заглавия разделов, делал пометы, добавления к написанному.

Что за книги мог посылать Погодин Гоголю в июле 1841 года? Собрать такую библиотеку в короткий срок нелегко, да и стоила бы она немалых денег. Дополнительные сведения, проясняющие загадку книг, отправленных из Москвы в Рим, удалось отыскать в архиве М. П. Погодина, хранящемся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Среди переписки Погодина сохранились три письма к нему П. И. Кривцова (секретаря русского посольства в Риме, назначенного в 1840 году попечителем над русскими художниками-пенсионерами в Италии). Речь в них шла о библиотеке для русских художников в Риме. Суть дела заключалась в следующем. Кривцов, используя свои связи при дворе, ходатайствовал о представлении к ордену московского купца-миллионера А. И. Лобкова, взамен чего последний обязался пожертвовать деньги на библиотеку для русских художников в Риме. Посредником между ними и выступал Погодин. Из писем Кривцова и записей в дневнике Погодина следует, что Лобкову был пожалован орден Станислава 3-й степени, книги отправлены в Рим и получены там в начале января 1842 года.

О роли Гоголя в этой истории на основании имеющихся данных можно высказать такие предположения.

Известно, что в 1840 году Гоголь усиленно хлопотал через своих влиятельных друзей о должности секретаря при Кривцове. Можно предположить, что мысль о библиотеке для русских художников в Риме возникла во время пребывания писателя в Москве у Погодина (осенью 1839 года Гоголь вместе с Погодиным приехал из-за границы в Москву и остановился в его доме на Девичьем поле). Возможно, что сама идея библиотеки исходила от Гоголя. В 1840 году он вчерне закончил первый том «Мертвых душ» и приступил к работе над вторым. И тут ему нужны были книги, много книг... С начала сороковых годов, в эпоху создания второго тома «Мертвых душ», жизнь Гоголя отмечена какой-то неугасимой страстью к знаниям, переписка его буквально пестрит упоминаниями о книгах. В случае, если бы Гоголь занял место секретаря при Кривцове, библиотека была бы в полном его распоряжении.

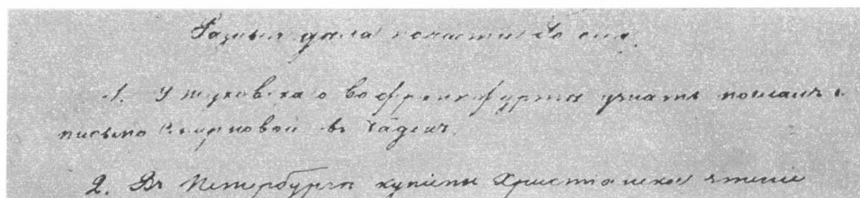
Хлопоты писателя, однако, успехом не увенчались. Вместо должности секретаря Кривцов предложил ему... «место библиотекаря еще покамест не существующей библиотеки» (из письма Гоголя А. А. Иванову от 20 сентября 1841 года). «Место библиотекаря», разумеется, не могло обеспечить пребывание Гоголя в Риме, и он отказался. Но, видимо, не случайно именно ему предложил Кривцов заведовать «еще покамест не существующей библиотекой».

Обращает на себя внимание особый, гоголевский подбор книг в «реестре». Список как нельзя лучше отражает вкусы и интересы писателя. Наиболее значительно в нем представлены три раздела: книги духовного содержания, книги исторические, книги русских и иностранных писателей. Тематика остальных — путешествия, география, статистика, фольклор, этнография, теория и история словесности, биографии славных мужей, словари... Аскетические писания отцов церкви соседствуют в списке с книгами школьными, учебными.

Многие из книг, перечисленных в «реестре», упоминаются в письмах Гоголя еще до 1841 года. На некоторых из них им написаны краткие рецензии для пушкинского «Современника» в 1836 году.

Уезжая снова в Италию в мае 1840 года, Гоголь еще не знал, как решилось его дело. В письме из Рима от 17 октября 1840 года он писал М. П. Погодину: «Никаких известий из Петербурга: надеяться ли мне на место при Кривцове». Вполне возможно, что перед своим отъездом из Москвы Гоголь оставил у Погодина список, по которому тот и подбирал книги для библиотеки русских художников в Риме.

О личной библиотеке Гоголя не сохранилось почти никаких сведений. О том, что читал писатель, о круге его интересов мы отчасти знаем из его собственных писем, отчасти из свидетельств близко знавших его людей. «Реестр книгам, отправленным из Москвы в Рим» в июле 1841 года, существенно обогащает наши представления о круге чтения Гоголя и будет опубликован в тринадцатом томе историко-биографического альманаха «Прометей».

Записка Н. В. Гоголя (фрагмент).

Владимир **ВОРОПАЕВ**

МОРЕ, РЕКА, ЛЕС...

Лев ШЕРСТЕННИКОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

ЛОЦМАН

— Давеча в газете прочел: есть в ФРГ лоцман, который сорок пять лет водит корабли. Так я его, выходит, превзошел.— Александр Степанович ступает с причала на катер, покачивающийся на ленивой волне. На белой рубке катера латинскими буквами выведено «Пилот» — пайлот — лоцман значит.

На берегу сильный ветер наметает под пороги деревянных мостовых стожки тополиного пуха, носит его над рублеными домами. В одном из них и приютилась лоцманская служба Архангельского морского порта. Дремлет тихая улица, как и почти пять десятков лет назад, когда молодой Александр Баскаков, только что демобилизовавшись, начинал свою работу учеником лоцмана. Мальчишка на дощатом причале мусолит леску; забрела в воду женщина с корзиной стираного белья — полощет... Так вот она какая — Соломбала, где еще Петр I закладывал корабли...

Но уже, фыркнув двигателем, отвалил от причала «Пилот», ветер окропил лица водяной пылью, и все куда-то словно унеслось: и зеленая улочка, и деревенская тишина, и прачка, будто сошедшая со старой киноленты. А вдоль берега — железный лес кранов, громады судов под стрелами, доки знаменитой «Красной кузницы». А возле пролегла широкая дорога — только не посуху, по воде: снуют катера вроде нашего, буксиры, сухогрузы и танкеры, стройные чистенькие «пассажиры» и битые на ветрах всех океанов «рыбаки»... Дорога эта, что ведет на тысячи миль во все порты, все гавани земли, ни днем, ни ночью не знает покоя. Идут и идут пароходы, как по привычке называют здесь все суда, и каждое из них встречает и провожает в дорогу лоцман...

«Пилот» подвалил к борту теплохода «Волгобалт», груженного лесом, и Александр Степанович поднялся в рубку. Хоть и исхожена эта трехчасовая дорога до приемного буя бессчетно, стал ли меньше груз ответственности, ложащийся на плечи лоцмана? Вот она, карта устья Северной Двины,— иссечена протоками, усеяна островами. Сколько их? Даже есть остров Острова. А меж ними — кошки. Множество: Мосеевская, Соломбальская, Прямая Кошка, Кривая Кошка, Лесные Кошки. И хоть кошки эти просто отмели, зацепит — не поздоровится... Влево от курса нашего судна отходит широкая протока — Корабельный рукав. Суда Петра I ходили по нему, а для нынешних он мелковат, и мы пойдем по менее широкой, но глубокой Маймаксе. Проплывают мимо нас по берегам бесконечной чередой фабричные корпуса, краны, пакгаузы, причалы, заводские трубы, лес — кругляками, досками, брусьями, опилки горами желтеют на берегах — сырье для гидролиза. И нет этому, кажется, ни края, ни конца. На вахте лоцмана нельзя отвлекать беседой, но я припоминаю уже услышанное от него и «привязываю» к реке. Вот здесь, за этим поворотом, до войны еще, огромный «грек» — греческий пароход—на якоре стоял. Не положено было тут ему стоять, а пришлось: дожидался, пока плот впереди протянут. А Баскаков тем временем проводил британское судно, и, только вывел своего «англичанина» на поворот, увидели: путь перекрыт, лишь небольшая щель между «греком» и вешкой фарватера — не миновать аварии. «Полный назад!» — скомандовал капитан. «Только вперед! Самый полный!» — лоцман нарушил правило, схватил руку капитана, лежащую на ручке машинного телеграфа, рванул в другую сторону. Переложили руль, но стальные корпуса, словно намагниченные, устремились друг к другу. Еще секунда и... ничего не произошло. В сантиметрах разошлись громады, только у одной кранец слизнуло... «О, пайлот, пайлот! — Бледный капитан жал лоцману руку.— Виски, бренди, ром?» — за удачу, значит. «Нет, кофе...»

А здесь на штормовой волне пересаживался лоцман с буксира на судно. Даже с подветренной стороны и то швыряло буксир на несколько метров вверх и вниз. Лоцман прыгнул, зацепился за шторм-трап, а новая волна подбросила суденышко да ударила о борт. Ладно, успел подтянуться и ноги поджать. Галошу потерял, да каблук от ботинка сорвало, как бритвой срезало. А в общем — повезло...

Но вот уже, кажется, кончилась по одному борту земля, выходим в море. Справа, правда, все еще тянется невысокий берег — остров Мудьюг. Миновали створ, называемый Черной башней, поравнялась с нами пирамидка на берегу — памятник жертвам интервенции. «Волгобалт» дает тяжелый длинный гудок. Честь отдает тем далеким, павшим...

КАПИТАН

Не знаю, приходилось ли водить Баскакову «Пионера Эстонии», но уверен, неоднократно встречались на архангельском рейде Александр Степанович Баскаков и капитан красавца теплохода Валерий Алексеевич Сарапунин. Когда лоцманский стаж Баскакова перевалил за второй десяток, Сарапунин только сел на скамью мореходной школы. На мостик нового теплохода Сарапунин — уже капитаном — поднялся в год сорокалетнего стажа лоцмана. Арктика в семидесятые годы осваивала новую задачу — сделать возможным круглогодичное плавание во льдах. И снова архангелогородцы были среди тех, первых, кто пробивался к далеким портам, кто доставлял на ледовые причалы грузы для геологов. Ходил этими дорогами и молодой капитан. И все это были словно репетиции чего-то основного, того, что еще впереди...

И вот на новой площади Ленина в Архангельске, окруженной сверкающими на солнце корпусами, возле фонтана-компаса я встречаю группу моряков Северного морского пароходства. Я знаю, что они возвращаются после вручения им правительственных наград, знаю, что среди врученных наград — орден Октябрьской Революции Сарапунину. Конечно, нельзя бы в такую минуту разбивать друзей, но на несколько минут хочу все-таки завладеть капитаном. И снова тополиный пух летит под ноги, а с реки вместе с ветром доносятся голоса судов. Красная пристань... Сколько же за четыре века, прошедших со дня основания города, отчалило от ее стенки кораблей? Были тут и торговые ладьи, и ледовые кочи, швартовались в седые времена голландские и датские, бременские и английские корабли. Петр I смотрел с мыса Пур-Наволок на темные волны Двины. Он и сейчас, отлитый в бронзе, смотрит... Отсюда уходили пароходы в годы гражданской войны за сибирским хлебом, а в Великую Отечественную с продовольствием, боепитанием и всем остальным, жизненно необходимым для мурманчан... Красная пристань — сердце города, для архангелогородца то же, что Красная площадь для москвича. Присели мы с капитаном в скверике неподалеку от пристани, поговорили. А после, уже в доме Сарапунина, листал я сухой документ, именуемый рейсовым донесением. И право, показался он мне увлекательной книгой. А за строками ее вставал обыденный и в то же время необыкновенный труд моряков. Некоторые строки я выписал.

Теплоход «Пионер Эстонии» в составе судов 27-й Советской антарктической экспедиции 1 октября 1981 года вышел из Архангельска. Вот его маршрут: Ленинград — Санта-Крус — Монтевидео — остров Южная Георгия — море Уэдделла (район станции Дружная) — море Дейвиса — Веллингтон — бухта Ардли (станция Беллинсгаузен) — Молодежная — снова море Дейвиса — море Космонавтов — Пуэнт-Нуар. И дальше — Лас-Пальмас — Котка — Антверпен — Архангельск. Один рейс, за который было пройдено 44 тысячи 419 миль. И миля миле рознь.

«28 ноября в точке широта — 57° 11′ южн., долгота — 23° 48′ зап., по указанию руководства САЭ легли в дрейф в ожидании окончательного решения вопроса о месте встречи судов... 3 и 4 декабря попали в сильный шторм при встречном ветре в 7—8 баллов и волнистости от веста 7 баллов, что задержало на сутки подход в назначенную бухту».

«Руководство экспедиции приняло решение передать прибывший состав экспедиции с пассажирского судна на все суда. С помощью судовых спасательных шлюпок операция по пересадке людей и перевозке их багажа была произведена в тот же день...»

«8 декабря вошли в битый лед, однолетний, и направились на юг. Из-за зыби были вынуждены заходить в лед 9—10 баллов на 280 миль от кромки. Переход к базе Дружная — самый сложный период работы в рейсе... 17 декабря встретили перемычку протяженностью 30—40 миль из тяжелого 10-балльного льда толщиной до 3 метров. Торосистость при неблагоприятном направлении ветра притормозила продвижение судна».

Стоянка в районе базы Дружная:

«В первую очередь выгрузили вертолеты МИ-8, которые начали доставку полярников и грузов на станцию. 21 декабря в 13.00 начал усиливаться ветер, резко изменились направление и скорость дрейфа льда вдоль кромки барьера, поэтому вынуждены были подготовиться к отходу от припая, ожидая, пока закончится подготовка к взлету третьего вертолета, выгруженного на припай у борта судна. В это время массив дрейфующего льда приблизился вплотную к судну и грозил отрывом его, увлекая за собою вдоль кромки припая. Как только вертолет взлетел, приняв последних находившихся на льду людей,— дали ход машиной, вырвали ледовые якоря и отошли от припая в дрейфующий лед...»

В этом рейсе «Пионер Эстонии» полтора раза обошел вокруг всю Антарктиду.

ГЛУБОКИЕ КОРНИ И МАЛЫЕ ПРИВЫЧКИ

Помните, считалось, что Земля стоит на трех китах? Но и у Архангельска их столько же. Киты эти — море, река, лес. От рубленных топором деревянных острожков-крепостей повели свою родословную северные русские города. На волнах красавицы Двины рождались шитые без единого гвоздя корабли и

●

Чуть не полвека встречает и провожает корабли старший лоцман Архангельского морского торгового порта Александр Степанович Баскаков * От этих причалов начинаются дальние морские дороги.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Как и столетия назад, смотрит Великий Петр на темные воды Северной Двины * Обновленные кварталы Архангельска * Лес — одно из богатств этого края * Архангельскому мужику — сыну России Михаилу Васильевичу Ломоносову.

шли за моря, груженные битым зверем да мягкой рухлядью.

Давно уже вечер перешел в ночь, если не обманывают часы, а над рекою все не унимается заря. Играет. Да и река не спит, гонит тихую волну, тоже играет. Лодки покачиваются на волнах, костерки на берегах струят дымы светлые, девушки забрели в воду по колени, стоят, раздумывают, не окунуться ли... Пароходы, дремлющие на якорях, зажгли огни, в невесомой воде невесомые отражения. Тихо-то, тихо как... Так и кажется — прислушайся получше, и откроется тебе, как ходит под водою царская рыба — семужка, отливает перламутровым бочком... А может, и не перламутровым? Самому видеть этого чуда не пришлось, да и в котелке ложкой подцепить не получилось. И вот тут придется приступить к грустной части нашего рассказа.

Не стало ее, семужки. Не то чтоб совсем не стало, но резко сократился ее вылов. То, что брали еще два десятка лет назад, теперь на две трети поменьшело. И с пелядью худо ныне. «На мойву второй фартук подшиваем» — значит, и мойва обмельчала, для лова ее требуется ячея погуще. В чем тут беда? Много, наверное, существует причин. Чтоб все проследить — особую статью писать надо, да не одну, пожалуй. Но о некоторых не сказать просто нельзя.

В организации, предназначенной следить за здоровьем реки и моря,— управлении «Севрыбвод», я прочел такой печальный документ — «Справку об аварии на илонакопителе Архангельского ЦБК» (целлюлозно-бумажного комбината). 16 июня нынешнего года на комбинате прорвало дамбы, и сто тысяч кубометров воды с высоким содержанием вредных веществ хлынуло через луга колхоза «Организатор», речку Ширшу, Цигломень в Северную Двину. Жители деревень Мыза, Ширша, Слободка остались вовсе без питьевой воды. В зоне аварийного сброса оказались все места водоснабжения Архангельска. Зарегистрирована погибшая рыба: налим, щука, окунь, ерш, судак, плотва, сиг, лещ, язь, стерлядь...

Тут же, в кабинете начальника управления Михаила Федоровича Григорова я рассматривал фотографии. На них были изображены... деревянные реки: русла, все сплошь сверху донизу и по всей ширине, забиты бревнами — так называемый пыж. Вешняя вода ушла, бревна обсохли по берегам. Словом, река умерла. О каких нерестилищах может идти речь, если рыбе просто ходу нет? Правда, по многим рекам области уже запрещен молевой сплав, но этого все равно мало. Перерубы на лесосеках по принципу: рубить там, где удобнее, а не там, где полезнее,— несомненно, дают сиюминутную выгоду, но наносят раны, лечить которые придется долгие и долгие годы...

Были когда-то в области рыбоводные заводы — четыре. Три обветшали, закончили свой век. А четвертый, в Онеге, держится, и хоть медленно, но идет его реставрация.

Известно, что продуктивность северных водоемов невелика — в год 3—4 килограмма привеса рыбы с гектара воды. Но зато сколько этих гектаров, зачастую лежащих втуне? Сколько рек и озер в области, к которым ни дорог не проложено, ни троп не сыщешь. Вести государственный лов там нерентабельно, каждая рыбка золотой становится. А ведь она, не отловленная сегодня, все равно, что выброшенная. Но это же приварок к столу и, если хотите, один из резервов Продовольственной программы. Когда-то все жители области имели право ловить небольшой сетью. Это понятно, для многих мест края свежая рыба — чуть ли не единственный «витамин»... Не следует ли открыть хоть часть водоемов для местных рыбаков, глядишь, и поселки станут поменьше редеть... Много проблем встает.

●

Средь вод и лесов рождалась и слава мастеровых и самобытная песня русского Севера * Играет река.

Бор. ЛЕОНОВ

ВЛАСТЬ ЖИЗНИ

Издание собрания сочинений — факт знаменательный и значимый не только в творческой биографии писателя, но и в литературной жизни общества. Если для художника это событие — свидетельство высокого признания его труда, устойчивого интереса к его произведениям читателей разных поколений, то в общественно-литературном плане оно подтверждает мысль о непрерывном обогащении национального духовного достояния, которое отныне прирастет новым художественным миром Анатолия Иванова. И, несмотря на то, что у каждой книги может быть своя дальнейшая судьба, свои взаимоотношения с временем, с его строгим и неумолимым судом, сам выход собрания сочинений предполагает высокую значимость труда писателя.

Читатель, знакомый с романами писателя «Повитель», «Тени исчезают в полдень», «Вечный зов», с повестями «Жизнь на грешной земле» и «Вражда», сразу же обратит внимание на существенное обстоятельство: в каждом его сочинении судьба героев берется в исторической протяженности времени. В этой судьбе писатель как бы концентрирует опыт прожитого народом, а потому через ее индивидуальность, самобытность просматривает сложный, противоречивый, но всегда ясный в своей перспективе путь нашей истории.

Драматизм и трагизм жизни, столь мощно звучащие в сочинениях Анатолия Иванова и выражающие саму природу его таланта, отнюдь не заглушают других начал в воспроизводимой художником действительности. Более того, эти природные качества таланта, отраженные в фигурах его героев, в событиях, переживаемых ими, даже обостреннее подчеркивают героическое в нашей жизни, высвечивают лирические краски в ней, полнее дают возможность ощутить доброе в советском человеке, противостоящем тьме зла и потому так страстно сражающемся за полдень своего и общего счастья на земле.

Власть жизни. Вот, пожалуй, наиболее полное и, может быть, самое исчерпывающее определение того, что составляет идейно-тематическую основу всего созданного и ныне собранного воедино Анатолием Ивановым в пяти книгах своих сочинений. Власть жизни — это не просто смысловой эпицентр его произведений, но и социально-философское кредо творчества писателя. Уже в одном из первых его рассказов, «Алкины песни», зазвучала эта песня о жизни, вылившись в мощную симфонию «Вечного зова». И нет ни одного героя в его творчестве, который бы не принял участия делом или словом в обсуждении и утверждении проблем жизни, прочитываемых и понимаемых им в соответствии со своими социально-нравственными установками, привычками, принципами. А люди, «заселяющие» произведения писателя, самые разные и по положению в обществе и по отношению к нему. Здесь и крестьяне-бедняки, и батраки, и купцы, и кулаки, и церковники, и красные партизаны, и колчаковцы, и большевики-подпольщики, и бойцы Красной Армии, работники партийного и советского аппаратов. Всех и не перечислить. Но все они вовлечены в единый революционный процесс коренного социального обновления жизни, который обнажает человеческую сущность каждого, не оставляя возможности что-либо скрыть или спрятаться от глаз людских. При всей своей общности, обусловленной единством революционных преобразований, сами эти процессы по-особому происходили в разных местах. И, в частности, в сибирской стороне, где находились Локти, Зеленый Дол, Шантара, Романовка, в которых жили и боролись за ленинскую правду герои романов и повестей Анатолия Иванова.

И опять же читатель не сможет не отметить, что и Локти, и Зеленый Дол, и Шантара удивительно схожи между собой не только по природным условиям, но и по жизненному укладу и по быту. Так, собственно, оно и есть. Особо это открылось мне в 1978 году, когда вместе с Анатолием Ивановым побывал в его родной Шемонаихе, что в Восточно-Казахстанской области на границе с Алтаем.

Давно я ждал возможности свидания с родной землей Анатолия Иванова. Как писатель не может реально воплотить жизнь своих героев, не ведая тех мест и условий жизни, какие явились определяющими в их судьбе, так и исследователь творчества многое теряет оттого, что не приобщается к объективной реальности того мира, той «малой родины», где прошли детство, отрочество и юность писателя.

И вот в 1978 году Анатолий Иванов был приглашен земляками из Шемонаихи приехать на торжества по случаю юбилея своего района. Именно в тот самый 1928 год, когда родился писатель, его деревня стала районным центром. Итак, наша небольшая «делегация», возглавляемая Анатолием Ивановым, отправилась октябрьским пасмурным утром на самолете в Усть-Каменогорск — центр Восточно-Казахстанской области.

В Шемонаиху мы прибыли затемно. Но зато утром, когда ярко блеснуло солнце, когда обагренная осенью природа открылась во всю свою величественную ширь, окаймленную отрогами Горного Алтая, я неожиданно ощутил себя среди знакомых мест. Ведь я их давно знал по произведениям писателя. Ощущение подкрепилось узнаванием. И помогал в этом не только сам писатель, но и его земляки.

Чистая, прозрачная река Уба, подковой охватывающая Шемонаиху, напоминала Громотуху в «Вечном зове», гора, именуемая Медвежьей,— Змеиную в том же романе, а высокий отвесный утес, что поднялся метров на пятьдесят над озерком, здесь отныне зовут не иначе, как Марьиным, каким земляки узнали в романе «Тени исчезают в полдень» и в одноименном телефильме.

Побывали мы и в доме писателя, который, конечно же, как и сама Шемонаиха, трудом новых жильцов изменился. А вот небольшой огородик остался тем же. «Не будь его, трудно сказать, как бы мы выжили в военные годы»,— раздумчиво произнес Анатолий Степанович. И потом начал вспоминать, как в недолгие часы, которые выкраивала мать от работы, она заставляла их помогать ей ухаживать за огородом, как они ходили в горы за дровами, как убирали колхозный урожай, и о многом другом.

Посетили мы и здание бывшей школы, где учился писатель. Теперь там небольшой районный краеведческий музей.

А сколько было встреч с земляками в колхозах, совхозах, на фабриках и заводах! Особо

Анатолий Иванов. Собрание сочинений в 5 томах. М., «Молодая гвардия».

запомнились две — в Шемонаихе и в Усть-Каменогорске, где Анатолий Иванов был назван почетным гражданином этих мест с вручением ему полагающихся официальных документов. Выступая со словами благодарности, рассказывая о планах на будущее и итожа уже сделанное, он сказал: «Вам я, мои дорогие земляки, признаюсь: все, что мною написано, я писал о вас, о моей родной земле и о ее прекрасных и героических людях».

И вспомнилось еще давно сказанное писателем: «Там, где я родился, рос, и земля — сибирская, и люди — сибиряки». Словно угадав мысли, он, когда мы уезжали, спросил: «Ну, разве не правда то, что я говорил о земле и людях? Ведь и по характеру они сибиряки, и природа здесь суровая, могучая, широкая, напоминающая Сибирь. Взгляни туда. Видишь гору? Это ведь тот самый повязанный Великан, какой виделся моему воображению и какого я пытался нарисовать в «Вечном зове». Там, дальше, Алтай. За ним — Сибирь. А еще дальше во все концы — необъятная наша великая Страна Советов. И когда я пишу о родных местах, я, конечно же, пишу и о ней. Судьба страны, судьба народа — это и судьба моей Шемонаихи, моя судьба».

Чувство этой сопричастности собственной жизни судьбе народной двигало пером писателя и тогда, когда он писал «Жизнь на грешной земле» и особенно повесть «Вражда», заключающие вместе с публицистикой 5-й том его собрания сочинений. Я выделил повесть «Вражда» потому, что в ней, словно в фокусе, соединились основные принципы поэтической системы творчества писателя, запечатленные в романах «Повитель», «Тени исчезают в полдень», «Вечный зов», в повести «Жизнь на грешной земле».

Как и в каждом его произведении, во «Вражде» истинность характеров главных героев проверяется в экстремальных обстоятельствах, обусловленных непримиримостью социально-нравственных конфликтов в борьбе за утверждение новых человеческих отношений. Тем самым писатель органично продолжает ведущие тенденции советской литературы в исследовании ею трудных процессов складывания и развития мира социальной новизны.

Борьба за этот мир сводила в непримиримой схватке даже родных по крови людей, ибо классовое противостояние оказывалось сильнее родственных связей. В романе «Тени исчезают в полдень» Устин Морозов, в прошлом богатей Константин Жуков, живший ненавистью к новому строю, в годы войны подвизаясь в роли фашистского служаки-старосты, убивает сына Федора—советского разведчика. Настигает автоматная очередь возмездия за измену Родине, пущенная Иваном Савельевым, полицая брата Федора в романе «Вечный зов». Таков неумолимый закон открытого боя, в котором свела война защитников правого дела и врагов советского строя, какими оказались сын и отец Морозовы, братья Савельевы.

Можно вспомнить и убийство Петром Бородиным цыгана-коновала из-за мешочка с золотом, а затем жены своей, чтобы не разгласила тайну обогащения, о чем рассказывалось в первом романе, «Повитель». А потрясающие сцены казни советских людей братьями Меньшиковыми и Жуковым, на какие благословляла их Серафима Клычкова в романе «Тени исчезают в полдень», а страшная смерть чекиста Якова Алейникова от рук бандеровцев в романе «Вечный зов»?!

Да, такова жестокая правда классовой битвы за мир социальной справедливости. Такова властная воля этой правды в творческом мире писателя, верного законам реализма. Поэтому Анатолий Иванов никогда не отводит в сторону глаза, когда видит зло, как не искажает и правду торжества человечности, защищающей и отстаивающей себя в героической битве с силами зла и насилия.

Рожденный в этой борьбе мир порушил сами корни социального зла. Торжество социалистической нравственности было обеспечено исторически необратимым процессом утверждения нового строя на земле. И человек, воспитанный этим обществом, вобравший в себя с молоком матери понимание законности доброты, не мог представить себе ненаказанности зла. Именно этот нравственный кодекс продиктовал во «Вражде» крайнюю меру возмездия мальчишки — Мишухи Афанасьева — для того, кто надругался над законом жизни нового общества, воспользовавшись его военной бедой.

Вот исходный момент в понимании того, что случилось в отстоящей за тысячи верст от фронта сибирской деревне Романовке в високосный день 1944 года. В этот день, «29 февраля, во вторник, старший из шести оборванцев Катьки Афанасьевой, Мишуха, застрелил из берданки председателя романовского колхоза Артемия Пилюгина, давно вернувшегося с фронта по ранению, орденоносца.».

Сбежавшиеся на выстрел люди отобрали у мальчишки берданку, а скручивать не было надобности: убившему «шел всего четырнадцатый год, и он, сжавшись, как котенок, сидел на мерзлом снегу возле стены дома... и красными от холода кулаками растирал слезы на грязных щеках».

Так начинается повесть «Вражда».

Оскорбленный животной сущностью председателя, повинного в гибели братьев и сестер, овладевшего родной Катей, творящего безнаказанно произвол в деревне, и бессильный перед грубой силой зла, Мишуха не отыскал в своем сердце смягчения приговору, который он вынес преступнику. Позднее он напишет из заключения Кате, чтобы она сообщила на фронт отцу, что он не извергом вырос, а Артемия Пилюгина еще бы дважды убил, как фашиста.

И что любопытно: люди не гневались на Мишуху, не проклинали его. В их молчании была санкция свершившегося. А в крике Кати, прибежавшей на место происшествия и взывающей к брату: «Ты что наделал-то?» — вылились беда, все испытанное ею за тяжкие годы войны, когда на девичьи плечи взвалилась непомерная тяжесть заботы о троих своих младших братьях и сестренке да еще троих детях любимого ею Степана Тихомилова.

Шаг за шагом исследует писатель предысторию жизни деревни, ее нынешний день и заглядывает в послевоенные годы. Но все это исследование проходит при несмолкаемом эхе выстрела в тот февральский день. Однако не ужасом, не страхом звучит это эхо, а строгой правдой преодоления зла на земле: и того, с которым народ сражался на фронте, и того, которое с болью и мукой преодолевали соотечественники в тылу.

Поставив перед собой задачу раскрыть нравственную высоту человеческого духа перед лицом тягчайших испытаний минувшей войны, Анатолий Иванов применил для реализации ее излюбленные средства и приемы. Здесь и экстремальная острота конфликта, и исповеди героев, и экскурсы в прошлое, и, наконец, аккордная сцена бессмертия природы, какой завершается повесть. Грозящая при таком использовании излюбленных приемов и средств воспроизведения действительности возможность самоповторения не коснулась повести. Преодоление угрозы самоповторения достигается прежде всего тем, что художник не просто дает различные варианты социально-нравственных конфликтов классовой борьбы, но и каждый раз умеет выбранную ситуацию ввести в обстоятельства, в которых только и могут проявить себя самобытно характеры его героев. Причем каждое возвращение в прошлое для писателя, взгляд сквозь время, имеет одно направление — он устремлен не назад, а вперед. В этом парадоксе — закономерность художественного исследования мира реалистической литературой, всегда проецирующей личность в будущее, в день текущий. Этому закону реализма всегда следовал и следует Анатолий Иванов, в чем со всей очевидностью отныне убеждает собрание его сочинений.

Заключая свои заметки о писателе и его собрании сочинений, хочу сказать, что читатель не обойдет вниманием и по достоинству оценит фундаментальную статью известного литературоведа А. И. Овчаренко, которой открывается первый том собрания сочинений. В ней он найдет и глубокую оценку созданного художником и убедительные доводы о взаимосвязи его писательских открытий с художественными исканиями XX века. Правомерность такой постановки проблемы подтверждена самим фактом общенародного признания труда Анатолия Иванова, выразившегося в издании его собрания сочинений издательством «Молодая гвардия».

КНИ

Лариса **ВАСИЛЬЕВА**

РОМАН-ВОСПОМИНАНИЕ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

НИКОЛАЙ

Весенним утром конца шестидесятых годов зеленый дым листвы зажег деревья и солнце неожиданно ярко, без привычной туманно-бензинной пелены, рассыпало лучи на разбегающийся по рабочим местам великий город; весенним утром в толпе, волнами вытекающей из метро «Площадь Революции», шел человек. Каждый встречный взгляд, скользя по лицам, непременно спотыкался о его фигуру и на мгновение задерживался.

Грузный, с большим лицом доброго великана, казалось, он явился из иных миров и никак не может быть частью толпы. Все же он был ее частью — на лице лежала обычная утренняя московская усталость после неглубокого сна, может быть, даже несколько бо́льшая, чем у других. Рано облысевшую голову окружал светлый венчик оставшихся волос; он производил впечатление одновременно и нестарого и немолодого человека. Внимательный взгляд, однако, ошибиться не мог — ему было лет шестьдесят, но глаза не поблекли, несмотря на тени в подглазьях и сосредоточенность на некой явно нерадостной мысли.

Если бы в это утро нашелся желающий понаблюдать за человеком, он обнаружил бы еще одного наблюдателя — женщину и, обнаружив ее, не мог бы не подивиться, что и женщина эта всем своим видом отличалась от толпы, словно была из одного мира с тем, за кем следила.

Рослая. Молодость давно стала воспоминанием, но живость лица, блеск глаз, темных, жгучих под удивительной красоты бровями вразлет, были очевидны. Волосы, уложенные в большой пучок на затылке, лежали мягко и успокоительно для встречного взгляда. На ней была какая-то курточка, что-то обычное, не запоминающееся — она, видимо, принадлежала к редкому типу женщин, заботящихся в одежде лишь об аккуратности. И совершенно очевидно принадлежала она к тому типу женщин, кто не нуждается в дополнительных украшениях,— Природа постаралась сама.

Женщина была осторожна. В ее цели не входило быть замеченной — она шла поодаль, не упуская его из виду.

Несколько мгновений он, казалось, что-то чувствовал. Дважды обернулся. Постоял. Пошел не оглядываясь.

У Александровского сада она поотстала. Он пошел через сад. Она по тротуару, за оградой. У Манежа он собирался выйти из сада и перейти улицу. Она отвернулась, боясь быть замеченной, а когда посмотрела на него через плечо, увидела — он стоит и разговаривает с двумя молодыми мужчинами. Сначала она решила, что у него спрашивают дорогу, но разговор длился. Она стояла спиной минуту-две, а потом увидела, как они втроем переходят улицу у Манежа.

Досадливо вздохнув, темноволосая женщина, уже не боясь быть замеченной, резко повернула к метро.

— Отец, чудо — полчаса в Москве и встретить вас!

— Зачем приехали?

— Я в министерство со своей идеей школы. Витя к вам, как всегда, по секрету. .

Продолжение. См. «Огонек» №№ 41, 42.

ГА ОБ ОТЦЕ

На сей раз оба не видели Отца больше года. Последнее письмо Виктор получил месяц назад. В письме обычные вопросы: как, что, кто, где и сообщение, чтобы читал газету «Красная звезда» от такого-то числа со статьей о танке. Газету прочитали, конечно, все ребята и старушка Маргарита Ивановна. Она-то и сказала забежавшему к ней «на огонек» Виктору:

— Не люблю, когда Отец пишет в газетах. У него получается, что все вокруг него машину делали, а он вроде бы прохлаждался.

На вопросы Отца Виктор ответил письмом. Обстоятельно. Отец любил, чтобы дети писали все подробности своей жизни. Алеша тоже получил письмо от Отца, но ответить не собрался и чувствовал себя сейчас виновато.

— С сегодняшнего дня я на пенсии,—равнодушно сказал Отец своим густым неравнодушным голосом.— Разбегайтесь-ка, братцы, по своим делам. Вечером приходите домой. И вещи из камеры заберите — ночевать будете дома.

Не дожидаясь ответа, Отец шагнул вперед, пошел, явно давая понять, что следовать за ним не надо. Да они бы и не последовали — известие пригвоздило их к тротуару. Молча посмотрели друг на друга, на удаляющуюся фигуру Отца.

— Сожрали батю!— задохнулся Виктор.— Сожрали все-таки!

В квартире полутемно и прохладно. Они прошли на кухню, заглянув по детдомовской привычке во все открытые двери — в доме явно никого, кроме Отца, не было. Кухня благоухала вареным мясом. Изголодавшиеся за длинный день гости сглотнули слюну. Отец хозяйничал сам. Тоже новость.

Куда подевались люди, наполнявшие дом шумом и теплотою?

Где золотоволосая Катерина Власьевна, перед которой все детдомовские ребята робели — и вот уж никому не пришло бы в голову назвать ее матерью, хотя она была женою Отца и вместе с ним многое делала для них, но всегда в стороне, вдалеке?

Где счастливица Инна, которую втайне не очень любили детдомовские девчонки? Еще бы — она могла видеть Отца, когда хотела.

Где ее благопристойно-дипломатического вида муж, от которого всегда веяло холодом и чужими материками?

Где их сын, толстощекий Андрюшка, на один квадратный метр которого, шутил Отец, приходится по две бабушки?

Где вечно гостящие в доме бывшие сотрудницы Отца, какие-то добродушные «графини», похожие на перезрелые плоды?

Почему они не выходят навстречу гостям с Урала? И это на фоне такого события, как выход Отца на пенсию. Можно подумать, что все разбежались от него, едва он покинул свой высокий пост.

Отец наклонил голову, покачал ею, забормотал:

— Бросили меня, бедного. Старик стал. Никому не нужен.

Поникшее тело обмякло, стало бесформенным. Ноги подогнулись — широко расставленные в коленях, они сомкнулись внизу и дрожали. Щеки по-собачьи обвисли и тоже были пронизаны дрожью. Ввалившиеся губы сошлись в тонкую нитку, а раздвоенный подбородок уродливо выдвинулся вперед, как на портретах Вольтера, седые брови набрякли над бледными выцветшими глазами, в которых стояли старческие слезы, не проливаясь, тоже дрожа. Глубокий старик, измученный жизнью, уже запредельный и все же цепляющийся за свет корявыми пальцами, лысая голова, покрытая землистого цвета кожей.

Гости окаменели...

По дороге к Отцу Виктор рассказал Алеше, что ему удалось узнать на работе. В сущности, ничего узнать не удалось — Отец, оказывается, подал заявление две недели назад, никому из сотрудников ничего не сказав, и просил верхи держать это в секрете. Вчера собрал всех подчиненных уже в самом конце рабочего дня и сказал следующие слова:

— Прошу не охать и не сплетничать. С завтрашнего дня я на пенсии. Сам захотел. Всех вас люблю. Три месяца буду отдыхать. Потом приду к вам в гости, посмотрю, как дела. Запомните: во-первых, я совершенно здоров, во-вторых, никто меня отсюда не выталкивал. Спасибо за все. Будьте молодцами.

Ошеломленные сотрудники сегодня весь день пытаются узнать почему, совершенно забыв его просьбу — не сплетничать. Но никто ничего им не объясняет. Дня, говорят, через три все выяснится — слух просочится. А пока там просто тихая паника.

Отец повернулся с дымящейся сковородой, веселый, насмешливый, прежний:

— Что, поверили бедному старику? Как же, дождусь я, чтобы меня бросили! Разболелась моя главная красавица. Катя в больнице. Инна с мужем и дитем отдыхать уехала. Остальных теток я отпустил на каникулы — давно один не оставался, а человеку, как вам, возможно, неизвестно, одному побыть необходимо.

От души отлегло — это был прежний Отец. Да как же они забыли, что он артист — народному не уступит.

Жгучая отцовская настойка «Двенадцать Разбойников» и горячая еда сделали свое: разговор потек легко.

Вот когда раздвинулись стены, время пошло вспять, воспоминания смешались с сегодняшним днем, то наплывая друг на друга, то отталкиваясь. Откровения гостей приобретали все более расплывчатые очертания, характеристики, даваемые людям, становились все бесстрашнее.

Отец, откинувшись на неудобном стуле, чувствовал себя совершенно счастливым с этими родными детьми, такими уже взрослыми и такими еще несмышлеными. Сколько нужно было сказать им, предостеречь, объяснить! Сознание, что они видят в нем отца, давало ему приток сил и уверенность в чем-то главном.

Вспомнил — нужно позвонить в больницу. Позвонил, узнал: больная здорова. Поворковал с медсестрой. Снова откинулся на неудобном стуле. Подумал — завтра ему не нужно рано вставать на работу. Мысль была непривычная, но не противная. Странно заманчивая: полежать, понежиться одному. Впервые за долгие, долгие годы.

Что мы знаем о пихтовом дереве? Да и знаем ли мы его? Видели? Кажется, да. А впрочем, трудно сказать. Это не ель, не сосна, не кедр — дерево из семейства еловых. Высокое. Хвоя плоская, располагается гребенками. Пихта, говорят, живет триста лет и предпочитает гористую местность. Еще говорят, что пихтовое дерево годится для струнных инструментов, не для скрипок Страдивари, но балалайка получится. И еще говорят, что пихтовую заболонь шведы и финны в муку подмешивают. Мы в войну не знали. Это хорошо, а то все пихты извели бы.

Детей привезли на Пихтовую гору и выгрузили перед длинным двухэтажным домом, окруженным пихтами. Самая слабенькая из всех, Ариша Кротова, сразу же зазевала — спать захотела, опьянела от запаха.

Детей долго везли в вагонах, на остановках подсаживали все новых и новых.

Ариша очнулась в вагоне, развязала бинт на руке, смастерила из него куколку, стала играть. Под бинтом у нее еще наклейка была. Дети да и сама она долго не знали, что под наклейкой. Потом увидели...

Ариша жила в деревне. У них стояли немцы. Напились однажды пьяные, пели, кричали, один из них в упор расстрелял ее мать. Просто так. Девочка кричит, а он ее на руки взял, и что потом было, она не помнит. Очнулась в вагоне. Где до этого находилась, сказать не может. Как зовут — не помнит. Документов при ней никаких.

«Аришу Кротову» Маргарита Ивановна придумала — у нее была в молодости подруга-красавица с таким именем. Сколько Арише лет, тоже никто не знал — определили около пяти.

Детей привезли вечером. Директор детского дома Маргарита Ивановна и весь ее персонал ждали с утра. Знали: должно прибыть сорок, а привезли пятьдесят четыре ребенка. Куда размещать?

Вместе с уполномоченным детей привез Кочерно. Маргарита Ивановна удивилась: конструктор, начальство, зачем явился в детский дом? Была она из местных, узкоглазая уралка, широколицая, старообразная.

— Не могу всех принять!— зашипела она на Кочерно.

А он звонит куда-то, доски велит везти. Еще куда-то — матрацы. Маргарита Ивановна села против него. Смотрит. Слушает. Он повернулся к ней:

— Вы что, мамаша, отдыхаете? Размещайте детей.

— Куда я четырнадцать лишних дену? Пока это еще матрацы привезут!

Кочерно секунду постоял с закрытыми глазами. Открыл их. Маргарита Ивановна смотрела на него со злой надеждой. Должен же он что-то придумать!

Этот жаждущий помощи встречный взгляд, необходимый Кочерно смолоду, был для него как призыв к действию, импульс к поступку. Найти выход из любого положения не составляет труда, если есть взгляд. И секунду назад не знавший, как быть, Кочерно уже сдвигал кровати в первой спальне.

— Распределяйте детей по возрасту и полу! Положим покотом. Тут, между кроватями, нужно что-то подложить! — командовал он, а через десять минут его уже не было в доме. Насквозь продуваемый автомобиль с брезентовым верхом тряс его по ухабам Пихтовой горы.

С первого дня войны Кочерно испытывал неловкость. Ушли на фронт друзья по институту. Знакомые. Малознакомые. Ушли на фронт совсем молодые. Ушли старики. Отец Катерины Власий Саввич ушел. Он, Кочерно, такой сильный. На него всегда надеются. Кто его отпустит на фронт? Кто, кроме него и Андрея, может довести машину? Машина, машина, одна она должна занимать мысли, машина не готова — вот что главное, не доведена до конца, война идет, а машины нет. Те единицы, вышедшие с конвейера, погоды не делают. Надвигается эвакуация на Урал.

Нечаянно он толкнул старушонку, выбегая утром из подъезда. Было это на втором месяце войны. Старушонка незнакомая. Толкнул сильно. Нагнулся к ней:

— Простите, простите, пожалуйста...

Получил по заслугам:

— Сидишь в тылу, громила, а мои сыночки кровь за тебя льют. У-у, нéфырь!

Куда денешь проснувшуюся совесть? И без того сна нет и быть не может, а теперь, чуть смежит глаза, старушонка перед глазами:

— У-у, нефырь!

Стало возникать желание — пойти попроситься добровольцем... Кто отпустит и воз-

можно ли без него? Вот как? Незаменимых нет, как известно. Кто это и когда сболтнул такое? Незаменимых нет? Неправда. Для красного словца. Незаменимых нет? Векшин! Что Векшин мог сделать — не снилось нам с Андреем. Нет, черт возьми, я тоже незаменим, потому что если меня не будет, что-то нарушится в жизни, а для восстановления время нужно. Да и не восстановится — пойдет по-другому. Незаменимых нет? Расскажите кому-нибудь другому. Если бы у меня была уверенность, что нет незаменимых, я сидел бы сложа руки всю свою жизнь.

С этого дня заноза застряла в сердце Кочерно — детский дом.

Алеша лежал в изоляторе, корчился от боли в животе. Иногда боль уходила, и он уплывал в синюю улицу, длинную, длинную. Она расширялась, становилась зеленой полянкой. Посередине рос цветок с лицом девочки. У цветка было пять лепестков — все разного цвета. Алеша стал обрывать первый алый лепесток, девочка закричала, и он открыл глаза. Над ним стояли тот высокий, что привез их на Пихтовую гору, и Маргарита Ивановна, «бабка Рита».

— Дизентерия. Температура не падает.

— Что за бурда?

— Гороховый суп.

— Откуда горох?

— Это у нас так называется.— Маргарита Ивановна усмехнулась.

Кочерно наклонился, попробовал. Побагровел:

— Чем кормите больного ребенка! Стыдитесь. Своему бы такое дали?

Маргарита Ивановна вспыхнула. В ту же секунду Кочерно вспомнил, что у нее нет своих детей, мужа нет и никогда не было, наверно, это ее трагедия, он снова толкнул человека, у-у, нефырь...

Алеша опять уплыл в синюю улицу. Он кричал, просыпался, уплывал, а когда совсем очнулся, было светло и на стуле сидел этот высокий. Алеше казалось, что он так и не уходил от него. Сам Кочерно Николай Сергеич дежурил у его постели.

— Но ведь вы тогда не могли дежурить, правда?

— Конечно, нет. Два раза приезжал к тебе. Оба раза ты при мне приходил в сознание.

— А ребята мне так завидовали, что вы дежурили.

— Да я бы и подежурил, времени не было.

Детский дом тянул к себе Кочерно все больше и больше. Впрочем, не одного его. В посетителях и шефах поначалу недостатка не ощущалось. Но это поначалу, в новинку. Через полгода их стало меньше, а через год остался один Кочерно. Он, правда, всегда привозил с собой кого-нибудь, а этот «кто-нибудь» непременно должен был сделать что-нибудь для детского дома.

Маргарита Ивановна расцвела, размахнулась. Долго дремавшие нерастраченные материнские чувства наконец-то нашли себе место. Унылая старая дева превратилась в цветущую кормящую мать и, пока дети были малы, чувствовала себя совсем молодой. Общество гостей по-своему будоражило ее. Это все были мужчины, и по преимуществу начальственные. Их мир волновал ее, никогда не знавшую мужской ласки, и подчеркнуто ласковое внимание к ним всегда было чем-то чуть бо́льшим, нежели просто желание угодить тем, от кого зависели добрые дела для ее питомцев.

Кочерно она отказывалась понимать — днем и ночью на заводе, в семье, говорят, месяцами не бывает, а тут — каждую неделю. Ведь у него своя девочка есть, милая такая, с бантиком — домашняя примерная девочка. Он не привозит ее сюда. Жена — красавица. Может быть, не ладится в семье? Вроде бы не слышно. И все-таки не семья его тянет, а чужие дети. Это очевидно.

На каком суде предстоит Кочерно объяснять, что в те дни он почти не вспоминал о собственном ребенке? Есть ли такой суд? Собственный ребенок вообще мало занимал его мысли. Девочка росла капризная, избалованная, к ней у него была скорее нежная тревога, чем нежная любовь, она не вызывала желания помогать ей, покровительствовать. У нее был мир тетушек и бабушек.

Вообще в характере Отца проступала одна черта — все, что не нуждалось в его помощи, поддержке, пристальном внимании, не вызывало интереса. Любимые люди годами могли ходить, не замеченные им, если у них не было к нему никакой нужды. Он продолжал их любить, конечно, но эта любовь далеко отступала перед необходимостью быть полезным, пусть даже и нелюбимым людям.

В кого только не перевоплощался, когда дети, показав ему всю свою самодеятельность, спрыгивали со сцены, окружали, садились на колени, забирались на плечи.

— Я буду слоном! — объявлял он и становился на четвереньки.

Лицо вытягивалось, редкие волосы распадались по обе стороны лица, а большие уши начинали медленно шевелиться. Он и вправду становился слоном, к великому наслаждению благодарной публики.

— Катаю только малышей! И девчонок! — объявлял слон.

Если бы кто-нибудь видел это зрелище! Трудно сказать, кто больше веселился — он или они. «Бабка Рита» втайне переживала — добропорядочное чувство готово было возмутиться в ней, когда она увидела, как начальник конструкторского бюро всего завода ползает по полу и возит на спине ошалевших от счастья малышей. Она стала исчезать, закрывая дверь в комнату, где происходила невероятная церемония, следя лишь за тем, чтобы никто лишний не видел этого почти позора.

Кочерно так никогда и не узнал о ее переживаниях, искренне уверенный, что не делает ничего предосудительного. Чувствуя себя равным детям, он отнюдь не вспоминал своего собственного детства; его коснулась иная война, но она не унесла родителей, и горя он не хлебал. Однако в детстве у него были свои переживания.

Мать уходит из дому и говорит старшему:

— Смотри, Коля, дом на тебе. Вовку соблюдай.

Вовке четыре года. Соблюдать его не хочется. Николай сидит на полу под окном и ждет. Вот оно! Острый щелк камешка об окно. Он вскакивает на табурет, выглядывает — под окном вся компания: рыжий Митя Слепов, нос-картошка — Андрюшка Холодов и чернявый Степан Шапошников. Несколько минут сердце разрывается: и убежать с ними хочется, и остаться надо.

Компания задами, избегая улиц, ускользает в сторону леса.

На опушке они останавливаются перевести дух. Отсюда городок кажется маленьким, едва заметным. Белые домики тонут в садах, зато хорошо видны змеи железнодорожных путей, опоясывающие городок. По этим путям водит отец Николая черный, тяжело дышащий паровоз. Отца сын видит редко. Отец обычно рассеянно ласков с ним и всегда торопится. Он красив, статен, родом из запорожских казаков — мать однажды рассказала Николаю, что прадед его Марко был прозван Кочергой за цепкие руки — в битве на кула́чках никто победить его не мог. Кочерга зацепилась за него и каким-то образом преобразилась в Кочерно.

Фамилия звучит загадочно — Инна однажды, когда мода пошла на «голубые крови», в какой-то выморочно-претенциозной компании сказала небрежно:

— А моя фамилия Кочерно, происходит от деда, крупного венгерского феодала.

Прозвучало шикарно. Запорожский казак Марко в эту минуту слегка пошевелился в гробу.

Лес принимает их прохладой и птичьим звоном, таким пронзительным и сильным, что Николай на мгновение зажмуривается — кажется, это звенит у него в голове, во всем теле звон. Трое идут впереди, а он останавливается под деревом и, отодрав от коры желтовато-прозрачную карамель клея, жует ее. Тропинка, исхоженная, истоптанная сотнями ног — лес близко от городка,— петляет, кружит, но уверенно тянет за собою.

Через городок проносятся конницы, иные застревают в городке ненадолго, но их живо сметают другие налетевшие отряды. Мальчишки слышат: «Красные!», «Белые!», «Зеленые!» И все это загадочно, заманчиво, страшновато.

Мать Николая куда-то каждый день уходит с узелком — так она прежде уходила к поезду, отца повидать. Но прежде она не с пустыми руками возвращалась — всегда детям от отца гостинцы приносила. В последнее время без гостинцев приходит.

— Где он? — спросил Николай.

— Не знаю.

Мать суровая, лишних слов не говорит, детей запирает на ключ, когда уходит, а вечерами любит нарядить их в вышитые крестиком по горлу косоворотки и, если в городе тихо, вывести — люди любуются вышивкой, мать похваливают. Она стоит гордая.

Лес становится гуще, темнее, тропинка разветвляется, они уходят влево, идут, свистят, цепляют ветки.

— Вчера монашка к нам пришла. Все, говорит, пожгли.

— Кто?

— Неизвестно. Банда. Налетели и пожгли.

— Увидим.

— Боишься?

— Чего бояться?

— А вдруг банда не ушла. Засела. Возьмут нас.

— Да кто ж детей берет? Я дурачком прикинусь.

Николай вмиг обмякает — руки, как плети, повисают вдоль тощего тела, голова набок, глаза заволакиваются и окосевают, рот открыт, слюни текут по подбородку.

— Ой, гляди, чумовой! — Митя и Степа хохочут.

Андрей тянет за рукав:

— Коль, Коль, не надо, я боюсь, еще так насовсем останешься.

Впереди мелькнула белая стена. Ближе, ближе — мальчики остановились у деревянных изувеченных ворот. Одна створа висела, полуоборванная, на черной петле, другой не было. Перед воротами чернел круг кострища, валялись черные тряпки, куски кожаных книжных обложек, обломки тарелок.

Мальчики не решались ступить за ворота, прислушивались. Ни единый звук, казалось, не доносился оттуда. Было около десяти часов утра. Если верить монашке, прибежавшей вчера вечером в дом Мити, банда налетела на монастырь около шести часов вечера. Черный круг кострища был еще теплым.

— Они там? Страшно! Давай назад!

— Пришли уж. Чего они нам сделают? Прогонят — уйдем.

А может, их нет?

Николай заглянул в ворота и тут же вспомнил — мать брала его в монастырь на праздник. Здесь тогда было множество народу, звонили колокола, толпы нищих сидели у ворот. Мальчик с удовольствием рассовывал медяки в узловатые, темно-коричневые, жадно тянущиеся к нему руки. Помнит он и просфору, что мать дала ему после долгого стояния в главном храме, где горели свечи и люди пели: «Богородице, дево, радуйся!»

Николай пел звонко, с удовольствием, закрыв глаза.

Когда они возвращались домой, а до дому было километров пять, их догнала молодая монашка и говорила матери, что мальчику надо бы в храме петь. Мать радовалась похвале, соглашалась.

Николай пел редко, а как начинал петь — так ему это нравилось, что остановиться не мог. Иногда длинная, удивительной красоты мелодия возникала в нем, он пел тихо, боясь, чтобы ни один звук не был услышан, пел и уносился высоко, высоко. Стены и потолок плыли, таяли, раздвигались, он летел вместе со звуками, клокочущими в груди. Небо от его звуков становилось синим-синим, а солнце жгло нестерпимо. Николай просыпался.

— Что ты? Что ты? — наклонялась к нему мать.— Страшное снится? Спи!

Монастырский двор пуст. Двери храма распахнуты. Внутри все развалено, разрушено, сметено. Иконы валяются где попало, золоченые подсвечники опрокинуты. В храме ни души. Мальчики стали подбирать разбросанные свечки, чтобы вечером зажечь в темноте за сараем. Николай забрел в алтарь. На полу лежала женщина. Длинные темные волосы ее рассыпались, черная одежда была разорвана, прекрасное, белое, нагое тело обе-

зображено кровавыми подтеками и ссадинами. Струйка крови засохла на бедре и в углу измученного, разодранного рта. Огромные темные глаза смотрели в купол. Оттуда, раскинув ей навстречу руки, смотрела немолодая, тоже черноволосая, чем-то похожая на нее женщина — богородица.

«Помоги!» — казалось, молил мертвый взгляд.

«Что я могу поделать?» — отвечали беспомощно раскинутые богородицыны руки.

Мальчик не мог отвести глаз от этого тела. Он знал большое, сильное тело матери, знал ее плечи, когда по утрам она за шторой натягивала платье, порой видел, как она, подняв длинную юбку, поправляет съехавший чулок. Стыдно было видеть ее тело, он резко отворачивался, краснел. Противно бывало, когда отец, уходя на паровоз, долго держал свои губы на ее губах. Николай взмокал, раздражался, нервничал.

Здесь он оцепенел. Тайное, необъяснимое тянуло его к прекрасному, юному мертвому телу, страшное рождалось в груди — не хватало воздуха, хотелось, чтобы она отвела глаза от купола и взглянула на него. Пугливо обернувшись, не видят ли ребята, он присел перед нею на корточки, дотронулся рукой до синеватых губ. Ледяные. Провел пальцем по темным, вразлет бровям — тот же холод. В нем вдруг закипело возмущение, злоба, ненависть к кому, к чему — непонятно, к тем ли, кто сделал это, к ней ли, что лежит неподвижно, к богородице с ее беспомощными руками?

В эту минуту гулкий голос заставил его очнуться:

— Вы что тут делаете? Брысь!

Кто-то вошел в храм. Николай услышал, как дробно пробежали по каменному полу храма ноги его дружков. Он замер в ожидании и нерешительности. Выйти? Спрятаться? Куда? Все иконы в алтаре повалены. Гулкие шаги раздавались все ближе, ближе, ближе, ближе... Сапог толкнул дверь. Мальчик врос в стену. Здоровенный растрепанный дядька в красной атласной порванной на груди рубахе обвел алтарь мутными хмельными глазами, на секунду задержал взгляд на распростертой женщине, пхнул тело носком сапога, оно колыхнулось. Он увидел Николая. Тупое удивление застыло в глазах. Улыбнулся счастливой улыбкой идиота и стал наступать, медленно, наслаждаясь страхом ребенка. По мере его приближения Николай все более врастал в стену, распластывался на ней. Еще секунда, и мощная лапа бандита схватит его тоненькое горлышко с чуть заметным орешком под кожей.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а! — это был не крик, не зов на помощь. Это был мощный песенный звук, словно душа ребенка вылетела из горла, в купол, в небо. Сильный, необычайный, недетский голос жил в худеньком теле. Звук ударился в купол, рассыпался и отозвался во всех углах храма, но не ослаб, ибо ему на смену спешил другой, еще более сильный звук. Злодей оторопело шарахнулся, спиной пошел из алтаря, спотыкаясь, а Николай, не отдавая себе отчета, подхваченный собственным голосом, наступал на него.

— А-а-а-а-а! — Бандит вывалился из храма. Николай вылетел на свет. Звук оборвался, бандит пришел в себя, но Николай уже мчался со всех ног в сторону леса, туда, где мелькали пятки его убегающих спутников. Вылетая из ворот, Николай вдруг увидел прижавшегося к створе Андрея. Они побежали вместе.

— Ты чего стоял?

— Тебя ждал. Боялся. А вдруг бы он тебя...

— Ты чем бы помог?

— Кто это пел там?

— Где?

— В храме.

— Когда?

— Сейчас. Ты что, глухой?

— Не знаю.

— Как не знаешь?

— Я пел.

— Врешь!

Никому, никому никогда не сказал Николай, что видел в алтаре мертвую женщину. С тех пор она изредка приходила к нему во сне, живая, молодая, в белом платье. Потом стала приходить еще чаще, пока толстенькая Дуся Большакова, соседка, первая не поцеловала его вечером за сараем среди разбросанных по двору дров самым что ни на есть бесстыдным поцелуем в губы.

Встреча с мертвым телом навсегда определила его отношение к женщине: она существо нежное и нуждается в защите.

После стычки с пьяным бандитом и своей невероятной победы над ним Николай рос, ничего в жизни не боясь. Рассерженная мать, встретившая его в тот день на пороге дома, вызвала в сердце жалость, не более: она тоже была женщиной и нуждалась в защите.

Продолжение следует.

Александр **БАСМАНОВ**

СОЛО ПАГАНИНИ

Он точно заживо похоронил себя в музыке, вернее, в нее превратился. Он не очень любил клавиши (говорил, что кость мертва), но до наваждения—струны и мог легчайшим движением извлекать из них двойные флажолеты, то есть двойные высокие, почти свистящие звуки, повергая знатоков в полное тем изумление.

Его пальцы были тонкие и гибкие (на левой руке длиннее, чем на правой), а тело, будто из резины, легко приспосабливалось к нужному положению, объему, прыжку — любой позиции, свой инструмент работы Гварнери дель Джезу он называл дальнобойною пушкой, и любимейшей на нем нотою явилась нота соль.

Ему, Паганини, всегда было удобно в неудобном и, наоборот, абсолютно неловко в привычном, так что Джакомо Коста, консерватору и педанту, первому своему учителю, он в первый же урок сильно попортил кровь, не выказывая ни малейшего желания перенять у него способ ведения смычка. Ведь: «Делай все, дабы имя твое стало бессмертным»,— заказала ему мать, уверовавшая по сновидению, что сын будет гением скрипки; сын и старался: скрипку не успев взять в руки, тут же начал изобретать новые, еще неведомые приемы игры, эффекты которой сразу потрясли слушателей. Странно было ощущать себя в этих резких звуках, в этих высоких нотах, в струях этих нервических, будоражащих песен, звучавших в генуэзском раю: небо — лазурь, белоснежный полет парусов на лукоморье, тиренская вода — драгоценный сплав купороса с индиго и город: древний, италийский, ввысь.

Паганини родился в раю, однако в проезде Черной кошки, в дому владельца мелочной лавки. Быть может, лишь на тысячелетие объявляется такой мальчик. Уже в пять годов заметили, что колокола Генуи вводили его будто в летаргию — он цепенел, орган заставлял рыдать, старинная песня эти слезы сушила вмиг, и ему подарили тогда скрипку, так ладно пришедшуюся рукам, словно он с нею увидел свет. То был очень капризный и раздражительный мальчик. Из-за собственной ли патологической музыкальности (весь мир он разделял на бемоли), из-за деспотичности ли родителя, заставлявшего (мешавшего) музицировать, из-за телесной ли болезненности (спазмы, судороги, горловые припадки, сведшие его потом в могилу) — бог весть.

Свой первый сольный концерт — Корелли, Вивальди, Тартини, Крейцер и сложнейшая соната Плейеля — Никколо Паганини дал в восемь с половиной лет: генуэзская публика, состоявшая из беспощадных знатоков, подстерегавших любой повод освистать исполнителя, неистовствовала от восторга. Выступление свершилось в достопочтенной церкви Санта-Кроче, но удивляться тому не надо: в эпоху серебряной пудры, алмазных пряжек на мужских башмаках, дворцовых интриг и дорогостоящей игры в меценатство святилище служило и театром, где дамы держали в одной руке молитвенник, а в другой — веер или левретку. Здесь, в этой извращенной двойственности, открывается мир Паганини — некий гибрид цинизма и одухотворенности, атеизма и суеверий.

Всю сознательную жизнь — в делах, быту и любви — он играл роль черта. «Если б,— с лукавым вздохом говорил близким, — я не украшался разными диковинами, то не имел бы и трети того капитала, который составляет знаменитое мое состояние». Он так загипнотизировал своим именем и своей мефистофельской физиономией окружающих, что при виде его одна барышня не могла сдержать крика ужаса, а старичок капельмейстер, одаренный им однажды во время репетиции понюшкой табачку настоящего парижского изделия, постарался незаметно понюшку просыпать, дабы не проморгать какого-нибудь сатанинского снадобья.

В искусстве же игралась роль демона: тут единодушны и Гете, и Делакруа, и Гейне, и Бальзак, и Берлиоз. Это была страшная, неотразимая, властная сила, с какой он подчинял себе всех, кто его видел и слышал.

Не сохранилось никаких документов, которые бы свидетельствовали о том, что Паганини когда-либо посещал школу, никто не видел его с книгой в руках, никто не слышал, как он занимался или репетировал. В дни своих концертов виртуоз просыпался поздно, был нервен и долго сидел на кровати, ничего не делая, лишь каждую минуту нюхал табак: это служило верным признаком внутренней работы. Известен случай: один любопытный, во что бы то ни стало желавший проникнуть в его секрет, подсмотрел в замочную скважину, как Паганини в гробовой тишине подносил скрипку к подбородку, прогуливаясь пальцами по грифу, но не прикасаясь смычком к струнам.

Музыкальность этого человека была феноменальна. Среди многочисленного оркестра, во время оглушительного звучания труб и барабанов ему стоило только тронуть свой инструмент, чтобы его настроить, и при тех же обстоятельствах он слышал незначительные неточности настройки у других на дальнем расстоянии. Иногда он бравировал тем, что чисто играл на полностью расстроенной скрипке или рвал три струны, продолжая сложнейшие вариации на одной.

Он дружил с Байроном, Россини, Энгром, лордом Нельсоном и леди Гамильтон, Кановой и Листом в действительности; в грезе же — с Гайдном, Моцартом, Бетховеном, и, будучи смертельно болен, не мог отказать себе в удовольствии послушать его «Торжественную мессу». Он любил (и они любили его) многих женщин: Элизу Бачокки и Паолину Боргезе — сестер Наполеона; великолепную певицу бельканто Антонию Бьянки, подарившую ему сына; баронессу Елену Добенек; наконец, последнее «любовное интермеццо» — очаровательную Карлотту Уотсон, трофей лондонской гастроли, но любил как бы не до конца, и если бы ему пришлось отвечать перед неким сверхчувственным судом, он, не задумываясь, ответил бы, что никому и ничему, кроме музыки, отдавать свою душу не мог.

Внешне Паганини, никогда не знавший оскорблений, несправедливости и равнодушия, но только славу, мог казаться очень благополучным. Скрипачи ломали себе головы, разгадывая его тайну, потея над трудностями, которые он одолевал (вернее создавал сам) шутя, но вызывали у публики лишь улыбку жалости. Что знали о нем? Почти ничего: этот человек проходил мимо толпы, никогда не соприкасаясь с ней, ни с кем из людей не связывала его никакая общность, чуждался он и всякой духовной склонности, страсти, даже собственного гения, относясь к нему почти с иронией.

Он объездил всю Европу, называя себя шпильманом — бродячим скрипачом. Начиная с того часа в 1801 году, как появился он со скрипкою перед прихожанами Санта-Кроче, почти вся жизнь промчалась в дороге, и ее основными знаками стали: сцена, колесо брички, переносной кожаный сундук, номер в отеле. Он давал до двухсот выступлений за сезон, одновременно (между прочим) занимаясь композиторством: его «24 каприччи», Первый и Второй концерты для скрипки с оркестром, пьесы «Кантабиле» и «Перпетуум мобиле» — шедевры музыки. Гонорары бродячий скрипач требовал умопомрачительные. К концу жизни он, на вершине мировой славы, первый и единственный среди инструментальных виртуозов стал обладателем полуторамиллионного состояния, орденов, графского поместья Гайона, баронства, бесценного собрания старинных музыкальных инструментов.

Он был величайшим мастером и, казалось, всего себя посвятил лишь технике, но он же презрел эту технику и доказал, что талант артиста — в его сердце, а не руке, ибо записал: «Надо сильно чувствовать, чтобы другие чувствовали». Он был родоначальником концертной индустрии и чистоганом от искусства, но он был и тем реформатором его системы, который отказался от лакейства у меценатствующего аристократа и сделался свободным художником нового, революционного века и новой формации: когда ему передали предложение английского короля выступить при дворе за половину требуемого вознаграждения, Паганини ответил: «Его величество может услышать меня за значительно меньшую сумму, если посетит концерт в театре».

Зал на том концерте, вмещающий три тысячи человек, был переполнен, и первое соло Паганини было отмечено тоном огромной силы. Он играл фамажорную сонату Бетховена: часть рондо — на две октавы выше, а тему адажио начинал каждый раз вверх смычком — наперекор традиции, — и скрипка (Лист сказал про нее: «О боже, сколько муки, сколько горя, сколько страдания выражают эти четыре струны!»), казалось, была послушна не механической беглости пальцев, но дыханию и пульсу своего господина, не разрешая себе ни одного, даже едва уловимого диссонанса.

Кто ведал о судорогах его плоти? Пожалуй, мало людей. Его каталептические припадки, его нестерпимые горловые спазмы и боли доводили измученное тело до полного изможденя: «Желать себе я мог бы смерти, но и желание угасло...» В 1837 году он уже полностью потерял голос, пользовался для общения записками, шутил, что похож на Бетховена, только наоборот.

Он умер от туберкулеза горла в мае 1840 года, в Ницце, — существует свидетельство, обнимая скрипку. Он, плебей, демократ, и после смерти продолжал оставаться бродячим музыкантом, ибо церковь запретила хоронить того, кто при жизни был заклеймен, как безбожник и якобинец, и потому набальзамированное тело Паганини поместили в морг госпиталя для прокаженных, и долгих четыре года объемлел ужас местных жителей — они клялись, что по ночам слышат дьявольские струны.

Однако через четыре эти года запрет был снят, и яхта «Мария Магдалена» доставила под парусами останки великого грешника в Италию. В порту таможенники по подозрению в контрабанде обыскали гроб; в темноте же, тайно, свершился наконец обряд погребения. Но и на этом посмертная одиссея шпильмана не кончилась: в 1853 году тело перенесли в поместье Гайона, в 1876-м — в Парму, а через семь лет какой-то чешский скрипач, решив удовлетворить свое несколько странное и мрачное любопытство, сумел убедить кого надо извлечь кости, дабы видеть тень великого артиста. По прошествии же еще трех годов в связи с закрытием старого кладбища гроб вновь был выкопан и захоронен на новом.

Поговаривают, впрочем, что теперь земляки Паганини считают: он должен закончить земной путь там, где начал, то есть в славном городе Генуе. Уж кто-кто, а генуэзцы-то знают (в дотошных подробностях это передается из поколения в поколение), как давал скрипач здесь концерты. Они видят его как живого. Обычно он заставлял некоторое время ждать своего появления, но когда резко и быстро, в голубом рединготе со звездой выходил на эстраду, редингот на шагу сбрасывая и оставаясь во фраке — тощий, восколицый, востроносый, с блуждающей вольтерьянской улыбкою, — публика взрывалась громом рукоплесканий, а он раскачивался, как хмельной, и низко кланялся, и вскидывал руки к небесам, и протягивал их к кулисам, словно вызывая оттуда кого-то другого, словно не понимая, что эти аплодисменты относятся к нему самому.

ПРЕТЕНДЕНТЫ ИЗВЕСТНЫ

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер, шахматный обозреватель «Огонька»

ЛАС-ПАЛЬМАС: ПРОГРАММА-МИНИМУМ ВЫПОЛНЕНА

Накануне большого спортивного соревнования болельщикам не спится. Им хочется заранее узнать мнение журналистов, экспертов и даже современного «спортивного ученого» — компьютера, — каков же будет итог.

Вспоминается первенство по футболу в Испании. Журналисты всего мира сделали категорический прогноз: Бразилия! Бразилия! Она станет чемпионом. Не получилось. Никто не угадал, даже компьютер промахнулся.

На шахматной повестке дня 1982 года было три межзональных турнира. В каждом из них по 14 участников из разных стран. Только д в а победителя из каждой группы получают право участвовать в турнире претендентов. Это новая формула, очень острый, немного азартный вариант проведения межзональных турниров. Занимать одно из первых двух мест — по заказу — труднейшая спортивная задача для любого фаворита, и никто не застрахован от неудачи. А неудача — это даже высокое третье место, за что участник обычно награждается бронзой. Бронза здесь не котируется.

Учитывая такую острую систему, журналистам на этот раз необходимо было проявлять особую осторожность в своих прогнозах. А между тем, когда стартовал первый из межзональных турниров в Лас-Пальмасе (Испания), корреспонденты одну из двух путевок забронировали голландскому гроссмейстеру Я. Тимману. Тимман! Тимман! Он не только попадет, но даже доберется до Карпова! Так высоко котировались на Западе шансы Тиммана. Очень популярный шахматный боец — датчанин Бент Ларсен — неоднократно попадал в турнир претендентов и на этот раз также рассчитывал на успех. Помню, как в прошлом году в Вене Ларсен, окруженный большой группой любителей шахмат, чуть ли не обиделся, когда ему задали такой вопрос: «Если не считать русских, то кто лучший шахматист на Западе?» Ларсен скромно ответил: «Конечно, я!» Но и Ларсен потерпел неудачу.

Турнир в Лас-Пальмасе протекал явно не по прогнозам журналистов. Нашлись участники, которые опрокинули все расчеты. И среди них В. Смыслов — москвич Василий Васильевич Смыслов, 1921 года рождения!

Как оценить великолепный результат экс-чемпиона мира? Случайность? Неожиданность или сенсация? И да и нет.

Почему, собственно говоря, такая уж неожиданность? Человек не забывает игру в шахматы, как до старости лет не разучивается плавать, если когда-то научился. У шахматиста такого ранга, как Смыслов, высокую технику, тончайшее понимание позиции, талант никто отнять не может. Шахматисты старшего поколения часто уступают молодежи потому, что не выдерживают напряжения, особенно на четвертом и пятом часах игры. Это естественно, закономерно. Однако бывают исключения. Так, например, человек крепкого здоровья, доктор Э. Ласкер, будучи в возрасте 67 (!) лет, на московском турнире 1935 года не проиграл ни одной партии. На живой памяти 1961 год, когда 50-летний М. Ботвинник в матче-реванше нанес сокрушительное поражение своему сопернику М. Талю, который был вдвое моложе!

Но если при сегодняшнем высочайшем уровне шахмат человек в 61 год — впервые в истории — попадает в турнир претендентов, то это действительно неожиданность (приятная!), если хотите, сенсация, но не случайность.

Блестящий успех В. Смыслова чемпион мира А. Карпов назвал триумфом, имея в виду не только спортивное долголетие Смыслова, но и бессмертие самих шахмат, которым покорны все возрасты.

С удовлетворением воспринял успех Смыслова и его старший коллега экс-чемпион мира М. Ботвинник, который сыграл со Смысловым три матча на первенство мира. Узнав результат турнира в Лас-Пальмасе, М. Ботвинник воскликнул: «Вот видите, с кем я имел дело почти тридцать лет назад!»

Восхищаясь достижением вечно молодого Смыслова, никому, понятно, не приходит в голову иронизировать над временными неудачами молодых гроссмейстеров. Молодежь — это надежда, будущее страны. Но в какой-то мере успех Смыслова может служить полезным предупреждением для молодых. Старших гроссмейстеров надо больше уважать, молодым не следует забывать, что учились они у классиков. Никто из молодых талантов не может понастоящему прогрессировать, если не будет самым внимательным образом изучать творчество великих шахматистов прошлого, прежде всего основоположников русской и советской шахматной школы — М. И. Чигорина, А. А. Алехина, М. М. Ботвинника.

Напомним технический результат турнира в Лас-Пальмасе: З. Рибли — 9 очков, В. Смыслов — 8,5, М. Шуба — 8, Т. Петросян, В. Тукмаков — 7,5, Б. Ларсен, Я. Тимман—6,5, Д. Местел, Й. Пинтер, Л. Псахис — 6, С. Буазиз, Л. Карлссон, Ж. Сунис — 5,5, У. Браун — 3.

Приводим одну из шести победных партий В. Смыслова.

У. БРАУН — В. СМЫСЛОВ

НОВОИНДИЙСКАЯ ЗАЩИТА

1. d2 — d4 Kg8 — f6 2. c2 — c4 e7 — e6 3. Kg1 — f3 Cf8 — b4 + 4. Cc1 — d2 a7 — a5 5. g2 — g3...

Проще ответ 5. e3. Судя по всему, чемпион США слабо знаком с системой, разработанной советскими шахматистами.

5... d7 — d5 6. Cf1 — g2 d5 : c4 7. Фd1 — c2 Kb8 — c6 8. Фc2 : c4 Фd8 — d5 9. Фc4 : d5...

Американский гроссмейстер обрадовался! Но он ошибся, если полагал, что после размена ферзей у него уже ничья в кармане. Не тут-то было!

9... e6 : d5 10. Kb1 — c3 Cc8 — e6 11. Лa1 — c1 a5 — a4 12. Kc3 — b5 Cb4 : d2 + 13. Kpe1 : d2 Kpe8 — d8 14. Kf3 — e5 Лa8 — a5! 15. Ke5 : c6 + ...

Отличный ход Смыслова 14... Лa5! явился неожиданностью для американца, который «заснул» минут на сорок. Он считал вариант 15. Л : c6 Л : b5 16. Л : e6 fe 17. Kf7 + Kpe7 18. K : h8 Л : b2 + и справедливо решил, что он в пользу черных. Браун является одним из ведущих гроссмейстеров США. Он как шахматист (и как человек) очень импульсивный, неуравновешенный. Сегодня может быть первым, завтра — последним, как с ним, кстати, случилось в Лас-Пальмасе.

Смыслов правильно считает, что лучшим выходом для белых было продолжение 15. Л : c6 Л : b5 16. Лc2 — и ничего страшного не видно.

15... b7 : c6 16. Kb5 — c3 Kpd8 — e7 17. Kc3 — d1 Kpe7 — d6 18. f2 — f3 c6 — c5 19. d4 : c5 + Лa5 : c5 20. Лc1 : c5 Kpd6 : c5 21. Kd1 — c3 Kpc5 — b4!

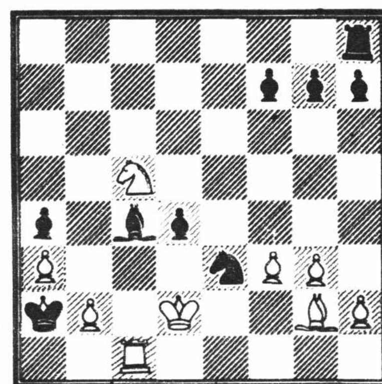
Вперед, только вперед! В этой партии наш замечательный техник, тонкий знаток окончаний В. Смыслов преподнес американскому гроссмейстеру урок на тему: в эндшпиле король — сильнейшая фигура. Прекрасный учебный пример.

22. Лh1 — c1 c7 — c5 23. e2 — e3 d5 — d4 24. e3 : d4 c5 : d4 25. a2 — a3 + ...

Нервы больше не выдерживают. Позиция белых тяжела. Упорнее было 25. Ke2. У Брауна времени оставалось совсем маловато.

25... Kpb4 — b3 26. Kc3 — d1 Ce6 — c4 27. Kd1 — f2 Kf6 — d5 28. Kf2 — e4 Kd5 — e3 29. Ke4 — c5 + Kpb3 — a2

Смыслов

Браун

Вы посмотрите, в каком районе закончился победоносный марш короля Смыслова!

30.Cg2 — h3 ...

Браун еще успел заметить, что после 30. K : a4 Cb3 теряется фигура.

30... Cc4 — b3 31. Ch3 — d7 Ke3 — c4 + 32. Kpd2 — d3 ...

В этот момент на часах Брауна упал флажок, и Брауну было засчитано поражение. Основания к огорчению у Брауна не было, ибо его позиция совершенно безнадежна. Смыслов продолжал бы 32... Ke5 + с последующим 33... Kp:b2.

Первое место в турнире занял Золтан Рибли, второй шахматист Венгрии после Л. Портиша. Золтан Рибли прошел турнир без поражения. Для него это была третья попытка в межзональных турнирах. В прошлом цикле он был совсем близок к цели, но споткнулся в последний момент в добавочном времени в матче с другим венгерским гроссмейстером — А. Адорьяном.

На этот раз Рибли играл побоевому, но некоторые партии вел слишком темпераментно, немного в гусарском стиле.

Итак, в Лас-Пальмасе победили Рибли (31 год) и Смыслов (61).

ТОЛУКА: ВОЗВРАЩЕНИЕ С ПУСТЫМИ РУКАМИ

Если в каждом межзональном турнире участвуют четыре наших гроссмейстера, то, бесспорно, можно надеяться на успех. Занять первые два места — это максимум, о чем можно мечтать. Но совсем не плохо, когда удается выполнить программу-минимум, как это сделал В. Смыслов в Лас-Пальмасе.

Всех явно огорчил наш квартет Ю. Балашов — Л. Полугаевский — Б. Спасский — А. Юсупов в Толуке (Мексика). Ни один из них не попал в турнир претендентов. Подобной неудачи не помнится. Причина неуспеха? Нам кажется, что всех подвела осторожная турнирная тактика. Играя между собой, старались друг друга «не трогать». Это было бы еще не страшно, если бы во всех остальных встречах играли с настоящим огоньком, максимальной энергией. Давнымдавно известно, что в отборочном турнире на ничьих можно доехать лишь домой, но с пустыми руками.

Успех в Мексике сопутствовал двум гроссмейстерам, которые в каждой партии стремились к победе,— Портишу и Торре. Л. Портиш хотя и проиграл две партии, но выиграл шесть.

Л. Портиш не нуждается в комплиментах и аттестациях. Он почти регулярно завоевывает пропуск в турнир претендентов. Опыт у 45-летнего гроссмейстера колоссальный. Дома его называют «венгерским Ботвинником». Такое сравнение частично справедливо. Как и М. Ботвинника, можно считать Портиша шахматным академиком, классиком. Однако у Портиша бывают спортивные срывы, которые у Ботвинника не наблюдались. Портиш может с блеском выиграть

несколько партий, но затем с таким же «блеском» потерпеть несколько поражений и сдать свою хорошую позицию в турнире. В Толуке с Портишем этого не произошло, и он сумел выдержать напряжение и острый темп до последнего тура.

Посмотрите одну из лучших партий Портиша.

Д. НАНН — Л. ПОРТИШ

СИЦИЛИАНСКАЯ ЗАЩИТА

1. e2 — e4 c7 — c5 2. Кg1 — f3 d7—d6 3. d2 — d4 c5 : d4 4. Кf3 : d4 Кg8 — f6 5. Кb1 — c3 a7 — a6 6. Сc1 — g5 e7 — e6 7. f2 — f4 Фd8 — b6 8. Фd1 — d2 Фb6 : b2

Жертва пешки b2 встречалась в практике неоднократно, прежде всего в матче на высшем уровне Б. Спасский — Р. Фишер в Рейкьявике в 1972 году. Одну партию Спасский проиграл, в одной он просто разгромил Фишера. И вот с тех пор теоретики предупреждают: руки прочь от пешки b2 — она «отравлена»! Прошло десять лет, и Портиш все же пешку «ест» и совершенно безнаказанно. Мода меняется.

9. Кd4 — b3 Кb8 — c6

Фишер оба раза играл 9... Фa3.

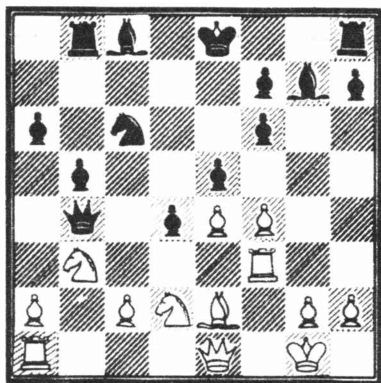
10. Сg5 : f6 g7 : f6 11. Сf1 — e2 d6 — d5 12. Кc3 — a4 Фb2 — a3 13. Кa4— b6 d5 — d4! 14. 0 — 0 Лa8 — b8 15. Кb6 — c4 Фa3 — b4 16. Фd2 — d1 b7 — b5 17. Кc4 — d2 Сf8 — g7 18. Лf1 — f3 e6 — e5 19. Фd1 — e1 ...

Гроссмейстер Нанн — в настоящее время сильнейший шахматист Великобритании. Он отлично знает теорию. Но в данной встрече Портиш его застал врасплох. Не видно компенсации за пешку. Портиш скоро переходит к контратаке и наносит Нанну поражение. (Это был единственный его проигрыш в турнире.

19... e5 : f4!

Превосходно сыграно. Казалось бы, Портиш сам себе, как выражаются шахматисты, «портит прическу», но ход в тексте обеспечивает черным пункт e5 и отнимает у белых малейшие надежды на атаку путем 20. f5.

Портиш

Нанн

20. Лf3 : f4 Фb4 — d6 21. Лf4 — h4 0 — 0 22. Фe1 — f2 Кc6 — e5

С таким конем не пропадешь!

23.Лa1 — f1 Лf8 — d8 24. h2 — h3 ...

Нанн остроумный шахматист, но тут и он ничего не может придумать.

24... Сc8 — e6 25. Лh4 — h5 d4 — d3 26. c2 : d3 Кe5 : d3 27. Сe2 : d3 Фd6 : d3 28. Фf2 — f4 Лb8 — c8 29. Кd2 — f3 Лc8 — c2 30. Кf3 — e1 Фd3 — e2 31. Кe1 : c2 Фe2 : h5 32. Кc2 — d4 Сe6 — c4 33. Фf4 — c7 Лd8 — e8 34. Лf1 — f3 Фh5 — e5 35. Фc7 — d7 Лe8 — f8 36. Кd4 — f5 Сc4 — e6 37. Фd7 — c6 Лf8 — d8 38. Кb3 — d4 Сg7 — f8

Разумеется, Портиш разгадал несложную ловушку: если 38... Л : d4? то 39. Фe8 + и 40. Лg3 +.

39. Лf3 — g3 + Крg8 — h8 40. Кd4 — f3 Фe5 — c5 + 41. Фc6 : c5 Сf8 : c5 + 42. Крg1 — f1 Сe6 : a2 43. e4 — e5 Сa2 — e6 44. Кf5 — h6 Сc5 — e3

Белые сдались.

Успех Эугенио Торре — настоящая сенсация, причем не только этого турнира, а года. Симпатичный 30-летний гроссмейстер живет в Маниле. Уже достаточно давно известно, что Торре отлично играет в шахматы, но по таблице коэффициентов Эло со скромным числом 2535 его шансы в Толуке высоко не котировались.

В историю борьбы за первенство мира, в историю турниров претендентов до сих пор не вмешивался шахматист из Азии. Но когда-то такое событие должно было случиться. А оно произошло — пожалуй, раньше, чем предполагалось. Исторический успех Торре — это радость не только лично для него, это восхищение, радость, гордость на Филиппинах и на всем азиатском континенте.

Где, при каких обстоятельствах Торре научился так хорошо играть? Шахматы на Филиппинах очень популярны. Несомненно, Эугенио многое постиг, когда в непосредственной близости наблюдал за игрой А. Карпова во время его матча в Багио в 1978 году. Известно, что учиться лучше всего у сильного партнера. Карпову Торре несколько раз проиграл в турнирах, но филиппинец может похвастаться также тем, что один раз победил Карпова, а в прошлом году на крупном московском турнире их встреча после интереснейшей борьбы закончилась вничью.

Все, что в жизни случается впервые, бывает любопытно. В Лас-Пальмасе в турнир претендентов впервые попал шахматист в возрасте 61 года. В Толуке впервые в истории шахмат произошло еще более интересное событие: Торре доказал, что борьба за первенство мира — это не только проблема европейцев и американцев.

Напомним технические итоги турнира в Толуке: Л. Портиш, Э. Торре — 8,5 очка, Б. Спасский — 8, А. Иванов, Л. Полугаевский, Я. Сейраван, А. Юсупов — 7,5, Д. Нанн — 7, Ю. Балашов, А. Адорьян — 6,5, К. Хулак — 5,5, А. Родригес, Х. Рубинети — 4, Б. Куатли — 2,5.

ПОБЕДА В МОСКВЕ

После межзональных турниров в Лас-Пальмасе и Толуке у наших любителей шахмат радости было весьма мало: в турнир претендентов вышел лишь один наш гроссмейстер — В. Смыслов.

Впереди был еще третий межзональный — в Москве. Отступать больше некуда. Требуется обязательно победа, необходимо перейти в решительное наступление. Несмотря на сильную конкуренцию со стороны иностранных участников, мы были уверены, что в Москве обе путевки завоюют двое из нашего квартета А. Белявский — Е. Геллер — Г. Каспаров — М. Таль. Но кто именно?

Поскольку ход спортивной борьбы, вероятно, еще в памяти читателей, остановлюсь лишь на некоторых моментах.

На Западе живо комментируют события в Лас-Пальмасе и Толуке. Особенно отмечают две неожиданности — успех В. Смыслова и Э. Торре.

После шести туров казалось, что в Москве назревает еще одна, третья неожиданность: Г. Гарсиа стартовал мощно и набрал 5,5 очка из шести. Он оторвался в этот момент на очко от У. Андерссона и Таля, а от Г. Каспарова даже на полтора очка. Неужели Г. Гарсиа — новый Капабланка? Этого не скажешь. Но факт, что Куба, родина феноменального Капабланки, сегодня имеет ряд первоклассных шахматистов, и среди них Гарсиа самый сильный.

Есть объяснение тому, почему на старте наши гроссмейстеры немного задержались. Дело в том, что, согласно правилам ФИДЕ, участники из одной страны должны (почему-то) встречаться в первых турах по так называемой искусственной жеребьевке. Советских шахматистов это не смущает. Но иностранных участников такое правило приводит к тому, что в определенный момент они должны сыграть четыре тяжелейших партии с советскими шахматистами, что является сильной нагрузкой. Этот трудный этап иностранцы называют «русской улицей», или «русской мельницей». На «русской улице» пострадали почти все иностранцы (например, Д. Велимирович проиграл 0 : 4). К чести Гарсиа будет сказано, что он мужественно сражался с «русской мельницей» и проиграл только А. Белявскому.

После того как наши гроссмейстеры провели встречи между собой, они ускорили темп, и после десятого тура лидерами стали А. Белявский и Г. Каспаров. Именно такой прогноз можно было слышать накануне турнира. В том, что Каспаров, имеющий высший после чемпиона мира коэффициент, займет одно из первых двух мест, почти никто не сомневался. Могло ли случиться, что он не попадет? Могло. В отборочном турнире, в котором действует такой суровый закон, что выдаются лишь две путевки на 14 участников, возможна любая неожиданность. У Каспарова старт сложился не самым розовым, и многочисленные поклонники упрекали его, что он часто слишком сильно рискует. Такой упрек ни к чему. Пойти на осложнения, на риск — это ведь его стиль, это ведь его стихия, и именно поэтому к выступлениям Каспарова повышенный интерес. Не хочет, а может быть, и не умеет Каспаров играть осторожно, на ничью. На финише Каспаров выиграл четыре партии подряд и легко занял первое место. Легко? Нет, вовсе не легко. Межзональный турнир — труднейшее соревнование, невероятная нервотрепка.

После десятого тура казалось, что и Белявский уже «там» — среди претендентов. Но его турнирная судьба складывалась во много раз сложнее, драматичнее, чем у Каспарова. Белявский на старте проиграл две партии иностранцам. Что делать? Он отыгрался на своих, на Е. Геллере и М. Тале. Кстати, в мини-турнире нашего квартета Белявский набрал 2,5 очка. Львовский гроссмейстер нанес первое поражение Гарсиа. Каждую партию он играл с максимальным напряжением. Но сколько это ему стоило сил, энергии. На финише Белявскому пришлось перенести тяжелейшие удары.

Он проиграл Ван дер Вилю партию, в которой имел лишнюю ладью (!), а при доигрывании с аутсайдером Р. Родригесом в начисто выигранной позиции «зевнул» коня и чуть было не проиграл еще и эту партию. Приключения Белявского привели к тому, что его догнали сразу четыре участника: Гарсиа, Геллер, Андерссон, Таль. Исход турнира, вопрос о второй путевке решал последний тур. Если не все, то очень многие думали, что после таких неудач нервы Белявского не выдержат. Выдержали!

Андерссон с Талем сыграли вничью. Г. Сакс выбил из конкурса Геллера. Помог Белявскому и Р. Родригес, который нанес поражение Гарсиа. Но больше всего Белявскому помог он сам. В отлично проведенной партии он добился победы над таким крепким орешком, каким считается румынский гроссмейстер Ф. Георгиу. Второе место за Белявским, плацкарта на турнир претендентов у него в кармане. Она ему досталась с трудом. Львовский гроссмейстер заметно похудел во время этого турнира.

Чемпион мира А. Карпов как-то заявил, что шахматы — жестокий вид спорта. Да, уж очень недружелюбно судьба поступила с Белявским за два тура до конца соревнования. Однако последний тур показал, что фортуна способна улыбнуться, а шахматная богиня Каисса может быть справедлива, если шахматист этого заслуживает. Каспаров и Белявский победили совершенно заслуженно. Оба они играли в спортивном и творческом отношении интереснее, предприимчивее других.

Все хорошо, что хорошо кончается. После успеха в московском турнире В. Смыслов уже не в одиночестве, и у него два попутчика на турнир претендентов.

Возможно, я слишком много пишу о двух победителях и обойду молчанием других участников, особенно фаворитов, которые, разумеется, имелись, даже очень солидные.

Многие сочувствуют или даже жалеют неудачников. Неудачник в этом турнире даже тот, который занял третье место. В обычном турнире третье место — результат отличный. В этом отборочном оно ничего не дает.

Разве М. Таль не мог попасть в число претендентов? Конечно, мог. А разве Геллер не имел шансов? Конечно, имел. А Гарсиа?

Но зачем сегодня заниматься этими обсуждениями, жонглировать словом «если».

Если бы попали Геллер и Таль, тогда не попали бы Белявский и Каспаров.

Если бы попали У. Андерссон и Г. Гарсиа, то не попал бы никто из советских гроссмейстеров.

В Москве многие «болели» за симпатичного, корректного шведа У. Андерссона. Он один из ведущих шахматистов мира. Но, по-моему, с его мягким характером, с его ничейной тактикой в турнир претендентов не попадешь.

Позади три межзональных турнира. Скомплектована большая восьмерка. Состав предстоящего матч-турнира претендентов самый обширный, пестрый. Это будет борьба разных поколений. В ней мы увидим гроссмейстера в возрасте свыше 60 лет — В. Смыслова, свыше 50 — В. Корчного, гроссмейстера среднего возраста — 45 — Л. Портиша. Четырем участникам около 30 лет: Р. Хюбнеру — 34, З. Рибли — 31, Э. Торре — 30, А. Белявскому — 29, Г. Каспарову — только 19 лет.

Теперь объявлен перерыв. Матчи претендентов состоятся в будущем году.

Победители межзонального турнира в Москве Белявский и Каспаров одержали по семь прекрасных побед. Уважаемым читателям будет интересно познакомиться с встречей между ними в шестом туре. Вот как она протекала:

И. Шевандронова. Род. 1928. ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКОВ А. ТУТУНОВА И В. ПОПКОВА. 1980.

Художественная выставка «50 лет МОСХ»

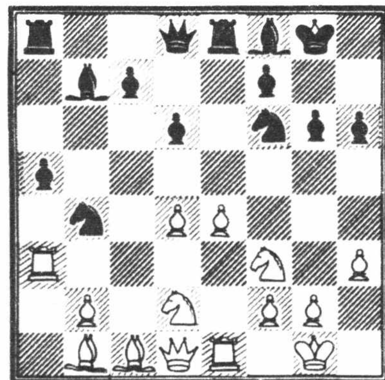

Я. Манухин. Род. 1925. ПОРТРЕТ ДОЧЕРИ. 1971.

Г. КАСПАРОВ — А. БЕЛЯВСКИЙ
ИСПАНСКАЯ ПАРТИЯ

После 1. e2 — e4 e7 — e5 2. Kg1 — f3 Kb8 — c6 3. Cf1 — b5 a7 — a6 4. Cb5 — a4 Kg8 — f6 5. 0 — 0 Cf8 — e7 6. Лf1 — e1 b7 — b5 7. Ca4 — b3 d7 — d6 8. c2 — c3 0 — 0 9. h2 — h3 Cc8 — b7 10. d2 — d4 Лf8 — e8 11. a2 — a4 h7 — h6 12. Kb1 — d2 Ce7 — f8 13. Cb3 — c2 e5 : d4 14. c3 : d4 Kc6 — b4 15. Cc2 — b1 b5 : a4 16. Лa1 : a4 a6 — a5 17. Лa4 — a3 g7 — g6 получилась позиция, изображенная на диаграмме:

Белявский

Каспаров

Пока комментарии не требовались, тем более что до сих пор партия идентична со встречей Сакс — Белявский из второго тура.

18. e4 — e5 ...

В упомянутой партии Сакс — Белявский венгерский гроссмейстер продолжал 18. Лae3 Cg7 19. Kf1 c5 20. Kg3 и одержал победу. Каспаров хочет играть еще лучше. Однако сомнительно, что 18. e5 следует считать усилением.

18... d6 : e5 19. d4 : e5 Kf6 — h5 20. Kf3 — h2 Фd8 — d5 21. Kd2 — f3 Лe8 : e5

Хотя Каспаров потратил на ход 20. Kh2 больше часа, его подозревали, что он эту пешку не жертвовал, а просто «зевнул».

22. Kh2 — g4 Лe5 : e1 + 23. Фd1 : e1 Kpg8 — h7 24. Лa3 — e3 Лa8 — d8 25. Cc1 — d2 Фd5 — d6 26. Kg4 — e5 Cb7 — d5

На b7 слон был расположен отлично. Лучше было 26... Kpg8.

27. Kf3 — h4 ...

После жертвы (или зевка?) пешки талантливый тактик Каспаров сумел создать опасные угрозы. Начиная с этого момента загорелась острейшая, яростная борьба в этой важнейшей партии победителей турнира. Еще два-три хода, и на шахматной доске запылал пожар.

27... Kph7 — g8 28. Ke5 : g6! ...

Буря начинается. Разумеется, белым обязательно надо атаковать. Нельзя дать противнику время укрепить свою позицию.

28... f7 : g6 29. Cb1 : g6 Cd5 — f7

Играть с огнем путем 29... Kg7 было крайне опасно из-за ответа 30. Фb1 Cf7 31. C : b4 ab 32. C : f7 + Kp : f7 33. Фh7.

30. Cg6 : h5 ...

Трудно доказать, было ли сильнее 30. C : f7 + Kp : f7 31. Лf3 +. Необходимо отметить, что в этой острейшей позиции оба гроссмейстера находились в цейтноте — у них оставалось около 10 минут на десять ходов. Зрители в зале следили за ходом борьбы затаив дыхание. Не очень спокойно, разумеется, чувствовали себя и Белявский с Каспаровым.

30... Cf7 : h5 31. Лe3 — g3 + Kpg8 — f7 32. Фe1 — e4 ...

Кажется, белые побеждают. Нет! Белявский остается хладнокровен.

32... Фd6 : d2 33. Фe4 — f5 + Kpf7 — e7 34. Лg3 — e3 + Фd2 : e3

Понятно, что ферзя надо отдать. Но за него Белявский получил достаточно много «дров».

35. f2 : e3 Лd8 — d1 + 36. Kpg1 — h2 Лd1 — d5

На счастье черных, у них имелся этот ход: все защищено.

37. Фf5 — c8 Kpe7 — f7 38. g2 — g4 ...

Или 38. Ф : c7 + Kpg8, и у черных сохраняются оба слона. Этого Каспаров благоразумно не допускает.

38... Cf8 — d6 + 39. Kph2 — g2 Ch5 — g6 40. Kh4 : g6 Kpf7 : g6 41. Фc8 — g8 + ...

Цейтнот кончился, буря позади, страсти улеглись. Партия была отложена. У кого лучше, у кого хуже? Ни у кого. Поэтому: ничья!

ВЛЮБЛЕННЫЕ В МУЗЫКУ

И. ГАВРИЛОВ

Тихая улочка Волгограда, небольшой, окруженный со всех сторон цветами и деревьями домик. Калитка открылась, и первое, что я увидел, — доброе лицо, глаза с лукавинкой и улыбку.

— Добро пожаловать! Проходите, пожалуйста, в дом...

На крыльце меня ждала еще одна улыбка — хозяйки. Еле успев представиться, я оказался в небольшой комнатке, сплошь уставленной и увешанной всевозможными музыкальными инструментами: гармошками, баянами, аккордеонами, балалайками, гитарами, мандолинами, скрипками. Были здесь и пианино, контрабасы, фисгармония, орган... Названий многих инструментов я просто не знал.

Впервые в жизни я увидел такой необычный музей! Собранная за многие годы влюбленными в музыку людьми, Евгением Николаевичем и Евдокией Устиновной Пушкиными, коллекция эта поистине уникальна: более 150 различных инструментов. Недаром специалисты из музыкальных музеев страны считают ее наиболее полной и ценной среди подобных в Союзе. Но не это главное. Самое удивительное в том, что все инструменты можно «прослушать» в исполнении самого... Евгения Николаевича.

А ведь он не музыкант-профессионал, никто его музыке не обучал.

...Семилетний деревенский мальчонка давно приставал к отцу с просьбой купить ему какую-никакую балалайку — сильно нравилось, как на ней играют другие. И отец купил: простенькую, что подешевле, пусть, мол, дитя забавляется... «лишь бы не плакало».

Играть на ней Женя научился за три дня. Потом случай помог: возвращался с гулянки знакомый гармонист и попросил Жениных родителей оставить у них дома до утра гармонь. Мальчику очень хотелось поиграть на гармошке, и ему разрешили. А утром, счастливый и гордый, он уже наигрывал на настоящем инструменте песенки.

В 1918 году, когда Жене было уже четырнадцать лет, в его родной Балашов, маленький городок Саратовской области, приехал оркестр. «Вот это был праздник, — вспоминает Евгений Николаевич.— Какие инструменты! Размечтался я создать и у нас в городке такой же замечательный оркестр. После концерта набрался храбрости, залез на сцену и попросил разрешения снять размеры с инструментов. Музыканты снисходительно улыбнулись и разрешили — «...чем бы ни тешилось». Потом с великими трудами раздобыл фанеру и начал мастерить. Когда инструменты были готовы, стал собирать свой оркестр, уговорил братьев, друзей. Нот, конечно, никто и в глаза не видел — придумал цифровые: номер лада, номер струны... И как играли! Исполняли модные песни, танцы, по деревням с концертами ездили».

Евгений Николаевич берет в руки совсем маленькую, всего с пятью клавишами гармошечку. Прежде чем начать играть, все про нее рассказывает. Узнаю, что это прабабушка всех русских гармошек, что смастерил ее без малого полтора века назад тульский оружейник Иван Сизов.

И полились лихие, озорные звуки...

Евгению Николаевичу хочется показать все, поделиться самым дорогим:

— Послушайте, как звучит вот этот баян итальянской кремонской школы. Кстати, Кремона — название города, давшего миру Страдивари.

— Это наш самый старый друг, — добавляет Евдокия Устиновна, — единственный инструмент, уцелевший от нашей первой коллекции, которая погибла в войну. Мы ведь начали собирать инструменты давно, еще в 1934 году, когда переехали в Сталинград. Евгений Николаевич пошел бухгалтером на «Красный Октябрь» — так всю жизнь там и проработал. Уже в те годы росла наша коллекция... И вдруг война. В сорок первом муж ушел на фронт, а я чуть позже уехала в эвакуацию. Все инструменты зарыла во дворе, с собой взяла лишь итальянский баян. А когда вернулась, увидела большую воронку и щепки — все, что осталось от коллекции... Стала налаживать хозяйство, ждать мужа с войны. В декабре 1945-го вернулся он.

Мы опять стали собирать коллекцию. Люди нам очень помогали, несли инструменты со всего города, а то и из других мест присылали, сами мы тоже много ездили, искали новые экспонаты. Как правило, нам в руки попадали искалеченные, совсем ветхие инструменты, и поэтому пришлось Евгению Николаевичу вспомнить свою старую военную профессию «музыкального доктора».

Воевал Евгений Николаевич в Чапаевской дивизии. И что замечательно — в самые горячие, боевые дни он не расставался с музыкой, с инструментами. Командир дивизии, узнав о даровании солдата Пушкина, предложил ему организовать музыкальную мастерскую. Работал Пушкин по ночам, трудился много, самоотверженно. Ведь не скажешь бойцу, рисковавшему самым дорогим на свете — жизнью,— что его инструмент еще не готов, и приползай, мол, завтра...

Потом было три года плена. А когда освободили, он снова боец, и ему поручили создать оркестр. Вскоре начались поездки по воинским частям.

...— А этот инструмент — наша гордость: в Советском Союзе он сохранился в единственном, вот этом экземпляре, — продолжал Пушкин.— Нашел я его останки в подвале у одной старушки, принес в мешке, начал реставрировать. Когда инструмент впервые заиграл, я чуть не отпрыгнул, такой силы были звуки. Но что это за штуковина, как называется, где сделана — никак не мог узнать. Наконец сфотографировал «незнакомца» и послал «портрет» в Центральный музей музыкальной культуры имени М. И. Глинки. Через некоторое время пришел ответ: «Гармонифлют, изготовлен в 1890 году в Санкт-Петербурге фирмой Циммермана». Вот такая у этого инструмента история. А еще у меня с ним случай был: пригласили както нас с женой выступить в клубе, среди других инструментов взяли мы и гармонифлют... Перед нами играл электроансамбль, потом подошла наша очередь. И вот заиграл я на нем, акустика в зале была хорошая — звучал инструмент во всю силу... После концерта подходят ко мне те парни, что на электрогитарах играли, и начинают выспрашивать, что за усилитель в инструменте стоит и где он спрятан, проводку ищут — долго не верили, что никакого электричества здесь нет...

Каждый день в доме Пушкиных по две, а то и по три экскурсии. Ежедневно супруги дают несколько концертов продолжительностью от 25 минут (для дошкольников) до 2 часов (для взрослых). В течение года в их небольшом домике бывает до трех тысяч гостей!

В книге отзывов сотни записей. Вот одна из них: «Это могли сделать только люди, любящие Родину, человека, обладающие замечательными качествами: простотой, благородством, красотой. Это Люди с большой буквы! Спасибо за вашу вдохновенную жизнь! Герой Советского Союза Я. Ф. Павлов».

НА ЭКРАНЕ — «ПЕЧНИКИ»

Глядя на военкома в фильме «Печники», недавно показанном по Центральному телевидению, невольно отмечаешь некоторое сходство в облике героя с Александром Трифоновичем Твардовским, по рассказу которого создана картина.

И понимаешь: ведь это неспроста в гриме Олега Табакова, играющего роль майора, угадывается такая похожесть. Авторы ленты бережно, с любовью пытались здесь воплотить дух творчества самого писателя. И прежде всего — народный характер, как он его видел и как постоянно отражал в своих произведениях — в поэзии и прозе. Характер, выдержавший испытание войной, стоявший насмерть и победивший, складывается из многого. И, пожалуй, в каждом герое этого телефильма, поставленного режиссером В. Храмовым, есть те или иные его черты.

Сюжет прост, даже будничен. Молодому учителю, приехавшему работать в небольшой поселок, надо срочно переложить печь. Старая дымит, не разгорается, а наступают холода, и вот-вот приедет жена с маленьким сыном.

Учитель — Н. Бурляев — деликатен. Сам бы он все стерпел, ему не привыкать — воевал. Но вот ребенок... Скромность, мягкость и одновременно собранность, решительность, умение держаться выдают натуру глубокую, интеллигентную. Ничего он для себя не требует, лишь советуется с военкомом, скорее, наверно, по привычке, как бывший фронтовик...

Но и майор не может найти печника, разве только предложить свои услуги. Он не кичится ни должностью, ни званием,— человек в беде, значит, надо помочь. И готов он сложить печь: себе-то сложил, хоть не специалист, а ничего — «работает» на дом, на пятерых детей... Этот образ сродни Теркину: русский человек, широкий, умелый; все у него ладится, участливый к чужой судьбе. Только чин повыше у майора да держится более солидно.

Интересно лепит А. Соколов своего героя, долгожданного печника. Немолод дед, цену себе знает. «У меня талант, а талант дело нечастое»,— говорит он спокойно, как о давно решенном.

Авторы ленты воссоздают скудный быт послевоенного времени. Неспешно, обстоятельно рассказывают, как кладут печь, как дружно, сообща вершится дело. За работой какие уж разговоры, но вот в перерыве — другое дело. И начинается беседа о ремесле, о призвании, постепенно перерастая в рассуждения о поэзии. Еще одной стороной открывается нам каждый герой картины — по своему выбору, по пристрастиям: Печник — с «Бородином» и «Полтавой», Майор — с собственными стихами, Учитель — с лирикой Пушкина...

Но вот закончена печь, дым из трубы идет, люди к дому на огонек тянутся... «Праздник же»,— замечает кто-то из пришедших. И снова вы ощущаете дыхание замечательной прозы с ее теплом, сердечностью, добротой человеческих отношений, перенесенных на телеэкран участниками и создателями фильма.

О. НЕМИРОВСКАЯ

Фарисеи

Цезарь **СОЛОДАРЬ**,
специальный корреспондент
«Огонька»

КЕМ СТАЛИ СИОНИСТСКИЕ «НОВОСЕЛЫ»!

Безуспешно пытаясь отвлечь внимание мировой общественности от кошмарного сионистского геноцида в Бейруте, Хаим Герцог, как и прочие «киты» сионистской пропаганды, особенно рьяно ратует за непрерывное разжигание антисоветизма. И западноберлинские сионисты, вне всякого сомнения, полностью разделяют взгляды израильского «ястреба». Неукоснительно внимая его советам и директивам международных сионистских служб, они расширили свой антисоветский, антикоммунистический форпост. Расширили за счет отобранных ими и пригретых фальшаков. Расширили, в общем-то, беспрепятственно. Власти им не мешали. Даже осужденных за незаконное проникновение лиц оставляли в городе.

Разрекламированные прессой триста (!) подготовленных судебных разбирательств закончились ничем: все до единого фальшаки, за которых вступились влиятельные покровители, осели в городе. Речь идет о нелегальных иммигрантах, чей наплыв встревожил, по сообщениям печати, чуть ли даже не правление еврейской общины. Заправски инсценированная тревога! В действительности же она коснулась только... одиноких людей преклонного возраста. Их приезд встревожил, видимо, и власти — не случайно газеты сообщили об аресте одной «бесперспективной» для сионизма старухи.

В общем, власти пошли навстречу службам международного сионизма (как обычно, в официальной информации упоминались не они, а еврейская община). В той же информации беглецы из Израиля упорно именовались... гражданами восточно-европейских стран. Мало того, такая подтасовка прикрывалась фразами о необходимости укреплять дружеские отношения с Израилем.

А ведь вначале грязными средствами массового просачивания в Западный Берлин нелегальных иммигрантов заинтересовалась прокуратура. А ведь вначале газеты недвусмысленно писали об «аферистах, задержанных за подделку документов, обман и получение нечестным путем статуса изгнанников». А ведь вначале, да и затем тоже, от некоторых депутатов поступали в сенат запросы по поводу растущей противозаконной иммиграции — передо мной «Бюллетень отдела прессы и информации сената Западного Берлина» от 14 августа 1980 года, рассказывающий об очередном запросе социал-демократического депутата Петера Рцепки.

Однако гора родила мышь. И только спустя некоторое время сенат и аппарат правящего бургомистра спохватились.

Нет, не антисоветизм новых сионистских кадров встревожил эти почтенные учреждения! Не участие в неоднократных попытках срывать вечера и концерты прогрессивных артистов и музыкантов, объединившихся в союз «Деятели искусства — за мир!» Не участие в клеветнической кампании против традиционного обмена профсоюзными делегациями между Волгоградом и Западным Берлином. Не участие в акциях, направленных на очернение в глазах населения качества советских товаров, на сокращение торговых связей между западноберлинскими и советскими фирмами.

Все это совершенно не беспокоило и не беспокоит власти. Особенно после того, как на выборах в палату депутатов победили христианские демократы и в состав сената вошли экспортированные из Бонна реакционные политиканы.

И все же сенат вынужден был приостановить дальнейшее проникновение в город нужных сионистам фальшаков. Многочисленные жалобы жителей (в том числе евреев!) и сигналы прессы (в том числе благосклонной к антисоветизму!) заставили, наконец, западноберлинские власти увидеть, насколько губительно отражается просачивание фальшивых «фольксдойче» на всех сторонах жизни города, на его экономике, культуре, правопорядке.

Сошлюсь на почтенную даму еврейского происхождения, некогда поселившуюся и преуспевшую в Западном Берлине исключительно благодаря необычайно выгодному замужеству. Выступая сейчас в роли патронессы новоявленных западноберлинцев, она выдавила из себя такое горькое признание:

— Я еще сама не настолько стара, чтобы с предубеждением относиться к молодым и хаять их ни за что, ни про что. Но из новых членов общины именно молодые сразу же стали вести себя так компрометантно, что замарали всю общину и восстановили против себя всех — и порядочных людей и шлеперов.— Под порядочными имеются в виду состоятельные люди, под шлеперами — малообеспеченные.

Многое из того, что дама-патронесса считает «компрометантным», вовсе, однако, не шокирует сионистов. Не волнует их то, например, что кое-кто из облагодетельствованных ими молодых людей воспринял чуть ли не как основополагающий приказ шутливое двустишие: «Приехав в Западный Берлин, купи гашиш и героин!» И хотя иные из молодых фальшаков успели попасться не только на купле, но и перепродаже наркотиков, не это тревожит сионистов. Они поглощены стремлением лишить своих подопечных всего того, что может усилить их ностальгические настроения: возможностей читать советские книги, смотреть советские фильмы, беседовать с советскими людьми. Плоды последнего ограничения я с лихвой испытал на себе — какие-то невидимые, но ощутимые силы неизменно и неусыпно мешали моему общению с молодыми «новоселами» из западноберлинской еврейской общины.

Как читатели могли убедиться, омоложение общины в Западном Берлине достигнуто временной чрезвычайной мерой, примененной международным сионизмом исключительно здесь: амнистированием антисоветски настроенных беженцев из Израиля и прямиков. Преимущественно из их сыновей и дочерей были отобраны, надо признать, действительно самые «надежные» и «перспективные». Ни одному человеку не дали возможности обосноваться в Западном Берлине случайно. Фальшивыми документами снабдили только очень нужных. В багажниках автомобилей и в товарных вагонах привозили тоже только таких. Заступались перед местными властями и выплачивали штрафы только за них. Значительную денежную помощь оказывали только им.

Итак, решение, воспрещающее доступ в город фальшакам, западноберлинский сенат принял 21 октября 1980 года.

Правление еврейской общины (а публично высказывается, конечно, оно, а не сионистские организации!) поспешило заявить, что этот шаг властей встречает с удовлетворением.

Готов поверить в искренность такого заявления. В самом деле, нужные сионизму кадры из фальшаков были уже к тому моменту полностью подобраны. Излишек не требовался. Обозначилась даже угроза перенасыщения общины новичками, особенно бесперспективными стариками, просачивающимися вместе с молодежью. Наконец, запрет сената предусмотрел ряд исключений, а уж сохнутовские функционеры — мастера инсценировать «исключительный случай». Кстати, после 21 сентября оговоренные сенатом «исключения» были с успехом использованы филиалом Сохнута уже несколько раз.

Согласимся, однако, с утверждениями западноберлинских властей, что решение сената наглухо преградило несостоявшимся израильтянам всякую возможность проникновения в город. Продолжим разговор лишь о счастливчиках, своевременно использовавших такую возможность с благословения общины и при поддержке сионистских функционеров.

К первой годовщине со дня опубликования сенатского решения большинство «зацепившихся» за Западный Берлин фальшаков проживало в городе не менее в среднем полутора лет. Время немалое. Что же оно принесло столь тщательно отобранному пополнению общины? Как сложилась судьба «новоселов»? Кем они стали?

ОТВЕТ Я ВСЕ-ТАКИ ПОЛУЧИЛ

И вот я снова в Западном Берлине.

К кому же мне первым делом обратиться? Конечно, к Хейнцу Галински, председателю правления еврейской общины. Ведь ровно год тому назад он авторитетно заверил меня, что по отношению к фальшакам (господин председатель именовал их, правда, жертвами мафии изготовителей фальшивых документов), хотя они и не проявили себя израильскими патриотами, община почитает гуманизм выше интересов Израиля и помогает им стать на ноги в Западном Берлине. Это поможет-де вырвать многих молодых людей из сетей уголовников и наркоманов и не дать им опуститься на дно жизни.

Что ж, поистине благие порывы! В какой же степени они свершились?

К организации предстоящей встречи я предусмотрительно привлек немецкого переводчика — ведь по примеру председателя все сотрудники общины беседуют с посторонними не на идиш, а изъясняются исключительно по-немецки.

И вот 1 сентября 1981 года переводчик звонит секретарше господина Галински. Излагаю их диалог с документальной точностью.

ПЕРЕВОДЧИК: — Ровно год назад ваш председатель беседовал у себя в кабинете с московским писателем Солодарем. За минувший год в мире, в том числе и в Западном Берлине, произошло многое, что непосредственно касается общины и всего еврейского населения города. Писатель сейчас в вашем городе. Не нашлось бы у господина председателя полчаса для беседы?

СЕКРЕТАРША: — Сейчас спрошу. (По прошествии нескольких минут.) Господин Галински хочет точно знать, какие вопросы ему будут заданы. Если вы сможете в течение пятнадцати минут сформулировать эти вопросы, позвоните — я доложу.

Решаю сократить число вопросов до минимума. И минуты через три переводчик снова звонит секретарше. Диалог продолжается.

ПЕРЕВОДЧИК: — Будут заданы всего два вопроса. Первый. Какова судьба обосновавшихся здесь бывших граждан социалистических стран, которые бежали из Израиля, либо совсем не воспользовались предоставленным им израильским гражданством? Главным образом интересна судьба молодежи, ведь ее особенно

Продолжение. См. «Огонек» №№ 40—42.

активно поддержала община. Второй. Какие формы принял и принимает протест общины против возрастающей военной опасности? Как, в частности, высказывается еврейская община Западного Берлина о планах размещения нового американского ядерного оружия на территории ФРГ — ведь в прошлогодней беседе господин председатель подчеркнул миролюбивый, антивоенный характер деятельности этой организации, входящей в состав центрального совета евреев ФРГ.

СЕКРЕТАРША (записав вопросы): — Сейчас доложу господину председателю. (По прошествии нескольких минут.) На эти вопросы господин Галински отвечать не хочет. (Сигнал отбоя.)

Не хочет.

Не мог я, естественно, покинуть Западный Берлин, не получив ответа на оба вопроса.

Впрочем, на второй мне ответил в значительной мере сам господин Галински. Не как председатель правления общины, а как один из двух издателей «Альгемайне юдише вохенцайтунг» — в части тиража со специальной вкладкой для читателей Западного Берлина заголовок начинается со слова «Берлинер».

В комплекте газеты я не нашел ни единой строчки осуждения и тревоги по поводу того, что волнует все человечество. Решение Рейгана о производстве нейтронной бомбы, натовские планы размещения нового ядерного оружия средней дальности в Западной Европе, наплевательское отношение милитаристских заправил США к своим западноевропейским союзникам, наконец, попытки реакционных сил превратить Западный Берлин во взрывоопасный центр — все это осталось вне внимания газеты. Равным образом хранит газета молчание и о развивающемся движении сторонников мира, разрядки, разоружения.

Передо мной два последних номера «Альгемайне юдише вохенцайтунг». Не верю глазам своим: критические высказывания в адрес США! Да, газета отважно критикует американские власти за... нежелание окончательно запретить въезд в страну евреям, наплевавшим на право жить в Израиле. А вот сообщение, касающееся Голландии. Вероятно, рассказывается о решительном протесте голландской общественности и правительственных кругов против попыток НАТО навязать стране новые боевые ядерные установки? Как бы не так! Речь идет о появившейся возможности создать на территории Голландии перевалочный пункт для завербованных в Израиль жителей европейских стран. И опять-таки — ни строчки о военной опасности.

Словом, если бы господин Галински и согласился встретиться с корреспондентом «Огонька», то на вопрос, какие формы принял протест руководимой им общины против нагнетания вашингтонской администрацией и ее западноевропейскими приспешниками военной опасности, он мог бы в ответ только беспомощно развести руками.

Дополнительный — и также весьма красноречивый — ответ на этот вопрос я получил по возвращении в Москву. Печать сообщила, что большая группа видных общественных и политических деятелей Западного Берлина опубликовала в газете «Нью-Йорк таймс» открытое письмо к американскому народу. Подписавшие его представители различных партий, ученые, писатели, артисты, преподаватели выражают серьезную озабоченность по поводу милитаристской политики администрации Рейгана. Народ Советского Союза, отмечается в письме, никогда не забудет, сколько горя принесла ему последняя война, в которой погибло 20 миллионов советских граждан. Никто в СССР не хочет ядерной войны. Зачем же размещать на территории Западной Европы ядерные ракеты средней дальности, угрожающие Советскому Союзу? Кто всерьез поверит в то, что их развертывание послужит делу мира? Осуждается в письме и решение Рейгана приступить к полномасштабному производству нейтронной бомбы.

Прочитав изложение письма, тут же звоню в Западный Берлин. Оказывается, никто из деятелей еврейской общины и сионистских организаций не подписал это полное тревоги и возмущения открытое письмо к американскому народу.

Зато уж когда от рук израильских карателей гибли тысячи палестинцев и ливанцев, западноберлинские сионисты проявили себя вполне верноподданнически. Запретили членам еврейской общины присоединяться к демонстрациям протеста против геноцида в Бейруте, а многих заставили участвовать в торжественном выражении сочувствия «правому делу» бегиновской клики убийц и в поминовении жертв... палестинского террора — имеются в виду израильские военнослужащие, погибшие при осуществлении «справедливой военной операции оборонительного плана «Мир Галилее». И снова и снова — денежная помощь бегиновско-шароновским бандам убийц и истязателей: принудительная покупка облигаций израильского военного займа, внеочередные шекельные взносы и, наконец, пожертвования, тоже, разумеется, «добровольные». Тем, кто отказался помогать своими деньгами израильскому милитаризму, приклеили ярлык «отступников».

Характерный штрих. В разгар резни в Бейруте господин Галински дал пространное (на две газетные полосы!) интервью корреспонденту тель-авивской «Нашей страны» Шломо Шагару под широковещательным заголовком: «Советские евреи в Западном Берлине». И ни единым словом не обмолвился об отношении западноберлинской еврейской общины и заправляющих ею сионистских организаций к израильской интервенции в Ливане. Словно в Западном Берлине не слышали о ней, о бейрутской резне, о беспощадном геноциде.

Удивляюсь, как в этом интервью Галински осторожненько, но все же рискнул намекнуть на грязные методы вербовки молодых фальшаков в Западный Берлин и признать: 300 из них обосновались по фальшивым паспортам (цифра, как читатель знает, весьма и весьма преуменьшенная!), а на этих подделках «махеры», как выразился председатель общины, заработали около полутора миллионов марок. И без обиняков предупредил: «Мы больше не в состоянии принимать людей. В частности, предупреждаю, пожилых людей — 50 лет и старше, даже дипломированных специалистов». Ничего удивительного, западноберлинским сионистам нужны не столько дипломированные специалисты, сколько молодые, отпетые, готовые на все антисоветчики!..

А как же с судьбой отобранных для поселения в Западном Берлине йордим и йошрим, особенно молодых? Получил я ответ и на этот вопрос. Мне ответили, во-первых, некоторые поддержанные общиной и Сохнутом фальшаки. Удалось мне, во-вторых, поговорить кое с кем из аборигенов общины. И, в-третьих, со мной поделились своими наблюдениями журналисты.

Короче, ответ получил я, можно сказать, коллективный.

Сами новоиспеченные западноберлинцы — частенько еще полулегальные — начинают обычно с многочисленных вариантов знакомой фразы:

— Как меня зовут и откуда я — не спрашивайте. Вы спокойно уедете, а для меня, если вы в статейке назовете меня, здесь начнется совсем неспокойная жизнь.

Болезненного вида отец двадцатилетней дочери добавляет:

— У меня в родном городе остались родные и друзья...

— Неужели вы полагаете,— прерываю его я,— что на них хоть в какой-нибудь мере отразится ваш отказ от советского гражданства!

— Что вы, что вы, я знаю, на отношение к самым ближайшим родственникам, даже если жили с нами в одной квартире, не влияет наше... мое поведение. Но не думаю, чтобы моему брату и племянникам было бы очень приятно прочитать про мое... мои заграничные путешествия.

Оговорками такого рода обосновали нежелание назвать мне свое имя и другие собеседники из фальшаков.

Некоторые юноши и девушки здесь пользуются, оказывается, псевдонимами на американский лад. Мне попадались Джо, Дрю, Боб, Гаррисон. Одного парня при мне окликали совсем уж необычно — Киссинджер. Не произвел ли на него впечатление публикуемый в изданиях общины фотоснимок, запечатлевший горячее рукопожатие Киссинджера и Галински!

Псевдонимы заведены, однако, не для общения с советскими людьми и журналистами. Ими пользуются чаще всего во время шатания компанией по городу и посещения магазинов, баров, бильярдных. Подобное времяпрепровождение нередко заканчивается скандалами. То Джо забудет заплатить за выпитое пиво, то Дрю начнет задирать посетителя — араба или турка, то Боб незаметно подвинет шар на бильярдном столе. И парням не очень хочется, чтобы в местах, где из-за них возник скандал, запомнили их настоящие имена.

Коль скоро уж упомянул о скандалах, придется рассказать и о зарегистрированных в полиции уголовных преступлениях молодых «новоселов». Некоторые из них пытались подзаработать, скажем, на мошеннических проделках в магазинах.

Первыми в такой уголовщине были уличены бывшие жители Одессы. И слово «одессит» — да не обидятся на меня жители прекрасного черноморского города! — стало в Западном Берлине весьма нелестным. Узнал я об этом в универмаге «Вертхайм», когда мы с другом прохаживались вдоль прилавков отдела мужских сорочек. Пожилая продавщица услышала, как я отозвался о привлекательной безрукавке типично курортного вида: «Мне не подойдет, меня врачи уже не пускают к морю — не то, что в Сочи, даже в милую Одессу». Тотчас же метнувшись ко мне, продавщица вежливо, но с довольно хмурым видом на польско-украинском диалекте спросила:

— Господин из Одессы?

— Почти,— шутливо ответил я, вспомнив, как в детстве вместе со сверстниками чрезвычайно гордился территориальной близостью моей родной Винницы к знаменитой Одессе.

— Здесь, извините, не стоит так шутить,— заметила продавщица. И объяснила нам, почему в универмагах так опасаются бывших одесситов...

Для молодых людей, жульничающих в универмагах и промышляющих другими операциями такого рода, это зачастую единственный способ заработать на жизнь. Несмотря на обнадеживающие обещания тех, кто усиленно помогал им осесть в Западном Берлине, они за полтора года не сумели найти работу. Неудивительно: в городе 45 000 безработных, причем не менее четверти составляет молодежь. Если кому порой и попадается работа, то случайная, непостоянная и не совпадающая с жизненными планами молодых.

У сионистов, однако, имеются свои планы, свои расчеты на завербованную молодежь. Им, как уже знает читатель, в Западном Берлине нужны антисоветчики.

ГОРЬКАЯ ПИЩА ДУХОВНАЯ

Встретил я бывшего студента. Знаю с его слов, где и на каком курсе он учился, но умолчу — такие приметы помогли бы сохнутовцам обнаружить парня. А он был со мной сравнительно откровенен. После неоплаченного испытательного срока ему удалось устроиться упаковщиком мебели. Вскоре фирме подвернулся, однако, более опытный упаковщик — и парня перевели в подносчики, сделали мальчиком на побегушках.

— Материально помогать отцу и матери я не в состоянии,— рассказывает бывший студент.— Не могу себя, конечно, сравнить с нищим мандолинистом. Может быть, вы его видели на Курфюрстендам, у него на рукаве желтая повязка, какую при Гитлере должны были носить евреи *. Но зарабатываю я пока не намного больше, чем он. Зато пищей духовной идейные покровители питают меня до отвала.— Парень протянул мне брошюрку с изображением семисвечного подсвечника на голубой обложке.— Вот, посмотрите, учебный план на третий триместр.

— Вы учитесь?— удивился я.— Где?

— Я нигде не учусь, меня учат. В еврейской народной высшей школе — существует здесь такая при общине. Занятия, конечно, вечерние. Учеба вроде добровольная, могут учиться даже пенсионеры. Но,— усмехнулся мой собеседник,— слушатели моего поколения больше интересуют школьное начальство. Нас ведь надо интенсивно закалять в «идейном» плане. Зато плату за учение — триместр обходится в 117 марок — за нас, молодых, платит община.

Учебный план заполнен, как я мог убедиться, преимущественно лекциями на политические и исторические темы. Естественно, в сионистском и националистическом духе. Одна из первых в триместре двадцати четырех лекций посвящена, например, деятельности берлинской организации сионистской молодежи накануне второй мировой войны (а этой деятельности, как установлено, содействовали

* Да, я видел на Курфюрстендам слепца-музыканта. Видел и запомнил зловещую желтую повязку на рукаве. Сейчас, когда я пишу эти строки, она напоминает мне повязки с белыми крестами — такие заставляют носить заточенных в концлагеря мирных палестинцев наиболее усердные лагерные надсмотрщики из сионистов. Мотив: «опасные» палестинцы не имеют права затеряться в толпах узников-ливанцев. Ведь палестинцев надо чаще пытать и лишать воды под палящим солнцем, чаще натравливать на них сторожевых собак, чаще избивать женщин и детей на глазах у мужей и отцов. Правда, учинив жуткое побоище в лагерях беженцев Сабра и Шатила, бегиновские выкормыши не делали никакого различия между палестинцами и ливанцами. В развалинах разрушенной интервентами Шатилы обнаружили труп исколотой штыками и заживо погребенной женщины. В беспомощно протянутой руке несчастной жертвы кровавой оргии карателей было зажато удостоверение личности гражданки Ливана. В последние минуты женщина, нетрудно догадаться, тщетно пыталась доказать выкрикивавшим угрозы по адресу бойцов палестинского Сопротивления убийцам, что она ливанка. Но в шовинистическом угаре израильская военщина при любой возможности распространяет звериную практику обезличивания на всех арабов.

гитлеровцы!), другая — «жгучей» для ультрашовинистов в современном Израиле проблеме третьесортных черных евреев. Густо пропитана программа учебных занятий и антиарабизмом — махрово расистским и, как принято у сионистов, псевдонаучным.

В работе «народной высшей школы» (как читатель, вероятно, и сам догадывается, налицо очередной псевдоним, на сей раз даже «народный»!) весьма заинтересованы сионистские центры. Об этом свидетельствует прежде всего поставленный на широкую ногу подбор преподавателей из зарубежных стран. В числе лекторов-гастролеров можно найти имена Граба из Тель-Авива, Шверценца из Хайфы, Лоуренса из Лондона, Лансбурга из шведского города Упсалы. Не менее обильно представлены лекторы из ФРГ.

Но многие ответственные темы доверены, надо признать, местным силам. Скажем, Хейнц Эйсберг посвящает свою лекцию анализу взглядов и деятельности... гитлеровского дружка и подручного Альберта Шпеера.

Да, Шпеера — одного из руководителей кровавой расправы фашистов с евреями, избежавшего виселицы! Влиятельный министр третьего рейха Шпеер после отбытия назначенного ему нюрнбергским международным трибуналом двадцатилетнего тюремного заключения настолько «перестроился», что привлек особенное внимание израильских сионистов. Не случайно группа студентов-историков из Тель-Авива во главе с профессором Циммерманом даже навестила престарелого нациста на его вилле в Гейдельберге. Беседа, судя по изложению израильских газет, прошла вполне мирно, даже трогательно.

«Мы спросили Шпеера,— рассказывает инициатор встречи молодых израильтян с нацистским бонзой Циммерман,— как он, архитектор, пришел к тому, что стал соучастником преступлений. Так оно получилось, ответил Шпеер. Я не был слепым и фанатичным последователем Гитлера, я просто делал служебную карьеру. А когда служишь верой и правдой, то не думаешь о людях, думаешь только о задании, которое надо выполнить любой ценой. При таком отношении к заданию, к служебным обязанностям сглаживается разница между чиновником в министерстве, директором завода и охранником концентрационного лагеря...»

Развивая фарисейские откровения знатного гитлеровца, внимавшие ему молодые израильтяне вполне могли вдохновенно развить их применительно к практике сионистских карателей: если, мол, «думаешь только о задании, которое надо выполнить любой ценой», наверняка сглаживается разница между спасающим детей врачом-педиатром и, скажем, оккупантом, который, ревностно выполняя задание, убивает детей на захваченной ливанской земле.

«Шпеер был исключительно талантливым организатором,— восторгается убийцей сотен тысяч людей профессор Циммерман.— Можно смело утверждать, что благодаря его способностям война затянулась на целый год (какая высокая заслуга рейхсминистра вооружения и боеприпасов перед человечеством!— Ц. С.). Его нельзя обвинить в убийстве в прямом смысле слова: он организовал производство оружия для убийц и, нужно отдать ему справедливость, блестяще справился со своей задачей».

Не менее блестяще справляется со своей задачей профессор тель-авивского университета Циммерман. Ему, безусловно, удается вдохновить своих учеников заслугами Альберта Шпеера в образцовой организации... массового истребления их дедов и бабок, отцов и матерей.

«Шпеер утверждает,— продолжает вещать Циммерман,— что абсолютно ничего не знал об уничтожении евреев. На вопрос, как это могло случиться, что он, в ведении которого находился весь транспорт, не знал, куда направляются эшелоны с евреями, Шпеер ответил: «Я не был связан с движением поездов. Этим вопросом ведал министр транспорта».

Среди питомцев профессора Циммермана нашлась студентка-третьекурсница Наама Хениг, все-таки засомневавшаяся в том, что Шпеер, несмотря на свою близость к Гитлеру, ничего не знал об уничтожении евреев. И престарелый нацистский руководитель снисходительно объяснил девушке: «Я знал, что Гитлер хочет убить евреев, но как он планировал и осуществлял это, я понятия не имел. Поймите, я занимал чересчур высокий пост, чтобы непосредственно войти в соприкосновение со всеми этими делами. Этим занимались более низкие инстанции».

Пытливую студентку целиком и полностью убедила ссылка рейхсминистра на низшие, далекие от него, инстанции. «Он показался мне весьма достойным человеком,— к такому выводу пришла молодая израильтянка.— Порою я даже жалела его — ведь у меня создалось впечатление, что он честный человек».

Словом, полное отпущение грехов «честному» фашистскому палачу!

Сокурсница Наамы Хениг пошла, по сообщению израильской прессы, еще дальше:

«То, что произошло при Гитлере со Шпеером, может случиться с любым человеком, когда личная верность выдвигается как непреложное условие служебного или даже профессионального роста».

Что ж, любой сионистский террорист, любой убийца из подразделений израильской военщины спокойно может оправдать свои злодеяния личной преданностью Бегину и неуемным желанием расти по служебной и профессиональной линии!

Обнаружив в молодых израильских историках столь глубокое понимание его идеалов, нацистский военный преступник растроганно воскликнул:

«Я поражен и восхищен творческой силой и боевым духом израильтян!— И не забыл подчеркнуть свое исключительное преклонение перед испепеляющей арабские земли армией Израиля: — Особенно восхищен цахалом!»

ПРЕМЬЕР-ТЕРРОРИСТ И МИНИСТР СМЕРТИ

Несомненно, ныне гитлеровский пособник нашел бы более высокие слова восхищения цахалом — ведь «армия обороны» Израиля совершила самое кровавое из своих террористических злодеяний последних лет: обрушила смертоносный огонь на суверенный Ливан, и, творя геноцид в традициях единомышленников Шпеера, убила десятки тысяч ни в чем не повинных женщин и мужчин, стариков и детей, ливанцев и палестинцев.

Применение новейшего, наиболее смертоносного американского оружия в ливанской бойне, всякого рода фосфорных, пластиковых, напалмовых, кассетных бомб и прочих варварских средств убойной, как любят выражаться пентагоновские деятели, силы, напомнило мне последнее слово Шпеера на Нюрнбергском процессе. Сей ведущий «технократ» из окружения фюрера, последний раз высказываясь с позорной скамьи подсудимых, счел нужным «как бывший министр высокоразвитой промышленности вооружения» заявить: «Многие из выявленных здесь феноменов установления диктатуры были бы невозможны без применения техники (имеются в виду газовые печи, душегубки, железные «шкафы пыток» и другое техническое оснащение лагерей смерти.— **Ц. С.**). Гитлер использовал технику не только в целях господства над германским народом. Ему чуть не удалось благодаря техническому превосходству подчинить себе Европу (Красная Армия помешала! — **Ц. С.**). Чем сильнее развита техника, тем большую она таит опасность, тем больший вес имеют технические средства ведения войны».

Видимо, израильский министр обороны Шарон (его в самом Израиле прозвали министром смерти) и начальник генерального штаба Рафаэль Эйтан (его прозвище — беспощадный Рафуль), стараясь использовать в истреблении палестинцев этот самый «большой вес» смертоносной техники, основательно проштудировали документацию шпееровской «высокоразвитой» техники геноцида. Вот передо мной схематичный план первого гитлеровского лагеря смерти в Дахау близ Мюнхена — плац и бараки этого фашистского ада, сохраненные как траурный мемориал, я видел в 1972 году и до сих пор содрогаюсь при малейшем воспоминании о них. Рядом с планом Дахау передо мной увеличенный фотоснимок первого концентрационного лагеря, спешно возведенного израильскими захватчиками на окраине Бейрута. Сравниваю план со снимком и убеждаюсь: полнейшее совпадение! Но шагая в ногу с техникой, израильские каратели ввели еще релейную систему сигнализации, сразу же пресекающую попытку не только побега, но и перемещения узников внутри лагеря из-под палящего солнца в скудную тень.

Впрочем, новейшую технику обезлюживания иудео-нацисты успешно сочетают со стародавними средствами убийства. В Сабре и Шатиле они убивали беременных палестинок и обезумевших от ужаса детей еще и штыками, ножами, кастетами. Испытанное оружие погромщиков! Не случайно некоторые французские и швейцарские журналисты именуют гнусные преступления ворвавшейся в лагеря палестинцев израильской военщины кровавыми погромами.

Что ж, с погромов, как известно, начинали и гитлеровцы...

Возвращаюсь к идиллической встрече сионистского историка Циммермана с нацистским бонзой Шпеером для того, чтобы привести симптоматичное «пророческое» предсказание гитлеровского соратника. Привожу шпееровское пророчество в изложении Циммермана, которому, по его умиленному признанию, «эта встреча раскрыла многое»,— вот почему восхищенный профессор поспешил обнародовать: «Шпеер не считает возможным возрождение фашизма». А Бегин и Шарон сочли возможным. И возродили.

Теперь, может быть, Хейнц Галински тоже, наконец, сочтет возможным прокомментировать фарисейское предсказание Шпеера на фоне последних злодеяний Бегина. Ранее глава западноберлинской еврейской общины вообще отказался говорить о встрече Шпеера с тель-авивскими молодыми историками. Ведь еще 11 августа 1980 года я задал господину Галински вопрос:

— Как вы оцениваете высказанные на встрече Шпеера с израильскими историками взаимные симпатии и восхищения?

— Не знаю о такой встрече, не слышал о ней, не читал,— уверенно ответил мне глава западноберлинской еврейской общины.

— По возрасту я старше вас,— вынужден был я напомнить ему,— и даю вам честное слово, что читал подробные отчеты о кощунственной гейдельбергской встрече в израильской прессе, причем далеко не оппозиционной.

После короткой паузы Хейнц Галински разводит руками и тихо говорит:

— Не могу вам не верить. И все-таки такая беседа представляется мне невозможной. Невероятной.

Поистине невероятно. Но факт.

Об этом факте, постыдном, кощунственном — даже для не стесняющихся в выборе средств сионистов! — я обязан был рассказать читателям. Хотя мне пришлось отступить от анализа рафинированно националистической учебной программы, которую в Западном Берлине заставляют изучать бывшего студента, ныне мальчика на побегушках в торговой фирме. Заставляют не одного только его, а десятки молодых юношей и девушек, которым сионисты в своих далеко идущих антисоветских целях пособили после долгих скитаний как-то оформить проживание в Западном Берлине.

Учебная программа упомянутой школы требует, по мнению ее руководителей, основательного изучения трудов Менахема Бегина. Вероятно, это в какой-то степени поможет будущим кадровым сионистам лучше уяснить, почему нынешний израильский премьер вкупе со своими приспешниками превратил тотальный антиарабский терроризм в государственную политику Израиля.

Не случайно у многих слушателей пресловутой школы я видел изданные на немецком, идиш и даже на русском языке проникнутые разнузданным самохвальством и воинствующим антикоммунизмом автобиографические писания Бегина. Беглое знакомство с этими писаниями, снабженными восторженными комментариями «теоретического» бегиновского подвижника Исраэля Эльдада, позволило мне, наконец, уточнить значительно преуменьшаемый террористический стаж господина премьера.

Одно время было принято считать, что дебютом Бегина в роли террориста было истребление почти всего населения арабской деревни Дейр-Ясин в ночь с 9 на 10 апреля 1948 года. Однако затем неопровержимо установили, что именно Бегин был инициатором и вдохновителем взрыва иерусалимской гостиницы «Царь Давид» 22 июня 1946 года. Тщательно продуманный и точно осуществленный ультрасионистами с провокационной целью очернить в глазах мирового общественного мнения коренных палестинцев, этот взрыв унес в могилу 95 человек. Около двухсот человек — среди них старики, женщины, дети — были тяжело ранены и остались на всю жизнь инвалидами. Кощунственная деталь: представителей капиталистических стран, чьи учреждения находились неподалеку от обреченного на разрушение отеля, сионистская агентура своевременно предупредила о предстоящем взрыве.

Но и этот взрыв, оказывается, не знаменует начало террористического стажа Бегина. Рассказывая в своих писаниях о молодости премьер-террориста, его биографы весьма недвусмысленно дают понять, что террористические акции он замышлял еще в 1940 году. В ту пору, будучи членом профашистского «Союза сионистов-ревизионистов», он занимался подрывной антисоветской деятельностью в Вильнюсе и других городах советской Литвы.

Как видите, вот уже более сорока лет исповедует терроризм Бегин! И закономерно пришел к фашизму.

Продолжение следует.

ПРИЗВАНИЕ

В народных сказках добрая фея, определяя будущее человека, дарит ему, только что родившемуся на свет, призвание. Дарит уже с самых ранних лет судьбу. И отныне человек будет верен ей: будет служить своему призванию, находя в нем силу для преодоления всех и всяческих трудностей, горя, обид да просто усталости, все настойчивее совершенствуясь на избранном пути...

Песня стала призванием Ольги Воронец в ту пору, когда она была совсем еще малым ребенком. Она пела, несомненно, подражая музыкально одаренным родителям, но посвоему; и не просто забавно, а хорошо, хотя, разумеется, ничего еще не знала ни о песне, ни о себе. Пела неумолчно, как птица. Повзрослев, поняла, что песня требует не только редкого голоса, не просто вокальных данных, а еще и знаний, умения, глубокого понимания того, что радовало всех, кто был рядом...

Тогда сказка кончилась. Начался труд. Но ведь тут тоже надо было «определиться»: суметь выбрать песню; суметь выразить в песне то заветное, главное, что и делает человека в искусстве личностью и помогает оставаться собой; позволяет не идти за модой, а перешагивать моду, подниматься выше моды...

Но и у песен Ольги Воронец опять же была своя судьба, как бы заранее очерченная. Она пела не все подряд; ее всегда притягивала жизненная суть, рассказ о человеческих судьбах. Она стала изучать народные русские песни, собирать их с упорством и прилежанием...

Чувство родины, искони заложенное в этих песнях,— вот, пожалуй, разгадка успеха певицы. Хотя в самой этой разгадке тоже, конечно, есть свои творческие секреты. И прежде всего — наше общее, сложное, словами не передаваемое ощущение связи человека нынешнего с землей-праматерью; ощущение, которое сегодня в искусстве подлинном обострено многими причинами, но, главное, патриотическим, гражданским, культурным повзрослением народа, воспринимающего с позиций нынешнего дня вековечную мудрость прошлого.

В «репертуар» Ольги Воронец, когда она еще девочкой жила на Смоленщине, уже входила старина во многих простодушных, поэтических народных воплощениях. И, пожалуй, это все-таки были не просто забавные в устах ребенка песни, а уже некое начало: своего рода тропинка, выводившая на дорогу будущего...

Теперь имя Ольги Воронец на афише позволяет предугадать если не программу концерта, то его звучание. И успех как бы обеспечен заранее. Но его не было бы, если бы не продолжающаяся по-прежнему неустанная работа певицы... Белоручки и баловни судьбы еще могут сегодня скрыться, спрятать свою лень за громозвучными ритмами ВИА. Но ненадолго. Самое движение, развитие, даже направление возможностей таланта прирожденного решают только воля и труд — об этом давно сказал великий Чайковский. Впрочем, он же и заметил, что в конце концов вслед за трудом — и как награда за труд! — к художнику настоящему приходит вдохновение.

Для трудолюбивой натуры Воронец по-своему важен и нужен каждый концерт, каждая поездка; она не может сказать «нет» людям, которые ее ждут... С увлечением вспоминает певица, как ездила много лет назад на строительство Братской ГЭС — пробиралась «по первым пенькам», чтобы петь для слушателей, собравшихся на только что расчищенной ими поляне... А недавно снова побывала в Братске и как же удивилась, как обрадовалась великолепному творению рук человеческих!.. Несколько раз была на БАМе и однажды первым поездом до Кунермы доехала. Но все больше ей приходилось на огромных «магирусах» пробиваться через тайгу к людям, которые ее ждали. И ждут.

— У меня и на КамАЗе друзья, и на «Атоммаше»,— говорит певица,— и на Улькане... Недавно в Коми АССР ездила: идет там большая стройка. Своими силами воздвигли ребята клуб, да какой! А на концерт молодежь собралась. Не в «робах», пришли модно одетые, модно причесанные — на уровне столицы — парни и девушки... Посмотрела я на них и... вдруг засомневалась!.. Впервые за свою жизнь засомневалась и в себе самой и в своих песнях. Думаю: а вдруг эти ребята не поймут, не откликнутся, не примут мои песни, не возьмут их в свое сердце! Да и на что им старина,— уж очень далеко ушли от нее нынешние люди... Но делать нечего, как говорится: взялся за гуж!.. Запела я... Одну, другую песню спела... И какая же возникла восторженная ответная отдача! Как искренне раскрылись сердца, как близко почувствовал зал душу народной песни — ее настроение: всегдашнюю, единую для всех времен и народов жажду счастья, дружбы, любви, человеческого взаимопонимания... А когда я чувствую зал «своим», когда наступает такое вот желанное единство, тогда я обязательно еще и «Лучинушку» пою — это одна из самых любимых моих «старых» песен. Очень душевная, лирическая песня, но и трагизм времени в ней живет. И безысходность загубленной девичьей судьбы:

Милые родители, сваха да родня,
Лучше б вы, мучители, извели меня...

«Лучинушка»— как некоторые другие песни — так тесно вошла в жизнь и сроднилась с людьми, будучи ими понята и принята, что со временем утратила имя автора... Быть может, если б он узнал об этом, для него это было бы высшей наградой!.. Я думаю, есть и всегда будут такие прекрасные песни. И ведь знаменитые пушкинские стихи «Сквозь волнистые туманы» тоже стали народной песней, или романсом,— тут много общего... И не перечтешь эту высокую, сердечную поэзию, «утратившую» имя автора и взамен получившую всенародную любовь! А когда сам народ ответно слагает свою собственную — и тоже прекрасную — песню, возникает, по-моему, некая перекличка... Слово и музыка рождают образ жизненный, крупный. Иной раз ему даже и названия нет! Правда самой души...

— А есть у вас песни особенно любимые?

— Я все их люблю... «Лучинушкой» начинала свои первые большие концерты старинной русской песни. Но, может быть, самая любимая из старинных — «На улице дождик»...

У «Дождика» особая история. Однажды Алексей Максимович Горький прислал Ирме Петровне Яунзем песню, записанную в ту пору, когда был еще Пешковым, работал грузчиком в артели. Песня, быть может, и подсказала Горькому его будущее литературное имя: так много в ней горечи, страдания, сердечной боли...

На улице дождик з вядра поливает,
Ой люшеньки-люли, брат сестру качает.
Ты расти, сестрица, расти поскорее,
На долгие годы, да на бабью долю.

И дальше мальчик рассказывает сестренке о той горькой доле, которая достанется ей, когда она вырастет и выйдет замуж «в семью несогласну, в деревню чужую... Мужики там дерутся, топорами секутся. Соседи косятся, да свекровь бранится... А поутру дождь, дождь... До полуночи дождь, дождь».

— Здесь даже на шепот, на еле слышное пианиссимо можно перейти. Люди все равно услышат горе... И откликнутся,— говорит Ольга Борисовна...— С этой песней случилось выступать в Пензе на открытом стадионе; вдруг начался — точно, как в песне — проливной дождь, и не видно было ему конца... А со стадиона не ушел ни один человек.

И вот еще одна из недавних поездок: Воронеж.

— Навсегда сохраню в душе свои воронежские встречи! — говорит певица.— Навсегда буду благодарна этим людям за то, что они такие, какие есть: открытые, честные, работящие, с добрым, распахнутым сердцем... Побывала в Семилуках — городок совсем недалеко от Воронежа; когда-то бывал там знаменитый мастер песни, русский народный поэт Кольцов, и захотелось поклониться памятным местам... Но еще ниже поклонилась я людям, которых узнала и полюбила. Издавна строили и обживали они свою родную землю, а потом обороняли от фашистов; пережили страшную гитлеровскую неволю, пытки и убийства... А когда пришла Победа, снова стали воссоздавать разрушенную жизнь, бороться за мир... Вдохновляют такие поездки! Вроде бы обыкновенная гастроль. И незабываемая.

В Семилуках с особенным теплом спела Ольга Воронец хорошую нынешнюю советскую песню о выборе человеческой судьбы. Вроде бы о самой себе пела:

Как жить и что делать, — ты сам выбирай,
Но чаще с течением лет
Тебе будет сниться березовый край,
Где ты появился на свет...

Много краев освоила, много земных просторов охватила своим прекрасным искусством Ольга Воронец... Большую радость людям даруют ее песни.

Н. ПАВЛОВА.

Фото И. Гаврилова

ИСКУССТВО БЫТЬ СТАРИКОМ

Мария ХАЛФИНА

Верочка, здравствуй! Читала твое письмо, посмеялась и, представь себе, немножко пустила слезу. Тебе этому трудно поверить, вы же слез моих не видели.

Ох, дорогие вы мои мальчишки и девчонки! Самые дорогие для меня — выпускники конца сороковых годов. Все, с кем за долгие годы не порвались мои связи.

И вот теперь, в преддверии пенсионного возраста, вы просите меня, свою старую учительницу, открыть вам «секрет молодости в семьдесят пять лет». И тревожитесь: все ли у меня в порядке со здоровьем?

Старость, Верочка, очень скверная штука, если ее не держать в ежовых рукавицах. Понимаешь, старость — это прежде всего борьба. Очень нелегкая борьба стареющего человека с самим собой. Людей слабых духом она иногда очень рано сечет под корень. У старения две главных приметы: усталость и недомогание. Многих изнуряют бессонницы, да и сон часто не снимает усталости. Неможется с утра, в результате — мучительная раздражительность, непреоборимое желание ворчать, кому-то пожаловаться, похныкать. Не хочется вставать... лежать бы, лежать — не открывая глаз, не отрывая головы от подушки. И если ты не возьмешь себя за шиворот, не встряхнешь, не заставишь подняться, через несколько дней ты уже действительно не можешь встать.

Все мы прекрасно понимаем, что значит для стареющего человека утренняя зарядка. Казалось бы, чего проще? Выполняй предписания и советы врача. Времени все это отнимает не так много. Трудно заставить себя. Принудить. Самодисциплина нужна железная. Зато, если заставишь себя проделать это утреннее самовоскрешение, приходит награда: поднялось настроение, хочется двигаться, действовать.

Но это одна сторона твоей дуэли со старостью. Кроме таких примет, как усталость, недомогание, апатия, есть приметы более горькие: неуживчивость, сварливость, отравляющие жизнь самых близких и любящих тебя людей. И ранимость. Слезливая ранимость.

А как ужасна старческая болтливость! Человек теряет умение слушать. Перебивает собеседника, в лучшем случае с нетерпением ждет, когда можно будет вклиниться в разговор и начать нескромное утомительное самовосхваление, демонстрацию своих достоинств.

Старение — это время потерь. Слабеет память, твоя когда-то удивительная память, беднее становится речь. Но и это еще не самое страшное. Ты еще не потеряла чувства критического самоанализа, не отказало пока одно из чудеснейших свойств человека — чувство юмора. Ты еще можешь, как выражаются врачи, не фиксировать своего внимания на разных негативных ощущениях и даже боли. Ты еще способна сдерживаться и скрывать, когда тебе очень скверно, чтобы не испугать близких. Ты еще можешь вовремя осознать, что в чем-то была неправа, несправедлива, кого-то незаслуженно обидела. И имеешь силы признать это вслух и извиниться перед обиженным тобой.

Самое горькое впереди. Это когда тебе откажет способность видеть себя со стороны, критически оценивать свои действия и поступки. Когда вдруг тебе покажется, что ты-то как раз и есть самая мудрая из стариков, что все, что ты говоришь, чрезвычайно глубоко по смыслу и очень интересно для окружающих. Что твой возраст и жизненный опыт дают тебе право всех поучать и назидать. Высказывать свое мнение уверенно, с апломбом по любому вопросу, хотя именно по этому вопросу у тебя никогда не было ни знаний, ни опыта. И абсолютно не замечать, насколько ты становишься смешной и жалкой и насколько трудным — общение с тобой.

Правильно, Верочка. Это — угасание. А вы хотите узнать мой «секрет», как на восьмом десятке, растеряв здоровье, сохранить ясность духа и мышления?

Состояние человека на ранней-ранней его зорьке определяется крохотным словом **еще:** «Он еще маленький. Он еще глупенький. Он еще не может». А на закате употребляется тоже крохотное слово **уже.** «Он уже старенький... глу-п-упенький. Он уже не может...» Но я, Вера, не о тех, кто — уже. Я расскажу о тех, кто еще в какой-то мере владеет своим «секретом».

Пожалуй, самая горькая из всех примет старения — это одиночество. Как сказано в какой-то небольшой повести: каменная пустыня одиночества.

Я знаю, ты возразишь, что одиночество — горький удел не только стареющих и старых людей. Да. Причем одиночество человека молодого значительно страшнее. Но одиночество молодых — категория чаще всего временная, и болезнь эта излечимая, а груз одиночества старческого с каждым годом становится все тяжелее и тяжелее.

И опять же я говорю не о тех одиноких, у которых нет ни семьи, ни близких. Все у старика есть. И дети и внуки. Они его искренне любят. Когда ему больно, они так же искренне сочувствуют ему, сопереживают, но очень часто не могут понять, отчего ему больно.

Спасибо старости, что она подкрадывается к нам исподволь. Если бы она обрушивалась на человека внезапно, он не в силах был бы этого вынести. Люди с ума сходили бы.

Не рычи, Верочка, и не фыркай на меня. Сама я всем этим стариковским комплексам пока, слава создателю, не поддаюсь. Чего и тебе желаю. Просто мне хочется втолковать тебе, что человек молодой, добрый человек, любящий, отзывчивый органически не способен понять многого в душевных страданиях старика.

Молодость не знает, что самое драгоценное в жизни человека — время. Что на склоне лет оно становится безжалостно жестоким. Летит с неумолимой стремительностью. Но понимать это человек начинает слишком поздно, когда он уже не в силах восполнить потери, которые нанес себе сам в первые три десятилетия своего существования.

Но это все, так сказать, высокие материи. А я хочу рассказать тебе о тех мелочах — повседневных, порой нелепых,— которые углубляют одиночество старика и все более осложняют отношения в семье.

Встретила на днях старую свою знакомую, тоже бывшую ученицу. Идет, оказывается, ко мне за советом. Со свекровью она прожила много лет душа в душу. Свекровь — славная такая старушка, уживчивая, разумная. Люба чуть не со слезами просит меня: «Поговорите вы с мамой, узнайте, что с ней происходит. Неделя уже — словно иголку проглотила. Молчит, подожмет губы как-то по-новому и молчит. Отсиживается одна у себя в комнатушке, поесть и то норовит без нас. Ну, я раз спросила, другой, потом говорю: «Мама, ты скажи, может, тебя ребята обидели, сама же ты нас учила никогда ничего на сердце не таить, может, болит у тебя что?» А она отвечает: «Зуб у меня сломался...» Честное слово вам даю, я сдержалась, даже не улыбнулась. Ну вы подумайте сами: человеку семьдесят лет, зуб у нее выпал, и она... Я ее спрашиваю: «Сильно болит?» А она пристально так посмотрела на меня. «Нет»,— говорит. И заплакала. Заплакала, ушла к себе и закрылась на ключ».

Ну, короче говоря, оказалось, что зуб-то был тот самый, на котором крепился верхний протез. Теперь Любина свекровь сможет есть только кашку да размоченный хлеб, ни откусить, ни жевать ей нечем. А губы она «как-то поновому поджимает» потому, что верхняя губа без протеза полностью запала внутрь.

Так-то вот, Верочка. А когда я рассказала Любе и ее мужу, в чем дело, они искренне поахали, погоревали, а внутренне продолжали удивляться. Подумать только! Это же все так естественно. В таком возрасте почти у всех людей зубов нет. Если из-за каждой мелочи так расстраиваться...

Хорошо, что в этой семье бабушку-маму любят и когда не могут понять причины ее горестей, то просто по-человечески ее жалеют. И за это великое им спасибо.

А в прошлое воскресенье пришел ко мне Сережа Стрельников. Ему тридцать лет. У матери он последыш. Ей, Елене Григорьевне, сейчас уже за семьдесят, прихварывает, конечно, но вообще-то достаточно еще бодрая, остроумная, много читает, ходит с мальчишками в театр. У Сережи с Шурочкой близнецы — Санька и Панька, в этом году перешли в третий класс.

Елена Григорьевна жила в Брянске у старшей дочери, Зины, но месяц назад Сергей слетал в Брянск, привез **ее к себе.** Причем привез не погостить, «не на пока», как сообщили мне Санька с Панькой, а «насовсем».

И вот расстроенный Сергей сидит передо мной и хмуро рассказывает: «Собирается ехать обратно к Зинаиде, а этого нельзя допустить. Вы же знаете, Виктор пить начал, и основательно, Генка с Мариной по два раза в месяц разводятся, вопли, истерики... Нельзя там маме больше жить. Посмотрите, как она исхудала, постарела. Теперь, в новой квартире, наконец-то мы с Шурой отдельную комнатку смогли предоставить ей, мальчишки подросли, с бабушкой они ладят... В чем дело, спрашиваете? А я не знаю. Представьте себе — ничего не понимаю...

В общем, получается, что она вдруг ни с того ни с сего Буклю невзлюбила. Десять лет любила, помните? Буклю тесть покойный Шурке на свадьбу в приданое подарил, а теперь собака, понимаете, маму лаем пугает...»

Букля — старенькое, донельзя жалкое создание. Полуслепой, полуглухой, и чутья собачьего, видимо, уж нет. Свой или чужой позвонит, он с пронзительным лаем бросается в коридор.

И вот вечером я сижу в светлой, уютной горенке Елены Григорьевны. Молодые ушли в театр, мальчишки у телевизора наслаждаются мультяшками.

«Около года уже творится со мной что-то неладное — стала я пугаться внезапных звуков.— Елена Григорьевна говорит тихонько, чтобы не услышали мальчишки.— Особенно плохо, когда зачитаюсь или письмо ребятам пишу, увлекусь, а если задремлю и что-нибудь упадет или ветер форточкой открытой хлопнет — очнусь вся в поту, горло спазм перехватит, сижу без дыхания, выпучивши глаза — кажется, ну все! Конец...

В прошлую пятницу очень плохо получилось. Дома я была одна, задремала, а Букле или приснилось, или причудился кто-то... Очнулась я на полу, на коврике у постели,— ни крикнуть, ни до телефона доползти не могла. Очень жутко. Думала — инфаркт, боль сильная была, но на этот раз отлежалась, отдышалась. А теперь я днем даже прилечь боюсь, чтобы не задремать.

И сама понимаю, что сердиться на этого уродушку нельзя, а уже несколько раз срывалась. Заору на него, убила бы, кажется, мучителя — такая обида охватит, а потом казню себя, стыдно же... Главное, при детях на него ору, а мальчишки такими несчастными глазами на меня глядят. Они не могут понять, что с их бабуленькой происходит: с ума, что ли, она сошла?..

Нет, уезжать надо, а до чего же не хочется».

Я, Вера, спросила ее, рассказала ли она Сергею и Шуре все вот так, как мне поведала? А Буклю, говорю, нужно усыпить. Видела бы ты, какими глазами она на меня посмотрела!

«Эту собаку,— говорит,— Шуре подарил покойный отец. Саша и Павлик по очереди утром поднимаются на полчаса раньше, чтобы до школы успеть сводить Буклю погулять. Ест он совсем плохо, так они котлеты с хлебом жуют и кормят его. Это же прекрасно: мальчишки-озорники и так преданно любят старого, уродливого пса. Если Сергей сделает это, я уже никогда больше не смогу сюда вернуться. Не смогу мальчишкам в глаза посмотреть. А я обязательно приеду. Он же ведь долго не протянет, сам помрет, несчастная псинка, вот тогда я приеду уже «насовсем».

Когда-нибудь, Верочка, ты напомнишь, и я расскажу тебе, чем эта история закончилась. Ну, а сейчас, в последних строках своего письма, хочу я подбросить тебе на предмет обдумывания еще одну мыслишку.

Не кажется ли тебе, дитя мое, что слишком много мы говорим о проблеме отцов и детей, о преемственности поколений, о том, что не умеем воспитывать в наших детях почтения к старости?

А еще очень любим мы петь звучные песни о счастливой старости, о том, что старикам у нас везде почет и что старость нас дома не застанет, потому что мы всегда в дороге — шагаем жизнерадостно до последнего своего часа по туристским тропам.

Словами и песнями уважение к старости воспитать трудно. Не нужно бояться травмировать хрупкое детское сознание суровостью жестокой истины, что жизнь человеческая очень быстротечна, впереди у каждого старость.

Страшна не сама старость, а когда и каким ты к ней придешь. Изуродованная водкой печень; беззащитно раскрытые перед раком и туберкулезом, с детства прокуренные легкие; тяжелое, вялое тело, к сорока годам обремененное излишками жира; одышка и суставы, рано потерявшие эластичность и подвижность.

Но что страшнее всего: сердце, не умеющее радоваться чужой радости, в которое через непробиваемый панцирь равнодушия не может достучаться чужое горе.

И еще одну истину человек должен усвоить с младенческих лет. На свете существуют два сокровища: жизнь человека и время, отпущенное ему, чтобы прожить эту жизнь с толком и смыслом. Что я понимаю под словом «смысл»? Чтобы, подходя к финишу, не спрашивать себя с отчаянием и стыдом: для чего я жила?!

Вот если бы, пусть в порядке эксперимента, попробовать готовить людей к жизни по таким рецептам,— старость в конце концов перестанет быть пугалом, старики, каждый по своим возможностям, овладеют «секретом молодости». А ты не хихикай, ехидное создание, лучше все соберитесь и тряхните стариной — приезжайте к своей старой «мудрой сове-наставнице», чтобы посмеяться и посплетничать еще разок коллективно.

А засим низко кланяюсь всему новосибирскому гнезду от бела лица и до сырой земли.

Капитан сборной Вячеслав Зайцев (справа) и его товарищи по сборной команде Юрий Панченко (слева) и Сергей Грибов с главным призом чемпионата.
Телефото АП — ТАСС

МОЛОДЦЫ, ВОЛЕЙБОЛИСТЫ!

В десяти чемпионатах мира участвовала сборная команда СССР по волейболу и в шести добивалась победы. Таков блестящий итог после очередного выступления наших волейболистов на чемпионате мира в Аргентине.

Девять матчей провела наша сборная в борьбе за золотые медали и во всех побеждала, причем дважды — очень сильную команду Бразилии. Но одно дело — успех в предварительной встрече, а другое — в финале, когда на карту поставлено все. Но и вторая игра с бразильцами снова завершилась с таким же результатом, как и первая,— 3:0. Двенадцать лучших волейболистов страны из пяти клубов вошли в состав сборной. Вот их имена: Ю. Панченко, А. Савин, О. Молибога, В. Лоор, В. Лосев, В. Зайцев, В. Дорохов, С. Грибов, О. Смугилев, В. Шкурихин, П. Селиванов, А. Сорокалет. Высокое мастерство, несгибаемая воля отличали каждого. «Я не вижу команды, которая могла бы сколько-нибудь серьезно конкурировать с советской»,— заявил президент Международной федерации Поль Либо, и в этом заслуга старшего тренера сборной В. Платонова.

В этом году, как бы компенсируя неудачное выступление наших футболистов в Испании, побед на чемпионатах мира добивались наши гандболисты, ватерполисты, баскетболисты — и вот теперь продолжили эту блестящую серию волейболисты. Молодцы!

К. ЯКОВЛЕВ

гастроли

СВОЕ ЛИЦО

До Октября не существовало ни кабардинского, ни балкарского театра. У кабардинцев истоки театрального искусства восходят к театрализованным бытовым обрядам, к певцам-импровизаторам джегуако; у балкарцев — к сатирическим пантомимам «кепчи». Театр как искусство на кабардино-балкарской земле родился лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, но оба коллектива долго шли своим путем...

Открылись гастроли драмой А. Теппеева «Коммунист» (постановка народного артиста КБ АССР Б. Кулиева) — о времени и проблемах коллективизации.

Сюжетная коллизия вроде бы и несложна. Перед балкарцем Сеитом, а он секретарь партячейки, стоит задача привлечения горцев в колхоз, но именно привлечения — по убеждению.

Сеит молод, решителен и упрям. Но упрямство — в интересах дела. Артист М. Атмурзаев подчеркивает в своем герое стойкость и бесстрашие. Актеру подвластно многое. И, безусловно, подкупает его характер. Он искренен и правдив.

Образ Жансоха, родного брата Сеита (заслуженный артист РСФСР Х. Юсупов), сложнее. Еще и потому сложнее, что Х. Юсупов не стремится ни «обелить», ни «отмыть» своего героя.

Жансох не решается вступить в колхоз. И основной коллизией становится ломка психологии Жансоха. Решающим, что меняет его мировоззрение, оказывается гибель брата. На протяжении всего спектакля герой Х. Юсупова несет в себе свою вину. Он искупит ее, лишь глубоко перестрадав, изменившись...

Другой гастрольной работой театра стала историческая пьеса кабардинского поэта-драматурга Б. Утижева; по замыслу — произведение-фреска. Кое-где в ней слышатся отголоски античной литературы, но в целом звучание пьесы глубоко национально.

Величественность, монументальность зрелища захватывают, да и пьеса не становится просто «исторической драмой»: в ней решаются извечно живые проблемы любви и добра, ненависти и предательства... Талантливые актеры кабардинской труппы создают впечатление сиюминутности событий. Главная героиня, Тыргатао, дочь вождя меотов и жена синдского царя Джагатея (меоты и синды — прародители нынешних адыгов — кабардинцев, адыгейцев и черкесов) в трактовке артистки В. Гадзаевой — любящая и нежная дочь, мать и жена. Но она еще и борется за родину, одерживая победу над вражескими войсками... Спасшая землю, эта победа стала в судьбе героини роковой: она теряет сына, мужа, отца... Кульминацией спектакля становится монолог Тыргатао, заточенной на острове, где эта хрупкая и нежная женщина снова возьмет меч, чтобы защитить не только себя, но — снова — Родину.

Эту актрису мы увидели совсем иной в роли Лиззи в пьесе Р. Нэша «Продавец дождя» (режиссер Р. Фиров).

Лиззи В. Гадзаевой — натура сложная и тонкая. Она страдает, что никто не видит ее такой — не знает настоящую Лиззи, пока не является некий Старбак и поэзия души торжествует над прозой быта.

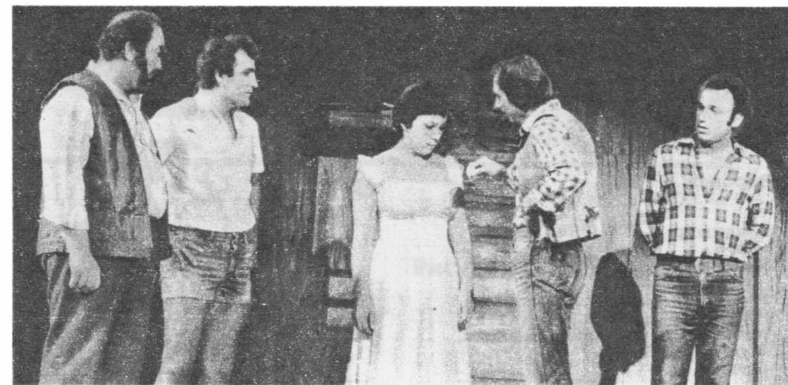
Иной настрой, колорит у спектакля балкарской труппы по трагедии Г. Лорки «Кровавая свадьба» (режиссер — народный артист КБ АССР Б. Кулиев). Спектакль уже поначалу несет в себе трагедию, роковую предопределенность. Сюжет как бы отступает на второй план, а первый — это трагическая атмосфера. Она во всем — в черно-красных (как подобает испанским цыганам) одеждах героев; в зловещем колорите оформления.

Спектакль чрезвычайно эмоционален. Центр же спектакля и его стержень — Мать, сыгранная Р. Байзулаевой.

Когда театр завершил гастроли, зритель пришел к выводу, что Кабардино-Балкарский театр имени Али Шогенцукова имеет особое, запоминающееся лицо. А это уже много.

А. ЗВЯГИНА

Сцена из спектакля «Продавец дождя».

Сатирические миниатюры

Евгений НОВИЧИХИН

«ОБРАЗЕЦ»

Профвзносы уплатил Авдей,
Являя
образец порядка:
— Примите
с пятисот рублей:
Зарплата,
Премия
И взятка.

ПОДЗАЩИТНЫЙ

Хоть посредственно весьма
Защитил
Диплом Фома,
Основательно потом
Защищал
Фому диплом.

ОГНЕОПАСНО!

«Синица море подожгла?»
Ей-ей,
Вполне-вполне
реальная картина.
Ведь к морю
речка тянется,
а в ней
Вода огнеопаснее бензина!

КРИКИ МОДЫ

Крики моды?
К ним любой из нас
привык!
И уже о том
свидетельствует опыт,
Что как только
раздается
где-то крик —
Переходит
голос разума
на шепот...

ДОСТАВАЛА

Дефицит,
Доставание,
Блат —
И впопад
И совсем невпопад —
Лишь об этом
За фразою фраза.
Склад ума у иного —
Не склад,
А сплошная
Торговая база!

Воронеж.

Владимир ХРИСТОВОЙ

ХАНЖА

Набравшись опыта, с годами
Он стал и ловок и умел:
Начальство пожирал глазами,
А подчиненных
Просто ел.

БРАКОНЬЕР О СНЕЖНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

— Ах, скольких он ученых
с толку сбил!
И кончить спор о нем давно пора
настала:
Ведь если бы действительно
он был,—
Его б давным-давно уже не стало.

ГОМО ТУНЕЯДУС

Ни для кого давно уже не странно,
Что мы свой род ведем от
обезьяны.
А тунеядец от кого? Загадка века?
Нет! Он произошел...
От человека.

НЕПОДРАЖАЕМЫЙ ОТЕЛЛО

Играя роль
Самозабвенно
По пьесе
Старого кумира,
Актер душил
Одновременно
И Дездемону
И... Шекспира.

ГОРЕ ОТ УМА

Закончены
Нелегкие мытарства:
Все рубежи
Сумев преодолеть,
Она достала
Редкое лекарство...
Теперь осталось только
Заболеть.

Горловка.

Степан МХАРГРДЗЕЛИ

РЕЖИССЕР-НОВАТОР

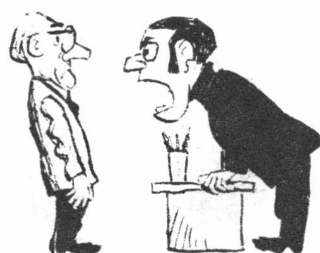
Приняв театр,
Его он сделал скоро
Театром одного актера.
Пошел и далее путем
таинственным:
В театре зрителем он стал
единственным.

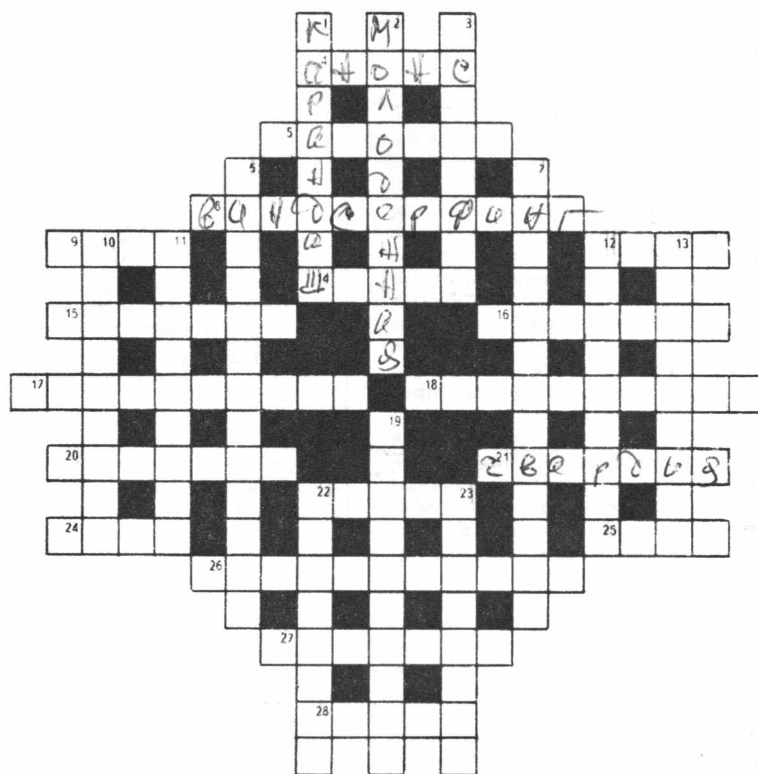
НЕ УЛОЖИЛСЯ

Решил начальству сделать он
разнос.
Взял слово в прениях,
Назло трусливым прочим.
Разок-другой промолвил
«между прочим»,
Четыре «то есть» произнес.
Десяток «так сказать», настроил
темперамент,
Но... тут, к несчастью,
Кончился регламент.

Перевел с грузинского
Борис ГАЙКОВИЧ.

Тбилиси.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Предварительное объявление о спектакле, лекции. 5. Город в Гомельской области. 8. Вид парусного спорта. 9. Ученый, химик-технолог, Герой Социалистического Труда. 12. Река в Карелии. 14. Советский летчик-космонавт. 15. Русский землепроходец XVII века. 16. Человек, искусно владеющий средствами художественной выразительности. 17. Опера Ю. А. Шапорина. 18. Лесная птица с пестрым оперением. 20. Форма минерального удобрения, кормовой смеси в виде зерна. 21. Отборная часть войск. 22. Народный артист СССР. 24. Приток Десны. 25. Деталь гусеницы танка, вездехода. 26. Способ заготовки сочных кормов. 27. Хирург, академик, лауреат Ленинской премии. 28. Орех, плод пальмы.

По вертикали: 1. Стержень в оправе для письма, рисования. 2. Советская полярная станция в Антарктиде. 3. Ударный музыкальный инструмент. 6. Наука, изучающая одноклеточные организмы. 7. Средство конкретного социального исследования. 10. Советский писатель. 11. Воспитанник трудовой колонии в «Педагогической поэме» А. С. Макаренко. 12. Стихотворение Н. А. Некрасова. 13. Персонаж в опере Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка». 19. Птица отряда воробьиных. 22. Способ обработки металлов давлением. 23. Часть конструкции сооружения, поперечная балка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали: 7. Салехард. 8. Тарантас. 10. Мелодрама. 11. Гряда. 13. Скань. 15. Паритет. 17. Шлюз. 18. «Луна». 19. Беллинсгаузен. 22. Соло. 23. Тире. 24. Армавир. 25. Гамак. 27. Грамм. 28. Викторина. 31. «Хамелеон». 32. Батальон.

По вертикали: 1. Гастроль. 2. Схема. 3. Урал. 4. Чаша. 5. «Манас». 6. Паганини. 9. Администратор. 12. Дездемона. 14. Коллектор. 15. Петлица. 16. Траулер. 20. Мопассан. 21. «Громобой». 26. Квилу. 27. Гараж. 29. «Клоп». 30. Икар.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Юный палестинец Абдель-Кадер Закария.

Фото А. Бочинина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Евгений Николаевич Пушкин и его музей. (См. в номере материал «Влюбленные в музыку».)

Фото И. Гаврилова

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 04.10. 82. Подписано к печати 19.10.82. А 00417. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2083. Заказ № 3140.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Советский Союз, советский народ кладет весь свой политический и моральный потенциал, весь авторитет своей политики на чашу весов мира.

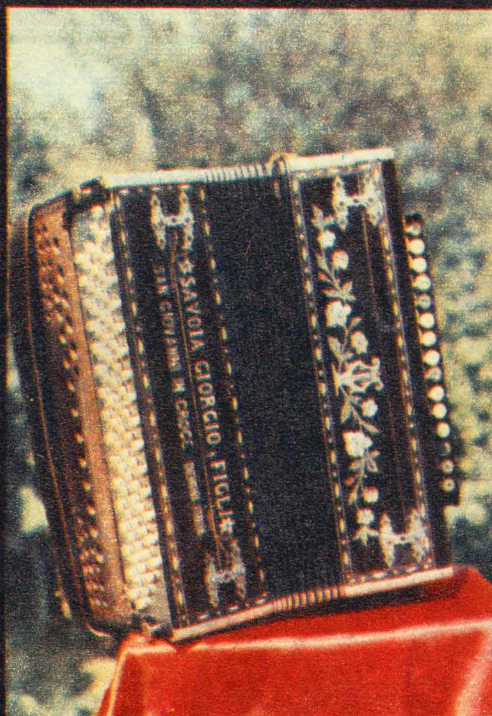
А. А. ГРОМЫКО
Из выступления на XXXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

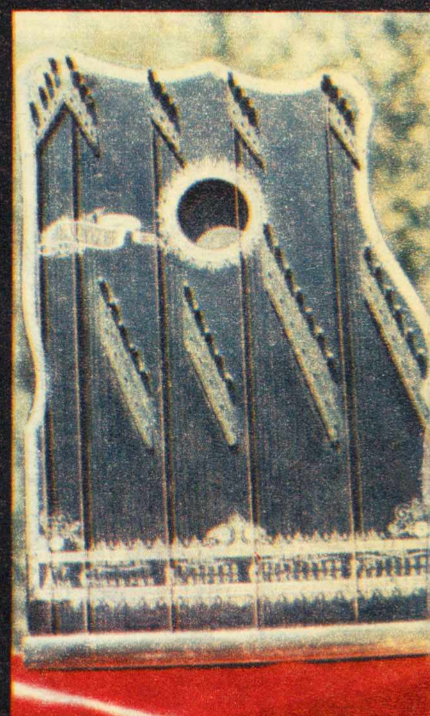
ПРОГРАММА МИРА —
ЭТО НАШЕ КРЕДО.
ЗАВЕТАМ МИРНЫМ
ЛЕНИНСКИМ ВЕРНЫ.
УГОМОНИТЕСЬ,
БОССЫ-ЛЮДОЕДЫ,
НАРОДЫ ВЕРЯТ:
МИР СИЛЬНЕЙ ВОЙНЫ!

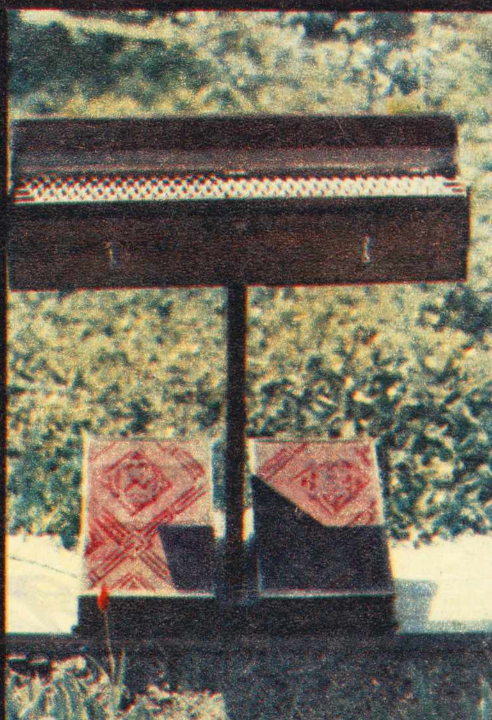
Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

